НАША БИБЛІОТЕКА

Томъ I.

Клодъ Фарреръ

ПОСЛѢДНІЙ БОГЪ

РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
И. ЕФИМОВА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТЕРАТУРА“
РИГА, ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ, 77
1927

Типографія „РЕКОРДЪ“
Рига, Елизаветинская 22.

ТЫСЯЧѢ ТРЕМЪ...

Лишь меня они не могутъ убить
До тѣхъ поръ, пока сжимаютъ другъ
друга въ объятіяхъ, пока весна смѣ-
няетъ періодъ дождей...

Редъярдъ Киплингъ

КНИГА ПЕРВАЯ.

ЧУВСТВА.

Женщина твоей души и твоихъ первыхъ объѣтовъ.

АЛЬФРЕДЪ ДЕ-МЮССЕ.

I.

Посѣтитель позвонилъ у дверей крохотнаго особняка. Калитка долго не отворялась. Садикъ... домикъ... все было очаровательно, но казалось запущеннымъ. Деревья, кусты, лужайки, росли гдѣ попало, точно въ дѣвственномъ лѣсу для куколъ. А между тѣмъ, два столѣтія тому назадъ это было «сумасшествіемъ» французскаго герцога, кума и пріятеля Регента. Въ 1720 году скрипки, безъ сомнѣнія, непрерывно пѣли въ этомъ «лѣсу». Постепенно онѣ умолкли, хотя декорація за два столѣтія почти не измѣнилась въ парижскомъ шалашѣ, шалашѣ съ улицы Булэнвилье.

Улица все еще была деревенскимъ переулкомъ и напрасно двадцатый вѣкъ грохоталъ съ востока и запада — на авеню Моцартъ и улицѣ де-Пасси: въ этомъ, 1920 году, молчаливый оазисъ — на долго ли? — казался созданнымъ для великихъ мечтателей, послѣднихъ изъ вымирающей семьи. И дѣйствительно, Пьеръ Луій еще жилъ здѣсь, а Клодъ Дебюсси только что скончался.

Что же касается посѣтителя, позвонившаго у калитки, то онъ, безъ сомнѣнія, тоже былъ чѣмъ то вродѣ поэта: оглянувшись, онъ забылъ позвонить вторично, и терпѣливо ждалъ, прислонившись спиной къ заржавѣвшей и обросшей мохомъ калиткѣ. Видно было, что онъ, глядя на этотъ старинный домикъ подъ достигшими полной своей высоты деревьями, внезапно забылъ о многомъ. Между тѣмъ ноябрьское небо истекало туманомъ и капли дождя падали на мечтателя съ концовъ порыжѣвшихъ листьевъ каштановъ.

Все же ожиданіе продолжалось такъ долго, что посѣтитель началъ ругаться; — о! безъ злобы, пожалуй даже съ неожиданнымъ удовольствіемъ.

— Пресвятой Андрей! — воскликнулъ онъ, — развѣ это не напоминаетъ мою старую Шотландію? — Такъ вотъ она, столица, міровой центръ, культуры... и любви!

И вотъ, въ ту же минуту, калитка отворилась. По правдѣ говоря, казалось, что мохъ такъ прочно соединилъ ея створки, что они больше не въ состояніи открыться. Въ этомъ шалашѣ, которому было суждено въ теченіе ближайшихъ пяти-шести лѣтъ въ корнѣ измѣнить свой внѣшній видъ, осень все покрывала тишиной и неподвижностью.

Все же ворота открылись и появившееся въ щели личико не имѣло ничего осенняго: это была пудренная, подмазанная мордочка двадцатилѣтней дѣвочки. По апломбу, съ которымъ она вела себя, сразу было видно, что здѣсь внутри она рѣже всего играла роль прислуги.

Посѣтитель, хотя ему было всего тридцать лѣтъ, основательно изучилъ науку свѣтскаго обращенія, — если не предполагать, что онъ инстинктивно велъ себя такъ, какъ полагается, или обрѣлъ это умѣніе по наслѣдству. Онъ поклонился, соблюдая всѣ тонкости соотвѣтствующаго этикета.

— Мадемуазель...

Затѣмъ онъ кинулъ въ сторону, но достаточно громко для того, чтобы его собесѣдница услыхала:

— Какъ она прелестна, эта малютка!

Затѣмъ, обычнымъ тономъ:

— Герцогъ де Л'Иль Родъ у себя, мадемуазель? Я его другъ, принцъ Карлъ-Эдуардъ... Карлъ Эдуардъ Стюартъ, да...

Молодая дѣвушка, смутившись, неожиданно присѣла. Этотъ придворный поклонъ на газонѣ, никогда не видавшемъ ножницъ садовника, производилъ картинное впечатлѣніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что Карлъ-Эдуардъ II, король Шотландіи, Англіи и Ирландіи де-юре, былъ достоинъ поклона; любая субретка-анархистка признала бы это. Но поклонъ поклону рознь. Служанка Л'Иль Рода поклонилась ниже, чѣмъ обычно кланяется хорошенькая женщина, даже если передъ ней король... Между тѣмъ Карла-Эдуарда Стюарта нельзя было назвать красавцемъ: черты его лица были слишкомъ рѣзкими, носъ черезчуръ изогнутъ, нижняя челюсть несоразмѣрно велика и цвѣтъ лица слишкомъ теменъ... не говоря уже о глазахъ, взглядъ которыхъ былъ такъ пронзителенъ, что казался жестокимъ.

Но несмотря на эти очевидные недостатки, отъ Карла-Эдуарда исходило неизъяснимое, сіяющее очарованіе. Въ чемъ оно заключалось? Никто не могъ бы этого объяснить. Но всѣ его испытывали. Особенно женщины. Всѣ женщины. Дѣвушка, открывшая дверь, уже смотрѣла на него растерянным взглядомъ, наивнымъ и зачарованнымъ...

Такіе люди существуютъ; къ счастью они рѣдки. Донъ Жуанъ Маранья былъ однимъ изъ нихъ. Донъ-Жуанъ Теноріо — вторымъ. Эти люди никогда не встрѣчали сопротивленія. И всегда, послѣ десяти тысячъ доказательствъ преданности, десяти тысячъ обожествленій, десяти тысячъ безумствъ, наконецъ — десяти тысячъ послѣднихъ отреченій, они доводили женщинъ, любившихъ ихъ до намѣченныхъ предѣловъ, а часто и еще дальше — до гибели, до безчестья, до ада, или еще ниже...

И, какъ справедливое возмездіе, тѣ, которыя любили ихъ, увлекали ихъ въ иныя глубины, быть можетъ еще болѣе страшныя!... Никто не знаетъ въ какія. — Ищите, если хотите узнать. — Не въ этомъ ли цѣль этой книги? — Въ другомъ. Неизвѣстно, въ чемъ. Some where down, сказалъ Киплингъ, который рѣдко ошибается. Это настолько, настолько глубже всего!.. Гос-

поди, Боже! какъ глубоко Вы бы ни помѣстили это ужасое мѣсто, простите тѣмъ, кто находится въ немъ,... но дайте имъ, когда Вамъ будетъ угодно, вѣчный покой.

Отъ калитки до крыльца нужно было пройти шаговъ десять по густой травѣ. Двѣ смоковницы, четыре липы, два каштана, двѣ осины, мохъ, ползучіе розовые кусты — заросли; — три огромныхъ, пугливыхъ кошки, точно тигры, въ качествѣ обитателей этихъ джунглей. Карлъ-Эдуардъ не успѣлъ всѣмъ полюбоваться: старый господинъ, еще бодрый, внушительный со своей бѣлоснѣжной щетиной на головѣ, — герцогъ Л'Иль Родъ, — показался на крыльцѣ и бросился навстрѣчу гостю:

— Монсиньоръ! —кричалъ онъ, дрожа отъ волненія и радости: — ваше королевское высочество .удостоили?..

Но принцъ, поспѣшно, прежде чѣмъ броситься въ широко распростертыя объятія, поднялъ палецъ:

— Тссъ! Л'Иль Родъ... Во имя неба, забудьте королевское высочество!... Не надо, никогда болѣе не надо! — я объясню вамъ... отнынѣ я не высочество и не принцъ. Я всего лишь графъ Тюрзе, не болѣе... Но прежде всего, дайте обнять васъ: я счастливъ увидѣть васъ такъ мало измѣнившимся!... И все такимъ же молодымъ, о дорогой, дорогой Л'Иль Родъ!...

Они обнялись, какъ обнимаются старикъ-дядя, не имѣющій собственныхъ дѣтей и юноша-племянникъ, оставшійся безъ отца, когда они нѣжно любятъ другъ друга.

Такимъ же молодымъ?.. И вѣрно, это была правда. Луи-Христофоръ-Берто де Варадесъ, герцогъ де Л'Иль Родъ е Виль-Паризисъ, съ легкостью несъ свои семьдесятъ два года. По всей вѣроятности, потому, что добродушный вельможа отдалъ все что могъ любви. Только черезъ любовь человѣкъ доживаетъ до улыбающейся старости. И де Л'Иль Родъ со дня наступленія зрѣло-

сти до послѣдней возможности, такъ много любилъ, что пройдя стадіи Херубина, Ромео, Лозэна, Ришелье и такъ далѣе, и, почувствовавъ наступленіе неизбѣжнаго часа, безъ горечи согласился быть просто старикомъ, который помнитъ свою молодость.

Ибо онъ сохранилъ превосходную память. Въ семьдесятъ лѣтъ де Л'Иль Родъ ничего не забылъ изъ прошлыхъ дней, хотя сумма его воспоминаній, обнимающихъ не одну принцессу и не мало служанокъ, значительно превосходила славное mille e tre, которое считалось сказочнымъ. «Тысяча и три? — Скажите, пожалуйста! Впрочемъ, сколько это? — «Не выходитъ по новости на недѣлю, если распредѣлить это на какихъ нибудь двадцать лѣтъ. Я, говорящій съ вами, началъ раньше и кончилъ позже. Слѣдовательно, мой путь долженъ быть длиннѣе». Такъ говаривалъ Л'Иль Родъ, обыкновенно презрительно добавляя: «Донъ-Жуанъ довольствовался малымъ».

Какъ ни старъ былъ Л'Иль Родъ, онъ еще не сложилъ оружія.

Его даже не огорчало стѣсненное положеніе, въ которомъ онъ очутился. Прежде онъ былъ богатъ. Но онъ пересталъ быть имъ только потому, что онъ

...былъ слишкомъ щедръ
Къ богинямъ вечеровъ и серенадъ...

Впрочемъ, онъ ни о чемъ не жалѣлъ, тѣмъ болѣе, что судьба была къ нему милостива. Пусть ему приходилось доживать свой вѣкъ въ лачугѣ! Но она принадлежала ему,вдобавокъ была красива, имѣла, наконецъ, въ своей очаровательной дряхлости, историческое значеніе. Прелестные призраки, безъ сомнѣнія, населяли его жилище. Старый герцогъ любилъ ихъ общество и наслаждался имъ въ свои, ставшіе одинокими, вечера. Кромѣ того онъ любилъ старыя книги и интересовался геральдикой... Чортъ возьми! Недаромъ онъ насчитывалъ тридцать два поколѣнія, какъ самые родовитые

саксонскіе бароны. Это временами возбуждало желаніе провѣрить тѣ или иныя грамоты... Вотъ, впрочемъ, объясненіе, почему одного имени принца Карла-Эдуарда было достаточно, чтобы перенести Л'Иль Рода изъ кресла на крыльцо: вѣдь Стюарты, если не самый древній, то, во всякомъ случаѣ самый легендарный изъ всѣхъ существующихъ, королевскій родъ, — родъ, ведущій начало отъ Флеанса, сына Банко, призракъ котораго преслѣдовалъ Макбета.

И въ самомъ дѣлѣ. Карлъ-Эдуардъ II былъ послѣднимъ отпрыскомъ этого легендарнаго рода. — Офиціальные историки ошибались, когда утверждали, что Карлъ-Эдуардъ I (Претендентъ, побѣдитель Престона и Фалькирка, но побѣжденный у Куллодена), въ 1788 году умеръ во Флоренціи, не оставивъ потомства: за шесть мѣсяцевъ до смерти у него родился сынъ.

Флорентинскій изгнанникъ зналъ, что ганноверская династія прочно усѣлась на британскомъ престолѣ, и не хотѣлъ подвергать своего единственнаго сына миражамъ безплоднаго честолюбія. Онъ поручилъ его вѣрнымъ слугамъ, и велѣлъ воспитать его въ тайнѣ. Дитя — Яковъ-Эдуардъ, 1788—1832, — жилъ въ типи, хотя онъ зналъ о своихъ правахъ, всѣ европейскія правительства знали о его существованіи. Но духъ времени не былъ благопріятенъ для претендентовъ на троны. Яковъ-Эдуардъ умеръ, даже не попытавшись добиться возвращенія ему родовыхъ имѣній, которыя ганноверская династія въ свое время секвестрировала, но не конфисковала. Его сынъ, Карлъ Стюартъ, третій съ этимъ именемъ, и отецъ Карла-Эдуарда II, подобно отцу, воздержался отъ заявки своихъ претензій. Когда онъ умеръ — въ 1899 году — Европа забыла о немъ, вплоть до его имени.

Иначе поступилъ Карлъ-Эдуардъ. Въ день своего совершеннолѣтія — въ 1910 году — онъ заявилъ о своихъ правахъ и потребовалъ у англійскаго суда, что-

бы ему вернули (не корону — элементарный здравый смыслъ предписывалъ ему забыть объ этой претензіи), но секвестрированныя родовыя имѣнія, а также имена титулы и званія, связанныя съ ними. Великобританское правительство сдѣлало все, что было въ силахъ для того, чтобы этотъ процессъ, затрагивающій законности основъ правящаго де факто дома, никого не задѣлъ и остался чисто правовымъ споромъ.

...Право въ Англіи, впрочемъ, вещь, надъ которой нельзя смѣяться... Быть можетъ величіе Англіи такъ прочно, именно благодаря заложенному въ каждомъ англичанинѣ, уваженію къ законамъ и обычаямъ, особенно старымъ...

Судебный процессъ въ самомъ началѣ былъ прерванъ войной. А это было плохо для всѣхъ принцевъ, изгнанныхъ изъ своихъ владѣній. Дѣйствительно, король Шотландіи, Англіи и Ирландіи де юре, даже не былъ англійскимъ подданнымъ. Не одинъ принцъ Бурбонскій, Брагантскій и такъ далѣе, находился въ подобномъ положеніи. Что имъ было дѣлать? Многіе не сдѣлали ничего и, пожалуй, поступили мудро. Карлъ-Эдуардъ сдѣлалъ нѣчто, изъ чего онъ, впрочемъ, не извлекъ пользы: онъ записался во французскій иностранный легіонъ. Онъ съ такимъ презрѣніемъ рисковалъ жизнью, что въ день заключенія мира имѣлъ право носить въ петличкѣ нѣсколько разноцвѣтныхъ ленточекъ, заработанныхъ подъ огнемъ прусскихъ цѣпей. Карлъ-Эдуардъ II, понятно, не носилъ ихъ. Что касается орденовъ, — тѣ кто имѣютъ или должны были бы имѣть право раздавать ихъ, — не принимаютъ таковыхъ...

Карлъ-Эдуардъ только что кончилъ излагать эту аксіому Л'Иль Роду.

— Самое главное, — замѣтилъ старый герцогъ, — что ваше королевское высочество вышли невредимымъ изъ свалки, вмѣшаться въ которую вы не были обяза-

ны. Монсиньоръ! вы послѣдній отпрыскъ своего рода! что было бы, если бы васъ убили?.

Принцъ покачалъ головой.

— Л'Иль Родъ, короли сходятъ со сцены и великій Панъ умеръ. Даже если бы меня убили, бѣда была бы невелика. Прошедшее прошло, а будущее не принадлежитъ намъ. Тѣмъ хуже для моихъ коллегъ, сохранившихъ свой тронъ, — имъ предстоятъ мрачные дни. Кстати, я вамъ уже сказалъ и еще разъ повторяю: нѣтъ больше высочества, нѣтъ монсиньора! И не возражайте —я вамъ все объясню: я проигралъ свой процессъ, Л'Иль Родъ.

— О!

— Да проигралъ. Ну, и что же? Что съ вами мой дорогой, старый другъ? За кого вы меня принимаете? Кончено! Я вынужденъ буду, подобно моему отцу, дѣду и нѣкоторымъ другимъ предкамъ, обходиться безъ этихъ пяти-шести милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, — двухсотъ или трехсотъ милліоновъ вашихъ жалкихъ франковъ... Вы вѣдь не надѣялись, что я съ помощью этихъ милліоновъ сталъ бы разыгрывать роль претендента, подобно моему прапрадѣду? Такихъ вещей больше не дѣлаютъ... Монархи уже не грызутся другъ съ другомъ. — Нѣтъ, нѣтъ! Если бы я даже выигралъ процессъ я бы всего лишь сталъ «кѣмъ-то», тамъ, по ту сторону канала. Процессъ проигранъ и объ этомъ больше нѣтъ рѣчи. Вы вѣдь не можете вообразить принца Стюарта съ рентой въ шесть тысячъ фунтовъ? А столько у меня осталось...

— Шесть тысячъ фунтовъ, — триста тысячъ франковъ?

— Приблизительно. Какъ видите, мнѣ осталось жить потихоньку, но инкогнито, и притомъ, на материкѣ. Кромѣ того, что я еще могу сдѣлать? Сынъ короля не можетъ зарабатывать себѣ хлѣбъ въ потѣ лица, подобно остальнымъ людямъ: они воспротивились бы этому!

— Понадобилась война, Л'Иль Родъ, для того, чтобы я могъ надуть законъ и пожить по настоящему четыре славныхъ года... Ахъ! что это была за жизнь! Подумайте только: я былъ солдатомъ, рядовымъ! Я стоялъ въ строю, я повиновался, я служилъ! я приносилъ пользу! я говорилъ «ты» своимъ сослуживцамъ, и они мнѣ говорили «ты»! Я былъ Тюрзе въ то время... и такъ я и впредь буду называть себя... Это имя, кстати, принадлежитъ мнѣ: вы вѣдь знаете, что мы графы Тюрзе... Я сохраню этотъ титулъ, разъ мнѣ не даютъ права носить другіе. Графъ Тюрзе ничѣмъ не обязанъ обладать, кромѣ свободы. Долой царскую корону: никто не имѣетъ права быть смѣшнымъ, и сынъ короля меньше, чѣмъ кто бы то ни было...

Старый герцогъ медленнымъ наклоненіемъ головы, одобрилъ его слова. Затѣмъ подумавъ, онъ торжественно сказалъ:

— Монсиньоръ... то есть графъ Тюрзе, я понимаю васъ и позволяю себѣ одобрить ваши слова. Все же въ вашей рѣчи нѣсколько словъ поразили меня, и я ихъ не понялъ, даже послѣ того, какъ я ихъ обдумалъ... Вы сказали: «жить потихоньку»... Я знаю, что многіе принцы поступили такъ, послѣ того какъ имъ пришлось отказаться отъ своихъ претензій. Но, они не вы. Я только что слыхалъ, какъ вы говорили о годахъ войны... Вы остались такимъ же, какимъ были тогда. Сможете ли вы переносить бездѣлье, неподвижность?.. сможете ли вы прозябать, вмѣсто того, чтобы жить?

— Прозябать? — изумленно повторилъ Карлъ-Эдуардъ: — прозябать?

Затѣмъ, внезапно, онъ воскликнулъ:

— Правда, простите, вѣдь я вамъ не объяснилъ... Я не буду прозябать, дорогой Л'Иль Родъ, наоборотъ. Представьте себѣ, что я составилъ себѣ программу на будущее: я люблю, и, мнѣ кажется, любимъ! Не вы ли сами столько разъ говорили мнѣ, что секретъ интенсивной жизни кроется въ любви...

II.

— Любовь?

Л'Иль Родъ, изумленный, вздрогнулъ. И Тюрзе — Тюрзе, разъ его такъ зовутъ, — конечно замѣтилъ это. Во всякомъ случаѣ, онъ на мгновеніе остановился и улыбнулся, прежде чѣмъ продолжать.

— Да, любовь. Дорогой Л'Иль Родъ, я вижу, что въ вашей памяти еще слишкомъ свѣжо время, когда принцъ Карлъ, мой отецъ, довѣрилъ меня вамъ для того, чтобы вы научили меня ѣздить верхомъ, охотиться, отвѣшивать поклоны дамамъ — однимъ словомъ, не быть дикаремъ... Я провелъ съ вами три сезона... Мнѣ было тогда пять лѣтъ, шесть лѣтъ, семь лѣтъ... Я понимаю, что образъ мальчика, которымъ я тогда былъ, смущаетъ васъ сегодня, когда я говорю о любви и о счастьи быть любимымъ. Не забудьте, что мнѣ десять мѣсяцевъ тому назадъ исполнилось тридцать три года! Слѣдовательно...

Въ свое время Л'Иль Родъ, дѣйствительно, способствовалъ воспитанію сына Карла III. Принцы охотно поручаютъ воспитаніе своихъ дѣтей какому-нибудь знатному вельможѣ, изъ числа тѣхъ, что опредѣляютъ моду и руководятъ европейскимъ вкусомъ. Карлъ III три раза посылалъ Карла-Эдуарда къ герцогу де-Л'Иль Родъ, который, пока у него въ карманѣ звенѣли экю, велъ широкій образъ жизни.

Между сорокалѣтнимъ мужчиной и ребенкомъ установились отношенія, какъ между крестнымъ отцомъ и крестникомъ. Верхомъ на совершенно одинаковыхъ чистокровныхъ коняхъ, они бокъ-о-бокъ изъѣздили благородные лѣса Валуа и Иль-де-Франса. Менторъ восхищался Карломъ-Эдуардомъ, который на своемъ, немного слишкомъ высокомъ для него жеребцѣ, скакалъ не зная страха и не обнаруживая усталости. Съ тѣхъ поръ

утекло много воды, но она не смогла смыть обоюдную нѣжность.

Нѣжность, настолько глубокую, что старый герцогъ внезапно понялъ:

— Хорошо! — вдругъ сказалъ онъ: — вамъ тридцать три года, монси... простите! мсье де Тюрзе? Ну, и отлично, вы, въ самомъ дѣлѣ, въ правѣ любить и быть любимымъ. Однако, я знаю какое воспитаніе дается сыновьямъ королей, выражаясь вашими словами... слишкомъ тщательное, черезчуръ сосредоточенное, слишкомъ исключительное!.. Къ тому-же, подобное воспитаніе должно быть пополнено, какъ это было сдѣлано съ вашимъ, поѣздкой вокругъ свѣта и, по меньшей мѣрѣ, двумя экспедиціями — одной вглубь Австраліи, другой къ Сѣверному полюсу. Вслѣдъ за этимъ началась война, и, въ результатѣ, ваши тридцатьтри года въ смыслѣ опыта едва ли стоятъ двадцатичетырехъ. И вотъ, графъ Тюрзе, понявъ это, вспомнилъ о своемъ старомъ учителѣ верховой ѣзды, танцевъ и хорошихъ манеръ и пришелъ къ нему подѣлиться своими заботами, и, кто знаетъ? быть можетъ попросить совѣта.

— Совершенно вѣрно, герцогъ!

— Хорошо! — сказалъ герцогъ. — Вы мнѣ позволите быть грубымъ, если это полезно?

— Я васъ очень прошу. Для начала, перестаньте называть меня мсье де Тюрзе: для васъ я просто «Тюрзе», или »мой другъ».

— Пусть такъ. Итакъ, я начинаю. Когда я вамъ въ свое время сказалъ, что тотъ не жилъ, кто не любилъ, я разсуждалъ съ точки зрѣнія «человѣка» просто. Принцъ можетъ жить еще интенсивнѣе, занимаясь исключительно своей профессіей. Но разъ вы стали просто графомъ Тюрзе, — и я этимъ горжусь и одобряю ваше рѣшеніе, хотя оно и доставляетъ мнѣ боль, — вы совершенно правы, рѣшивъ любить и быть любимымъ, посвятить этому всю свою энергію и весь пылъ.

Не бойтесь разочарованій. Когда-то я сдѣлалъ такъ, какъ вы сейчасъ намѣрены поступить. И мнѣ ни разу не пришлось раскаиваться и я не раскаиваюсь и по-сейчасъ. Но, берегитесь. Нельзя любить одному. Это прекрасная игра, но она требуетъ партнера. Кого вы любите, если вы любите?

О! конечно, я самъ объяснилъ вамъ, когда вы были еще ребенкомъ, что порядочный человѣкъ свято хранитъ секретъ своей любовницы. Но, во первыхъ, ваша любовница еще не принадлежитъ вамъ, я вполнѣ въ этомъ увѣренъ. Кромѣ того — развѣ я первый встрѣчный? Нѣтъ, неправда-ли! — Наконецъ, какъ я смогу помочь вамъ въ разрѣшеніи вашей проблемы, не зная всѣхъ данныхъ?

Карлъ-Эдуардъ, внимательно слѣдившій за словами Л'Иль Рода, согласился кивкомъ головы. Затѣмъ онъ облокотился, оперся подбородкомъ о руку, и началъ, на этотъ разъ очень тихимъ голосомъ.

— Вы, навѣрное, знаете ее, Л'Иль Родъ: ее зовутъ Стелла, это баронесса де Спангеймъ. Она жена этого живого ископаемаго, котораго никто не видѣлъ, и который упорно зарылся въ своей родовой хижинѣ, гдѣ-то тамъ въ Моравіи, у Славкова, между Блазовицемъ и Юриковицемъ, двумя деревушками, мѣсторасположеніе которыхъ мнѣ неизвѣстно... Спангеймъ, вамъ это слово говоритъ что-нибудь?

Я долженъ вамъ разсказать по порядку... Начало всему было положено какъ-то вечеромъ, въ маѣ 1917 года. Я только-что былъ раненъ у Шеменъ-де-Дамъ, и меня доставили въ Компьенъ... вы помните? Вы писали мнѣ туда, въ госпиталь Матильды... Баронесса Спангеймъ была въ немъ добровольной сидѣлкой.

О! Я никогда не забуду нашей первой встрѣчи... На носилкахъ лежалъ неподвижный, окровавленный, грязный обрывокъ человѣка — это былъ я... и вдругъ надъ бѣлой блузкой, оказавшейся рядомъ съ носилками,

я увидѣлъ овалъ лица, въ которомъ сіяла небесная улыбка и глаза коричневого золота, два огромныхъ глаза...

— Чортъ возьми! — мысленно воскликнулъ старый герцогъ, — да, вѣдь, его тридцатьтри года не стоятъ и восемнадцати!

Онъ задумался и забылъ слушать текшія непрерывнымъ потокомъ изліянія влюбленнаго.

Мадамъ де Спангеймъ?.. Л'Иль Родъ отлично зналъ ее, да и весь Парижъ вмѣстѣ съ нимъ. Болѣе того — ею интересовались. Въ клубѣ, однажды вечеромъ, кто-то даже замѣтилъ: «Я не знаю другой настолько безукоризненной женщины, но не знаю также ничего настолько причудливаго. Это дама-коза. Она явилась изъ Богеміи, она не любитъ проторенныхъ дорогъ, она танцуетъ на краю пропастей, но никогда не падаетъ. Я жалѣю того, кто полюбитъ мадамъ де Спангеймъ, особенно, если онъ полюбитъ ее по настоящему».

Чортъ возьми! Лестно, но рискованно. Карлъ-Эдуардъ, этотъ восемнадцатилѣтній мальчишка (опредѣленно, ему не больше восемнадцати лѣтъ...), влюбленный въ полную причудъ баронессу Спангеймъ... къ тому же добродѣтельную... Что можетъ быть хуже?.. Есть о чемъ задуматься...

Есть-ли о чемъ задуматься?.. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно знать навѣрняка? Донъ-Жуанъ вѣдь началъ съ доны-Эльвиры... А вѣдь Донъ-Жуанъ...

Въ дни своей юности Л'Иль Родъ изучалъ маску Донъ-Жуана въ монастырѣ, гдѣ она хранилась. Онъ пытался вспомнить ее, и мысленно сравнивалъ старый образъ съ подвижнымъ и пылкимъ лицомъ Карла-Эдуарда, который продолжалъ разсказывать, даже не замѣчая, что его больше не слушаютъ...

Всѣмъ извѣстно, что Донъ-Жуанъ Тенорio былъ некрасивъ. Карлъ-Эдуардъ также былъ некрасивъ, хотя по-иному. Но на обоихъ лицахъ Л'Иль Родъ видѣлъ то же неизъяснимое и непреодолимое сіяніе, тотъ

же грубый магнетизмъ. Вокругъ такихъ мужчинъ женщины вращаются, какъ планеты вокругъ солнца. Въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Л'Иль Родъ вспомнилъ, сколько радости доставила ему любовь за истекшіе годы, и внезапно пересталъ видѣть препятствія къ тому, чтобы его другъ, графъ де Тюрзе избралъ, какъ и онъ, любовную карьеру...

— ... Л'Иль Родъ, — кончалъ свой разсказъ де Тюрзе, — въ этотъ день мы рѣшили встрѣтиться только тогда, когда время разлуки дастъ намъ доказательство...

Здѣсь Л'Иль Родь, который никогда не позволилъ бы себѣ перебить сына короля, воспользовался тѣмъ, что онъ отрекся, и нарушилъ этикетъ:

— Все это, Тюрзе, мой другъ, я выслушалъ. Мнѣ кажется, я васъ понялъ. Но вы вѣдь хотѣли просить у меня совѣта, неправда-ли?..

— Да, — подтвердилъ принцъ, подымая голову.

— Прекрасно! — отвѣтилъ герцогъ, — хотите принять мой совѣтъ? Я обдумалъ все сказанное вами, и взвѣсилъ всѣ про и контра. И вотъ резюмэ моихъ размышленій: Вы хотите любить, хотите быть любимымъ. Вы не могли принять болѣе мудраго рѣшенія. Вы будете счастливы... Конечно, если я не ошибся во всемъ, отъ начала до конца...

— Это невозможно! — заявилъ Тюрзе. — Ваша жизнь лежитъ за вами! Вы не могли ошибиться... Нѣтъ! Но вотъ, что мнѣ приходитъ въ голову! Вы только-что сказали, что мадамъ Спангеймъ не принадлежала мнѣ, и что вы въ этомъ увѣрены... Это правда. Но почему вы это знаете?

Меланхолическая улыбка появилась на лицѣ Л'Иль Рода:

— Потому, что я старъ...

Тюрзе, смущенный, опустилъ подбородокъ на руку.

— Потому, что я старъ, — повторилъ Л'Иль Родъ, — и потому, что я знаю тысячи вещей, которыхъ вы еще не знаете. Но оставимъ это. Рѣчь идетъ о другомъ. Вы хотите любить, вы хотите быть любимымъ! И вы уже любите, вы думаете, что васъ также любятъ. Женщина, о которой вы говорите, вполнѣ достойна васъ — какъ вы вѣрно предположили, я знаю баронессу Спангеймъ. Вашъ выборъ, мсье де Тюрзе... пардонъ! мой другъ, я его одобряю. Вы благополучно вступили на опасный путь, путь любви. Не забудьте, игра, которую вы затѣяли, не дѣтская забава. И мой вамъ совѣтъ — играйте въ нее осторожно.

Я, быть можетъ, не имѣю права говорить такъ. Я до васъ вступилъ на путь любви и не встрѣтилъ трудныхъ переходовъ. Много комедій, очень мало трагедій — такова была моя участь. Но я знаю, почему это было такъ, и объясню вамъ: я много и часто любилъ, но меня, меня любили только рѣдко, очень рѣдко. И вотъ, я желаю вамъ противоположнаго... хотя этого нужно гораздо болѣе страшиться, чѣмъ моей посредственной участи.

Не забудьте, что богъ Амуръ, не простая фикція. Онъ существуетъ, что бы мы ни говорили объ этомъ. Греки называли его Эросомъ, а индусы Кришной. Но всѣ народы вкладывали ему въ руки лукъ и колчанъ со стрѣлами — все не безопасныя игрушки.

Идите тропинками этого бога, но берегитесь лука и стрѣлъ. Тѣмъ болѣе, что его стрѣлы безчисленны и вы не разъ будете ранены ими. Я былъ раненъ раньше вашего, но не жалѣю объ этомъ. Любовникъ долженъ умножать свои побѣды. Долой безплодное постоянство! Тѣмъ болѣе, что...

— Тѣмъ болѣе, что?

— Тѣмъ болѣе, что тотъ, кто хочетъ много страдать, долженъ часто любить и часто измѣнять, послѣ того, какъ онъ самъ испытаетъ измѣну.

Я все это пережилъ. Поэтому, вѣрьте мнѣ: чело-

вѣкъ становится дѣйствительно великимъ только перенеся мученія.

Карлъ-Эдуардъ, задумавшись, не отвѣтилъ. Помолчавъ, Л'Иль Родъ закончилъ:

— Безъ сомнѣнія, историки XXI-го вѣка, изучая конецъ династіи Стюартовъ, будутъ очень изумлены, узнавъ, что Карлъ-Эдуардъ II избралъ, для того, чтобы кончить долгій путь, узенькую тропинку, заросшую розами, жасминомъ, туберозами и инбиремъ... Но ни одинъ изъ нихъ не догадается, что эта тропинка, которую я такъ хорошо изучилъ, скрываетъ больше терніевъ, чѣмъ цвѣтовъ...

— Больше терніевъ, чѣмъ цвѣтовъ? — повторилъ Карлъ-Эдуардъ, внезапно задумавшись. — Больше терніевъ, чѣмъ цвѣтовъ? Да будетъ такъ, дорогой Л'Иль Родъ!..

Съ этими словами онъ попрощался.

III.

— Безспорно, — бормоталъ Л'Иль Родъ, входя вмѣстѣ съ Тюрзе въ лифтъ огромнаго дома, — мы увидимъ живой анахронизмъ, котораго никакъ нельзя было ожидать встрѣтить. Литературные салоны Парижа умерли въ 1914 году. Мы вступаемъ въ 1921, а между тѣмъ я осмѣливаюсь ввести васъ въ салонъ, который претендуетъ на названіе литературнаго... Что подѣлаешь, Тюрзе! За неимѣніемъ гербовой, пишемъ на простой; за живыми слѣдуютъ воскресшіе. Впрочемъ, даже въ археологическомъ музеѣ можно увидѣть много интереснаго.

Несмотря на всѣ эти соображенія, я бы не привелъ васъ сюда, если бы не зналъ, какъ я уже сказалъ вамъ позавчера, что мадамъ де Спангеймъ бываетъ у мадамъ де Рожере.

Я долженъ признать, что салонъ мадамъ де Рожере не относится къ числу тѣхъ, которые вы бы стали посѣщать до войны. Но кто думаетъ объ этомъ въ 1921 году. Впрочемъ, несмотря на то, что салонъ мадамъ де Рожере всего лишь призракъ салона, всѣ толпами стремятся попасть въ него. Гдѣ найти болѣе удобное мѣсто для того, чтобы встрѣтить женщину, которой добиваешься? Для того, чтобы сказать ей нѣсколько нужныхъ словъ и условиться съ ней о послѣдствіяхъ, которыя должно повлечь за собой дѣло? Сказать откровенно я себѣ не представляю, какъ наши молодые люди будутъ завязывать почти приличныя интриги, когда мадамъ де Рожере умретъ. Но не будемъ говорить объ этомъ: пока она еще жива. Настолько жива, что претендуетъ на туфли покойной мадамъ де Рамбулье, прародительницы всѣхъ жеманницъ. У нея мы найдемъ все, что намъ нужно...

Карлъ-Эдуардъ, который успѣлъ изучить коммутаторы кабинки лифта, протянулъ руку и нажалъ кнопку съ надписью «стопъ». Лифтъ остановился между третьимъ и четвертымъ этажемъ:

— Простите, Л'Иль Родъ! Но прежде, чѣмъ мы посѣтимъ мадамъ де Рожере, я бы хотѣлъ знать, кто она такая... Итакъ?..

Л'Иль Родъ улыбнулся:

— Кто она?.. Вы правы, это я долженъ былъ вамъ сказать раньше... Но я не подумалъ объ этомъ. Три дня тому назадъ вы потребовали, чтобы я далъ вамъ возможность встрѣтиться съ мадамъ де Спангеймъ немедленно, безразлично гдѣ, на людяхъ... Ну, и прекрасно... Мадамъ де Рожере — дама, у которой бываетъ мадамъ де Спангеймъ... Это самое главное, неправда-ли?

— Да, — согласился Тюрзе, улыбаясь въ свою очередь.

— Вдобавокъ, мадамъ де Рожере принадлежитъ къ роду, который старше и моего и вашего... Вы слыхали

объ этой знати, которую многіе называютъ бретонской... есть такое выраженіе...

— Ахъ! прекрасно...

— Да. Она когда-то была просто мадемуазель Розенбергъ. Потомъ она вышла замужъ за нѣкоего господина Леви, если я не ошибаюсь...

— Но, какъ же? Откуда имя Рожере?

— Псевдонимъ ея мужа, талантливаго писателя. Когда-то его жена сдѣлала все, что могла, для того, чтобы его талантъ прослылъ геніемъ. Ей это бы удалось, если бы онъ не умеръ такъ рано...

— И вы бываете тамъ, Л'Иль Родъ?

— Почему нѣтъ? Впрочемъ, вы скоро послѣдуете моему примѣру! — Спрашивается: почему нѣтъ? Допустимъ: еврей — это еврей. Но я знаю евреевъ, которые стоятъ больше, чѣмъ лучшій изъ христіанъ... Мадамъ де Рожере, въ общемъ, достойная женщина, храбро выдержавшая битву и честно побѣдившая. Я вамъ не сказалъ еще самаго главнаго. Мадамъ де Рожере, еще при жизни мужа, основавшая свой литературный салонъ, — предпослѣдній изъ всѣхъ литературныхъ салоновъ, — продолжала его, когда ея мужъ скончался. — Самое неожиданное во всемъ этомъ, что ея салонъ не только продержался, но еще упрочилъ свое положеніе. Наиболѣе изысканная публика посѣщаетъ его.

— Ну, теперь я знаю, что мнѣ осталось дѣлать, — смѣясь заявилъ Карлъ-Эдуардъ.

Онъ вторично протянулъ руку, нажалъ другую кнопку и лифтъ снова пришелъ въ движеніе.

Кабинка уже достигла пятого этажа. Принцъ, все время погруженный въ раздумье, вернулся къ оставленной темѣ:

— Ваша мадамъ де Рожере, — внезапно началъ онъ, — судя по вашимъ словамъ, видѣла блестящіе дни?

— Блестящіе? Боюсь, что нѣтъ, — отозвался Л'Иль Родъ. — Но выдающихся людей, я надѣюсь! Подумайте, дорогой Тюрзе, что эта мадамъ де Рожере начала... я

уже не знаю, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ!.. однимъ словамъ, когда она еще была молода... И вотъ, съ тѣхъ поръ почти ни одинъ великій человѣкъ не достигъ вершины, будь то вершина литературы, политики или иная, безъ того, чтобы предварительно испробовать свои крылья въ салонѣ мадамъ де Рожере... Долженъ сказать, что впослѣдствіи, попавъ на самыя большія сцены міра, ни одинъ изъ этихъ гордыхъ пѣвцовъ не счелъ нужнымъ заглянуть на эту скромную арену, послужившую для нихъ трамплиномъ: эта арена было салономъ мадамъ де Рожере...

Простите, мсье де Тюрзе, мы уже добрались до шестого этажа, и, мнѣ кажется, кто-то внизу дожидается лифта...

Онъ не ошибся.

IV.

— Какъ? — удивился Карлъ-Эдуардъ. — Мы все еще не добрались?

— Нѣтъ, конечно! — отвѣтилъ старый герцогъ. — Мадамъ де Рожере не станетъ жить всего на все въ шестомъ!

— Ого?

— Я вѣдь сказалъ вамъ. Это ожившій анахронизмъ...

Лифтъ доходилъ только до шестого этажа. Здѣсь кончались шикарныя квартиры. Но двѣ большія террасы, одна надъ другой, раздѣленныя на дополнительныя квартиры, ателье и гарсоньерки, увѣнчивали зданіе. Удобныя лѣстницы съ широкими перилами рѣзного дуба вели къ нимъ. Наиболѣе рѣзко выраженнымъ парвеню не надо было бы стыдиться ихъ. Л'Иль Родъ обратилъ на это вниманіе:

— Вотъ что сыграло роль въ успѣхѣ нашей Рожере. Въ наши дни, какъ обойтись безъ экю парвеню?

— Значитъ, торговля подержанными вещами?

— Нѣтъ, комиссія...

Они добрались до первой террассы. Л'Иль Родъ не останавливаясь, продолжалъ взбираться.

— Вы не пожалѣете объ этихъ лишнихъ двадцати ступенькахъ, мсье де Тюрзе...

Карлъ-Эдуардъ, шедшій за своимъ спутникомъ, взялъ его за локоть:

— Послушайте, Л'Иль Родъ! Давайте, покончимъ, наконецъ, здѣсь же, на этой лѣстницѣ съ отжившими формулами, за которыя вы цѣпляетесь. Я хочу, — повторяю, я хочу, — мой дорогой старый другъ, чтобы вы забыли ваше «мсье», какъ вы уже забыли многое другое. Просто «Тюрзе», окажите мнѣ удовольствіе! Вы на сорокъ лѣтъ старше меня...

— Сорокъ четыре, если я не ошибаюсь...

— ... И вы поддерживали меня, когда я въ первый разъ въ жизни садился на лошадь. Рѣшено?

— Ладно! Пусть будетъ!

Они дошли до верхней террассы. Въ тотъ же моментъ Л'Иль Родъ — какъ бы для того, чтобы скорѣе освоиться, — широко раскрылъ руки:

— Ну, Тюрзе, что вы скажете объ этомъ пейзажѣ?

Передъ ними лежалъ Парижъ. Домъ былъ выстроенъ незадолго до войны, почти на краю этого полуострова каменныхъ глыбъ, черепицы и булыжника, вклинившагося между двумя озерами зелени — паркомъ Мюеттъ и Буа-де-Булонь. Валъ Луи-Филиппа еще существовалъ въ 1920 году. Терраса возвышалась надъ шоссе на добрыхъ тридцать метровъ. Архитекторъ превратилъ ее въ садъ, посреди котораго онъ даже помѣстилъ деревенскую избушку. Вокругъ нея можно было прогуливаться, причемъ открывался изумительный видъ во всѣ стороны. Напротивъ улицы Рафаэля, были расположены

три, четыре, пять участковъ — XVI-ый, XV-ый, VII-ой, VI..-ой, XVII-ый, Нейьи ... море домовъ, дворцовъ, церквей; сѣрое море, бросающее свои волны вплоть до туманныхъ далей горизонта. Мѣстами онѣ разбивались зеленой пѣной — садами, скверами, аллеями. Выплывали островки, увѣнчанные фонарями или колокольнями — Тріумфальная Арка, Трокадеро, площадь Инвалидовъ, а вдали Монмартръ, точно бѣлый призракъ.

Напротивъ бульвара Сюше тянулись десять квадратныхъ лье разросшихся деревьевъ, надъ которыми господствовали Мэдонъ, Бельвю и Монтъ-Валерьянъ.

Сквозь облака пробивались нерѣшительные лучи, то блѣдные, то красноватые. Иногда имъ удавалось добраться до земли и оттѣнить изумрудомъ темную зелень лѣсовъ или тронуть золотомъ куполъ или колокольню. Ничто на свѣтѣ не могло производить одновременно такое грандіозное и такое меланхоличное впечатлѣніе.

Карлъ-Эдуардъ молча обошелъ вокругъ террасы, опираясь отъ времени до времени на рѣшетку, бѣжавшую вокругъ нея и расположенную на нѣкоторомъ разстояніи отъ края, для того, чтобы предохранить гуляющихъ отъ головокруженія. Въ одномъ мѣстѣ Л'Иль Родъ остановилъ его:

— Вонъ тамъ Сенъ-Жермэнъ, за тѣмъ холмомъ. Вашъ пра-прадѣдъ жилъ тамъ ...

И, точно извиняясь за нескромное напоминаніе, онъ прибавилъ:

— Вѣка исторіи оживаютъ, при одномъ взглядѣ на это ...

— Правда, — сказалъ Тюрзе. — Лондонъ больше, Нью-Іоркъ выше, Пекинъ таинственнѣе, Константинополь манящее. Но въ Парижѣ чувствуется французскій геній, это неощутимое, такое человѣческое, такое сверхчеловѣческое ... и такое хрупкое нѣчто ...

— Да, хрупкое! — подтвердилъ Л'Иль Родъ, покачавъ головой. — Смотрите внимательно, Тюрзе, вглуби-

тесь въ то, что вы видите! Мы, парижане, доживаемъ наши послѣдніе дни. У насъ есть свой вулканъ, какъ когда-то у помпеянъ. Нѣтъ, у насъ даже два вулкана: наша страсть къ химерамъ и наше безплодіе. Мужчины безъ здраваго смысла, женщины безъ дѣтей — вотъ какова Франція...

— Пусть такъ, — сказалъ Карлъ-Эдуардъ. Но если бы мнѣ надо было жить въ эпоху стараго Плинія той же жизнью, которую я веду сегодня, я бы охотнѣе жилъ ею въ Помпеѣ. Впрочемъ, Парижа на мой вѣкъ хватитъ.

— Быть можетъ, нѣтъ, Тюрзе.

Карлъ-Эдуардъ улыбнулся и наслѣдственнымъ жестомъ, увѣковѣченнымъ Ванъ-Дикомъ, наклонилъ голову на правое плечо:

— Вы снова говорите о томъ же, мой дорогой, старый другъ! Я знаю, для чего вы это дѣлаете: вы хотите, чтобы я еще разъ подумалъ, на этотъ разъ передъ тѣмъ, какъ переступить порогъ, послѣдній порогъ?

— Никогда не поздно.

— Все же. Когда кости брошены, тогда поздно.

— Развѣ они уже брошены? Графъ Тюрзе не видѣлъ мадамъ де Спангеймъ уже...

— Одинъ годъ, затѣмъ еще два. Я выписался изъ госпиталя въ августѣ 1917 года; мы встрѣтились еще два раза — въ январѣ 1918 года, и въ октябрѣ того-же года...

— А сейчасъ у насъ ноябрь... ноябрь 1920 года!

— Ну, и что-же?

— Вѣдь это двадцать пять мѣсяцевъ разлуки? Вы могли разлюбить баронессу; она могла разлюбить васъ.

— Л'Иль Родъ, Л'Иль Родъ! скорѣе наоборотъ! Да! Если бы мы двадцать пять мѣсяцевъ были любовниками, тогда я допускаю!.. Вѣрнѣе, я не знаю, что бы было... Но я двадцать пять мѣсяцевъ жду ее, Л'Иль Родъ! и она ждетъ меня...

— Вы могли бы продлить... Увѣряю васъ, что кости еще не брошены.

— Въ этомъ вы правы, мой старый другъ. Мы могли бы продолжать. Доказательство — вмѣсто того, чтобы постучать въ вашу дверь, какъ только былъ подписанъ миръ, я постучалъ въ нее только позавчера. Я это сдѣлалъ, потому, что она просила меня спервa кончить дѣло съ англійскими судьями. Какъ видите — мы еще не безумствуемъ, ни она, ни я. Но я знаю, и она это знаетъ — мы начнемъ безумствовать завтра. И она этого хочетъ. И я этого хочу.

— Завтра... гмъ?

— Вы думаете, намъ понадобится больше одного дня?.. Возможно... Я не обладаю вашимъ опытомъ... Я еще наивенъ, очень наивенъ... И она сама...

Онъ пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника. Л'Иль Родъ охотно улыбнулся бы. Но онъ умѣлъ казаться безстрастнымъ. Карлъ-Эдуардъ концомъ хлыста пощелкалъ по ботинкамъ:

— Во всякомъ случаѣ, время здѣсь не играетъ роли. Итакъ, мы все обсудили. И,если вы ничего не имѣете противъ... Это здѣсь?

Движеніемъ подбородка онъ указалъ на избушку. Л'Иль Родъ, прежде чѣмъ отвѣтить утвердительно, вставилъ въ глазъ монокль, и поглядѣлъ на предметъ, о которомъ шла рѣчь — игрушку, скорѣе, чѣмъ жилище; вещицу для этажерки, по недоразумѣнію поставленную на огромный комодъ для бѣлья.

— Это здѣсь, — насмѣшливо сказалъ онъ. — Еще одинъ анахронизмъ: обитать эту овчарню, которая, по виду, относится ко временамъ Маріи-Антуанетты! Но черезъ минуту вы увидите столько анахронизмовъ, что вамъ надоѣстъ ихъ перечислять. Куда бы вы ни взглянули; вотъ, хотя бы эта лапка козули, вмѣсто звонка!.. И это еще не все, погодите только...

Онъ позвонилъ. Они вошли.

Миніатюрная прихожая была страшно загромозде-

на. Горничная, понятно, не такая привлекательная, какъ субретка Л'Иль Рода, но зато гораздо болѣе распорядительная, сунула въ уголъ верхнюю одежду вновь прибывшихъ.

Затѣмъ она проскользнула въ длинный, узкій коридоръ и провела Л'Иль Рода и Тюрзе въ салонъ, дверь котораго стояла широко открытой. Гулъ многочисленныхъ голосовъ проникалъ оттуда въ коридоръ.

— Столько народу? — удивленно спросилъ Тюрзе. — Скажите, пожалуйста!... Она часто принимаетъ, ваша Рожере?

— Каждый Божій день! — засвидѣтельствовалъ Л'Иль Родъ. — И, какъ видите, въ охотникахъ недостатка нѣтъ. Между тѣмъ, мы живемъ въ 1920 году. А послѣ войны три четверти молодыхъ людей отказались слѣдовать прежнимъ правиламъ вѣжливости и особенно обычаю дѣлать визиты... Но я вамъ уже говорилъ и еще разъ повторяю: этотъ домъ — послѣднее убѣжище изжитыхъ и забытыхъ временъ...

Онъ оказался вполнѣ правъ.

Для того, чтобы найти хозяйку, Л'Иль Роду и Тюрзе пришлось съ трудомъ прокладывать себѣ путь сквозь толпу: иначе нельзя было опредѣлить это накопленіе мужчинъ и женщинъ въ трехъ салонахъ мадамъ де Рожере. Эти три салона, — въ томъ числѣ столовая и спальня, превращенная въ курительную, — имѣли крохотные размѣры. Казалось, что въ лучшемъ случаѣ въ нихъ можно было бы размѣстить двадцать пять человѣкъ. Между тѣмъ, въ данную минуту въ нихъ толпилось не менѣе пятидесяти—шестидесяти. Посѣтители, среди которыхъ были люди всевозможнаго вида и соціальнаго положенія, были вплотную прижаты другъ къ другу, хотя, повидимому, многіе не знали своихъ сосѣдей и, встрѣтившись на улицѣ, навряд ли обмѣнялись бы поклономъ. Но это не мѣшало имъ въ салонѣ мадамъ де Рожере фамильярно бесѣдовать, другъ съ другомъ, ру-

ководясь случаемъ въ выборѣ партнера. Здѣсь царила атмосфера временнаго равенства, и Карлъ-Эдуардъ кивкомъ головы показалъ Л'Иль Роду, что онъ съ нимъ согласенъ, когда послѣдній сказалъ ему на ухо:

— Развѣ я не былъ правъ, сказавъ, что въ случаѣ необходимости, я могу назвать васъ вашимъ настоящимъ, вашимъ прежнимъ именемъ, не рискуя вызвать бунтъ?

Они медленно продвигались впередъ. Три, расположенныя амфиладой комнаты, были переполнены. И, хотя во второй (въ другое время столовой) стоялъ очень аппетитно накрытый столъ, только изрѣдка чья-нибудь рука протягивалась за пирожнымъ или стаканомъ вина. Обычно участники многолюдныхъ собраній не бываютъ такъ воздержаны. Но здѣсь, какъ будто, никто не испытывалъ ни жажды, ни голода . . .

Л'Иль Родъ снова наклонился къ Карлу-Эдуарду:

— Теперь вы понимаете, почему я избралъ именно это мѣсто для того, о чемъ вы меня просили?

Карлъ-Эдуардъ улыбнулся уголкомъ губъ.

Дѣйствительно, три дня тому назадъ онъ просилъ Л'Иль Рода не только устроить немедленную встрѣчу на людяхъ между нимъ и баронессой Спангеймъ, но, чтобы эта встрѣча носила по возможности болѣе случайный характеръ и не рисковала вызвать неудобства въ будущемъ.

Л'Иль Родъ поставилъ всего одинъ вопросъ:

— Таково желаніе мадамъ де Спангеймъ?

— Да . . .

— Хорошо. Я все устрою.

И онъ, понимая, что рѣчь идетъ не о простомъ капризѣ, устроилъ все безъ лишнихъ вопросовъ. — Такъ, дѣйствительно, было лучше. Въ день своего пріѣзда Карлъ-Эдуардъ нашелъ дожидавшееся его письмо баронессы, — очень короткое письмо, хотя обычно баронесса де Спангеймъ писала длинныя письма; въ этомъ письмѣ нѣсколько строкъ были подчеркнуты увѣренной рукой: «. . . Я хочу встрѣтить васъ здѣсь, въ Парижѣ

такъ же, какъ я васъ увидѣла впервые тамъ, въ Компьенѣ: безъ подготовки, среди безразличной толпы. Вы часто говорили мнѣ, что несмотря на ваши раны и усталость, вы задрожали всѣми фибрами тѣла, какъ только встрѣтили мой взглядъ. Я хочу знать, сможемъ ли мы сегодня, послѣ разлуки, которой мы сами хотѣли...»

Въ глубинѣ третьяго салона (въ обычное время спальни), Карлъ-Эдуардъ замѣтилъ очень маленькую женщину, о которой нельзя было сказать, сколько ей лѣтъ — шестьдесятъ, или сорокъ. Она сидѣла съ нѣсколькими друзьями на диванѣ, который каждый вечеръ превращался въ кровать.

Л'Иль Родъ, наконецъ, пробрался къ ней и поклонился:

— Сударыня...

Мадамъ де Рожере встала; стоя, въ своемъ скромномъ сѣромъ платьѣ, она казалась еще меньше и тоньше, чѣмъ сидя:

— А! мсье Л'Иль Родъ! какой пріятный сюрпризъ!.. и какъ это мило съ вашей стороны навѣстить такую старуху, какъ я, несмотря на то, что вы такъ рѣдко выходите...

Л'Иль Родъ выдвинулъ Карла-Эдуарда:

— Это я то пріятный сюрпризъ? — смѣясь, сказалъ онъ. — Нѣтъ, нѣтъ, не смѣйтесь надо мной Къ счастью я принесъ вамъ кое-что получше моей сѣдой бороды. Разрѣшите представить и вамъ моего лучшаго друга, только что прибывшаго въ Парижъ: графъ де Тюрзе, изъ шотландскихъ Тюрзе... Карлъ-Эдуардъ, я васъ представляю мадамъ де Рожере...

Наступила мгновенная тишина. Въ тотъ моментъ, какъ онъ отвѣшивалъ свой поклонъ, Карлъ-Эдуардъ услышалъ легкій вскрикъ. Наврядъ ли еще кто-нибудь понялъ, что это было а! неожиданности. Наврядъ ли также кто-нибудь замѣтилъ, что онъ «задрожалъ всѣми фибрами тѣла», какъ этого хотѣлъ кто-то въ письмѣ... никто, кромѣ...

Онъ все же закончилъ свой поклонъ мадамъ де Рожере. Затѣмъ онъ обмѣнялся нѣсколькими фразами съ нею и съ Л'Иль Родомъ. Только послѣ этого онъ отвернулся, какъ бы для того, чтобы пропустить къ хозяйкѣ дома вновь прибывающихъ гостей. Всѣ, кто были поблизости, замѣтили его движеніе удивленія, почтительнаго удивленія, когда онъ, точно невзначай, оказался лицомъ къ лицу съ дамой, уже цѣлую минуту пристально смотрѣвшей на него, на лицѣ которой выдѣлялись глаза, огромные глаза цвѣта полированнаго золота...

V.

Они оказались вплотную другъ передъ другомъ. Густая толпа такъ плотно окружала ихъ, что они могли обмѣняться только нѣсколькими, ничего не значащими фразами, которыя каждый могъ услыхать и повторить. Поэтому Карлъ-Эдуардъ произнесъ лишь эти слова:

— Неужели это вы, мадамъ? Я потрясенъ! Знаете ли вы, сколько дней я васъ не видѣлъ?

На это она, Стелла де Спангеймъ небрежно отвѣтила:

— О, Боже!.. Я васъ видѣла въ послѣдній разъ въ сентябрѣ 1918 года... съ тѣхъ поръ прошло... восемьсотъ дней?..

Съ тѣхъ поръ прошло ровно восемьсотъ дней. Онъ понялъ, что она была увѣрена въ правильности своего счета, много разъ провѣреннаго; — навѣрное тысячу разъ; — такъ же увѣрена, какъ и онъ самъ. Между тѣмъ одинъ Богъ знаетъ, сколько разъ онъ пересчитывалъ эти восемьсотъ дней, одинъ за другимъ! Онъ поблѣднѣлъ и умолкъ.

На нихъ смотрѣли. О! безъ подчеркиваній недоброжелательности или любопытства. — Этотъ Тюрэ, повидимому, былъ новичкомъ въ Парижѣ, — его никто не зналъ, несмотря на то, что онъ хорошаго происхожденія

— Л'Иль Родъ былъ лучшимъ ручательствомъ. Такъ, значитъ, этотъ Тюрзе былъ старымъ знакомымъ прекрасной Спангеймъ? Любопытно, — не болѣе.

Ихъ разсматривали, не переставая бесѣдовать. Впрочемъ, здѣсь были собесѣдники, которыхъ стоило послушать, даже въ Парижѣ, гдѣ говорить умѣютъ всѣ; — всѣ, отъ рабочаго до академика и отъ уличнаго пѣвца съ Монмартра до уборщиковъ большого рынка...

Мадамъ де Сартэнъ, высокая и могучая женщина, съ пропорціями, установленными Фидіемъ, прекрасное созданіе съ большими сѣрыми глазами, спокойно смотрѣвшими на мужчинъ безстыднымъ и здоровымъ взглядомъ, мадамъ де Сартэнъ спросила первая, чуть слишкомъ громко, быть можетъ —столько ушей было вблизи ея рта:

— Тюрзе? графъ Тюрзе?.. Это шведское, или норвежское, или финское имя?

Эльза де Сартэнъ, здоровая дѣвица, лѣтъ двадцати, — ее можно было бы принять за младшую сестру мадамъ де Сартэнъ, такъ она была на нее похожа, — съ громкимъ смѣхомъ заступилась за географію:

— Но, Ида! (мадамъ де Сартэнъ и ея дочь называли другъ друга по имени, одна, для того, чтобы казаться моложе, другая, чтобы не быть слишкомъ зеленой... однимъ словомъ для того, чтобы обѣ казались болѣе соблазнительными и пряными...) Ида! не путай эскимосовъ съ нормандцами! Здѣсь, кстати, мсье Шомонъ...

Маленькій, смуглый, тощій господинъ, съ обезьяньими движеніями, съ слишкомъ быстрыми глазами подъ черезчуръ густыми бровями, появился рядомъ съ ними, точно выросъ изъ-подъ земли:

— Шомонъ? — повторилъ онъ, — какой? Я или мой братъ?

Эльза снова расхохоталась мальчишескимъ смѣхомъ.

— Откуда мнѣ знать? Вѣдь вы похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Дѣло въ томъ, что маманъ

путаетъ огненную землю съ Сициліей... Тогда я обратилась къ географу....

— Географу? не поэту? Мишелю? не Луи?

Изъ другого салона послышался голосъ:

— Не побуждайте это бѣдное существо, которое Богъ поразилъ безуміемъ, издѣваться надъ своимъ близнецомъ, стоящимъ неизмѣримо выше его, мадемуазель де Сартэнъ.

Мадемуазель де Сартэнъ прыснула со смѣху. Она охотно показывала свои зубы, нѣсколько большіе, но красивые:

Не буду, не буду, обѣщаю вамъ... Но, послушайте, мсье Мишель Шомонъ, идите сюда, разъ мы уже васъ нашли, — онъ подошелъ и она понизила голосъ: — маманъ кричитъ во все горло: она хочетъ знать, что такое Тюрзе...

— Тюрзе?

— Да, Тюрзе... Видите, вотъ тотъ господинъ... онъ говоритъ съ мадамъ де Спангеймъ... его зовутъ Тюрзе... онъ графъ...

— Мнѣ кажется, что всѣ стали графами! Даже я...

— Ладно; онъ-то настоящій графъ: Л'Иль Родъ сказалъ это.

Мадамъ де Сартэнъ притворилась разсерженной:

— Эльза! Ты невозможна! Извините ее, Шомонъ, она такой ребенокъ...

Но Шомонъ, настоящій географъ, думалъ только о поставленномъ ему вопросѣ:

— Тюрзе, — сказалъ онъ наконецъ, — мнѣ кажется, это датское, но можетъ быть и шотландское. Вы говорите, что такъ зовутъ этого господина? Онъ, безспорно, некрасивъ... но онъ не производитъ впечатлѣнія перваго встрѣчнаго!..

Какая-то дама, опредѣленнаго возраста и не менѣе опредѣленной расы, — длинныя ноги, длинныя руки, не поддающаяся описанію небрежность, которая казалась наслѣдственной и насчитывающей не менѣе десяти

поколѣній, усталымъ жестомъ подняла свой лорнетъ къ глазамъ:

— Вы говорите, некрасивъ? Я не нахожу...

— Я тоже нѣтъ...

— Ни я...

— И я нѣтъ. Хотя, конечно, всѣ мужчины безъ исключенія ужасны и отвратительны.

Протесты герцогини д'Антэнъ, мадамъ де Сартэнъ, мадемуазель де Сартэнъ, раздались одинъ за другимъ. За ними, точно эхо объявили протестъ мадемуазель Ссевола, дадаистка, прославившаяся своими лишенными всякаго смысла картинами въ синихъ и коричневыхъ тонахъ, привлекавшими публику и забавлявшими знатоковъ; миссъ Катарина Брайанъ, единственная американка, осмѣливающаяся вслухъ заявлять, что она презираетъ Америку, которую она называла страной всѣхъ видовъ рабства; наконецъ поэтесса Даймонъ Осеанъ, уроженка Лондона, трижды выходившая замужъ и трижды разводившаяся — въ Берлинѣ, въ Москвѣ и въ Стокгольмѣ, — и все-таки оставшаяся цѣломудренной... такъ она, по крайней мѣрѣ, увѣряла.

Если бы Парижъ не былъ такъ безгранично гостепріименъ, и если бы не эти ошеломляющія иностранки, которыхъ ихъ соотечественники держали въ ежовыхъ рукавицахъ, и которыя нашли убѣжище на нашей Вандомской площади и прилегающихъ улицахъ, — наша столица была бы наименѣе распущеннымъ и наиболѣе уравновѣшеннымъ городомъ въ мірѣ.

Но, оставимъ философію въ сторонѣ. Было ясно, что женщины единодушно возмущены опредѣленіемъ, даннымъ Шомономъ внѣшности де Тюрзе. Шомонъ — географъ долго путешествовалъ и много видѣлъ. Онъ зналъ, что во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, женщины судятъ о внѣшности мужчинъ иначе, чѣмъ мужчины, —

и наоборотъ. Поэтому Шомонъ—географъ не настаивалъ. Но четыре года, проведенныхъ имъ на войнѣ, научили его сражаться, и онъ тутъ-же предпринялъ контръ-аттаку:

— Въ самомъ дѣлѣ, — невинно замѣтилъ онъ, — вы правы! Онъ совсѣмъ не некрасивъ, этотъ мсье де Тюрзе... ему вредитъ его собесѣдница: она слишкомъ хороша, баронесса де Спангеймъ!

Тройное «Вы такъ думаете?» прозвучало хоромъ. Одна лишь Ссевола, знавшая толкъ въ моделяхъ, промолчала. Шомонъ, восхищенный, продолжалъ нападеніе:

— Послушайте, господа... Луи, во-первыхъ... и вы, Фонтенуа.., и вы, Сэнъ Женисъ-Лаваль... и вы оба, месье д'Ортезъ... я васъ всѣхъ призываю въ свидѣтели...

— Свидѣтели чего?

Сэнъ Женисъ-Лаваль. руководившій тремя или четырьмя самыми могущественными газетами Парижа, вытягивалъ слова одно за другимъ, точно непомѣрную тяжесть. Эту привычку онъ пріобрѣлъ, ведя безконечные торги финансового и политическаго характера. Этотъ человѣкъ, честный какъ Катонъ, былъ профессіональнымъ ловцомъ душъ, — самъ Вальполь, быть можетъ, не скупилъ столько дѣятелей политическаго міра и чиновниковъ. Для того, чтобы отвѣтить Шомону, онъ любезно прервалъ анекдотъ, который онъ разсказывалъ Бертрану Фонтенуа, третьему секретарю Франціи въ Лондонѣ. Фонтенуа, впрочемъ тутъ же объяснилъ Сэнъ Женисъ-Лавалю, въ чемъ дѣло: какъ подобаетъ хорошему дипломату, у него были уши вокругъ всей головы:

— Мсье де Шомонъ, — сказалъ онъ вполголоса, — кажется, хочетъ узнать наше мнѣніе о дивныхъ глазахъ той прекрасной дамы...

Сэнъ Женисъ-Лаваль вдѣлъ въ глазъ монокль, поглядѣлъ въ противоположную сторону, увидѣлъ отраженіе въ стеклѣ, и произнесъ, протягивая слова:

— Въ чемъ же дѣло? Они очень красивы, эти дивные глаза! Развѣ вы иного мнѣнія?

Бертранъ Фонтенуа покосился на стараго журналиста:

— Конечно, — сказалъ онъ, — это также и мое мнѣніе, — равно какъ и мнѣніе мсье Шомона... Но мнѣ кажется, что большинство дамъ думаетъ иначе...

— Of course!*) — воскликнулъ Сэнъ Женисъ Лаваль.

Онъ злобно усмѣхнулся. Онъ прибавилъ бы еще пару словъ, но ему помѣшали господа Ортезъ. Господа Ортезъ, какъ и господа Шомонъ были братья. Но этимъ сходство ограничивалось. Поль д'Ортезъ, блестящій и веселый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати семи, завладѣлъ двойнымъ количествомъ красоты, ума и силы. Поэтому Пьеръ д'Ортезъ оказался лишеннымъ всего. Но несмотря на это, младшій, посредственность во всемъ, за исключеніемъ способности скрытничать, командовалъ и руководилъ старшимъ, слишкомъ простодушнымъ для того, чтобы не поддаваться. Пьеръ д'Ортезъ былъ, понятно, первымъ, который освѣдомился, въ чемъ дѣло:

— О чемъ вы здѣсь такъ таинственно говорите? — спросилъ онъ.

Ему шопотомъ объяснили происходящее. Такъ какъ Пьеръ д'Ортезъ молчалъ, Поль д'Ортезъ высказалъ свое мнѣніе:

— Мадамъ де Спангеймъ болѣе, чѣмъ хороша. Вы всѣ, — и вы, медамъ, — замѣтили испанское въ ея бровяхъ. Когда она улыбается, въ нихъ что-то...

— Дѣло въ томъ, — тяжеловѣсно объяснилъ Сэнъ Женисъ-Лаваль, — что эта плутовка — лѣвая бровь приподнимается чуть выше правой. Это придаетъ ея лицу что-то захватывающее, трагическое, обреченное... Я понимаю, что эти дамы этого не замѣчаютъ. Будьте увѣрены, что она изъ другого тѣста, чѣмъ современная, прак-

*) Въ самомъ дѣлѣ.

тически настроенная женщина. И взгляните: по моему нашелся еще одинъ, раздѣляющій мое мнѣніе...

Всѣ оглянулись: Карлъ-Эдуардъ, прощаясь, склонился надъ рукой баронессы. Поклонъ, впрочемъ, былъ безукоризненъ: изъ всѣхъ предупрежденныхъ зрителей и слишкомъ внимательныхъ наблюдательницъ, Сэнъ Женисъ-Лаваль единственный замѣтилъ, что говорящія другъ другу «до-свиданія» губы и рука, и та и другая медлили долей секунды больше, чѣмъ этого требовалъ кодексъ свѣтскихъ приличій. Когда Карлъ-Эдуардъ вернулся къ Л'Иль Роду, оставшемуся около мадамъ де Рожере, Сэнъ Женисъ-Лаваль проводилъ его взглядомъ.

— Это неоспоримо, — сказалъ онъ потомъ, и каждое слово, казалось, съ трудомъ нагоняло предыдущее, — эта дама, о которой мы говоримъ, дѣйствительно, прекрасна. Она хороша опасной, я бы сказалъ смертельной красотой... Поэтому тѣ, кто утверждалъ обратное, ошибались... Но господинъ, который ей только что поцѣловалъ руку, — его нельзя назвать красивымъ,—онъ обладаетъ большимъ, чѣмъ красота... Поэтому тѣ, кто вопреки очевидности не находятъ его некрасивымъ, также правы...

— Его зовутъ Тюрзе, — сказалъ Шомонъ-географъ. — По-моему это имя родилось въ Шотландскихъ плоскогорьяхъ.

Сэнъ Женисъ-Лаваль обратился къ Фонтенуа:

— Вы должны это знать.

Молодой секретарь улыбнулся:

— Я долженъ былъ бы знать это, вы правы. Я, къ тому же, недурно знаю Готскій альманахъ. Этого имени въ немъ нѣтъ. Но разъ Л'Иль Родъ его ввелъ, нѣтъ сомнѣнія, что онъ настоящій графъ, а можетъ быть и больше...

— Это интересно, — проронила мадемуазель Ссевола.

— Таинственно и великолѣпно! — подтвердила Даймона Осеанъ вдохновеннымъ тономъ, которымъ она про-

износила всѣ, даже самыя прозаическія слова. Даймона Осеанъ, обѣдая въ одиночествѣ за своимъ столомъ, требовала соли или воды такимъ тономъ, какъ если бы она декламировала Легенду Вѣковъ.

Искренняя и простодушная мадамъ де Сартэнъ присоединилась къ общему мнѣнію. Между тѣмъ, миссъ Брайанъ и герцогиня д'Антэнъ, открывшія было ротъ, чтобы одобрить слова Сэнъ Женисъ-Лаваля, въ послѣдній моментъ раздумали и потихоньку стали слѣдить другъ за другомъ. Не было тайной, что обѣ эти дамы, связанныя узами нѣжной дружбы, черпали въ ней утѣшеніе отъ всѣхъ горечей жизни. Но дружба дѣлаетъ ревнивымъ. И герцогиня д'Антэнъ не потерпѣла бы, чтобы миссъ Брайанъ, — равно какъ миссъ Брайанъ не потерпѣла бы, чтобы герцогиня д'Антэнъ, — выразила по адресу третьяго лица, будь то мужчина или женщина, восхищеніе, граничащее съ измѣной.

Такъ, или иначе, говорить — это одно, а думать — другое. Хотя никто не проронилъ ни слова, но миссъ Брайанъ и ея подруга — герцогиня, Даймона Осеанъ и мадемуазель Ссевола, и многія другія женщины, внимательнымъ взглядомъ проводили господина, который всего лишь сказалъ нѣсколько словъ мадамъ де Спангеймъ и теперь уходилъ вмѣстѣ съ этимъ истиннымъ вельможей, Луи-Христофомъ де-Варадесъ, герцогомъ Л'Иль Родъ е Виль-Паризисъ.

Въ переполненномъ салонѣ трудно сказать кому-нибудь нѣсколько словъ по секрету. Но Сэнъ Женисъ-Лаваль, обладавшій большимъ опытомъ въ искусствѣ лавировать среди толпы, сумѣлъ потихоньку подѣлиться своими мыслями съ молодымъ Фонтенуа, къ которому онъ питалъ слабость, вѣроятно потому, что Фонтенуа обѣщалъ въ будущемъ сравняться съ Сэнъ Женисъ-Лавалемъ въ искусствѣ покупать и продавать людскую совѣсть:

— Мой милый Бертранъ, — насмѣшливо произнесъ онъ, — разгадайте загадку, хотите?.. Взгляните повни-

мательнѣй на всѣхъ этихъ цѣломудренныхъ красавицъ, забывшихъ и о вашемъ и о моемъ существованіи, для того, чтобы поглядѣть, какъ будетъ уходить графъ де Тюрзе, котораго уводитъ его вожакъ. Потомъ попробуйте угадать, сколько изъ нихъ въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ попытаются встрѣтиться съ нимъ — о! совершенно случайно, — между двумя простынями?.. Итакъ, сколько? Хотите пари, четъ или нечетъ?.. Повѣрьте мнѣ, въ томъ и другомъ случаѣ получится довольно милая цифра, и мадамъ де Спангеймъ придется быть на чеку...

— А? — съ интересомъ перебилъ его собесѣдникъ,— такъ мадамъ де Спангеймъ уже?.. Вы что нибудь знаете?..

— О! ничего... Прежде всего, я не предлагалъ бы пари, если бы зналъ. Впрочемъ, въ моемъ возрастѣ, я бы не далъ шести су за то, чтобы узнать что нибудь, чего я не знаю!..

Старикъ внезапно сталъ меланхоличенъ и втянулъ голову въ плечи, уставился на полъ; черезъ мгновеніе онъ снова одѣлъ обычную маску — смѣсь зубоскальства съ цинизмомъ, — и продолжалъ:

— Вотъ тебѣ и на. Да, въ этомъ случаѣ, только слѣпой можетъ не видѣть. Въ чемъ дѣло, Бертранъ? Вы стали близоруки?

Мадамъ де Спангеймъ, крѣпко сжимавшая мраморную доску камина рукой, затянутой въ перчатку, тоже смотрѣла вслѣдъ уходящимъ. Огромные золотистые глаза, съ чернымъ отливомъ, казались безстрастными. Лишь изогнутыя брови были чуть-чуть приподняты — лѣвая чуть больше, чѣмъ правая. — Сэнъ Женисъ-Лаваль былъ хорошимъ физіономистомъ: подъ этой безукоризненно сдѣланной свѣтской маской, чувствовалась тоска, — скрытая, а поэтому трогательная; тоска существа, которое чувствуетъ, что судьба преслѣдуетъ его, какъ

охотничья свора самку оленя, уже заранѣе теряющую силу въ предчувствіи рокового «ату-его».

VI.

Ни тотъ, ни другой не хотѣли ждать хотя бы лишній часъ. — Восемьсотъ дней ожиданія — этого было достаточно. Восемьсотъ одинъ день — это было бы слишкомъ много. Въ салонѣ мадамъ де Рожере, подъ внимательными, быть можетъ, недоброжелательными взглядами, они, понятно, не могли обмѣняться словами любви, Но для того, кто умѣетъ слушать, какъ и для того, кто умѣетъ говорить, достаточно одного слова.

Выйдя изъ воротъ дома, служившаго насѣстомъ для жилища мадамъ де Рожере, Тюрзе и Л'Иль Родъ вмѣстѣ спустились до скрещенія улицы Рафаэля и бульвара Сюшэ. Здѣсь они распрощались. Л'Иль Родъ направился домой. Тюрзе свернулъ налѣво, вошелъ въ Буа и направился къ озеру. Солнце садилось. Послѣдній лучъ розовой стрѣлой коснулся верхушки большой сосны, которая возвышалась надъ растущими вокругъ молодыми деревцами. Начинало темнѣть. Прозрачный туманъ подымался съ земли, въ то время, какъ измѣнчивое парижское небо мимолетнымъ дождемъ окропило осеннюю листву. Въ ста шагахъ за перекресткомъ шоферъ такси, остановившагося вплотную у тротуара, зажигалъ фонари.

Здѣсь Карлъ-Эдуардъ снова встрѣтилъ Стеллу де Спангеймъ. Она ходила взадъ и впередъ передъ машиной. Даже очень нескромный прохожій нарядъ ли смогъ бы разглядѣть черты ея лица, скрытыя большимъ мѣховымъ воротникомъ, который она обѣими руками придерживала на высотѣ рта.

Она замѣтила его и остановилась, какъ будто у нея отнялись ноги. Карлъ-Эдуардъ взялъ ея протянутую руку, отогнулъ перчатку и долгимъ поцѣлуемъ прижалъ губы къ впадинѣ кисти. Она молчала.

— А! какъ долго я ждалъ этотъ часъ,—сказалъ онъ.

Внезапно Карлъ-Эдуардъ вспомнилъ, что какой-то

поэтъ уже разъ употребилъ, слово въ слово, то же выраженіе, и быстрая печаль пролетѣла надъ его радостью. Печаль и смутное безпокойство.

Въ чемъ дѣло? Онъ вѣдь не испыталъ разочарованія, когда встрѣтилъ ее. Онъ былъ счастливъ, упоенъ... а теперь его любовь, такая свѣжая, вибрирующая, сіяющая, для своего перваго выраженія нашла только старыя, подержанныя, уже сказанныя слова, — тѣ же слова, которыя другіе мужчины говорили другимъ женщинамъ, быть можетъ, часто... Какое убожество! Хуже того: вѣдь тѣ же слова обозначаютъ тѣ-же мысли. Значитъ, другіе мужчины, любя другихъ женщинъ, также чувствовали, какъ ширится ихъ грудь, переполняется сердце и самый мозгъ костей то кипитъ, то застываетъ... да, другіе такъ же испытывали это. Къ чему же жить, если жить, это значитъ повторять отъ колыбели до гроба, все одни и тѣ же вѣковѣчные пируэтты; если мы всего лишь жалкіе картонные паяцы, скопированные съ нашихъ отцовъ?

Онъ не кончилъ фразы, и она не поняла, почему онъ это сдѣлалъ. Она думала, что волненіе сжало ему горло, такъ же, какъ у нея. Это было первое недоразумѣніе между ними. Ничтожное недоразумѣніе, потому что оба были въ самомъ дѣлѣ очень взволнованы. Они свернули въ боковую аллею, автомобиль медленно слѣдовалъ за ними. Здѣсь, идя рука объ руку по направленію къ озеру, они понемногу начали обнажать свои души.

Сумерки надвигались. Внезапно Карлъ-Эдуардъ движеніемъ руки остановилъ Стеллу:

— Слушайте! — онъ говорилъ тихо, но возбужденно, — я не прощу себѣ, и вы мнѣ не простите, если я вамъ не скажу сейчасъ же, въ чемъ мы нуждаемся... Намъ нужна квартира, квартира для насъ обоихъ, и только для насъ... не такъ ли?

Она осторожно освободилась и, опустивъ глаза, нерѣшительно спросила... и въ ея вопросѣ прозвучала просьба:

— Нужна?

Онъ снова взялъ ее за руку:

— Да, — сказалъ онъ, — нужна. О! не подумайте, что я принадлежу къ числу жадныхъ любовниковъ, не могущихъ дождаться возможности овладѣть женщиной, которую они, какъ имъ кажется, любятъ, и которую они всего лишь хотятъ... Но я васъ впервые увидѣлъ три года тому назадъ. Поэтому, вы ни на минуту не можете заподозрить меня въ томъ, что моя любовь только капризъ, — не болѣе, — вспышка, которая скоро угаснетъ. Такъ обстоитъ дѣло со мной. Перейдемъ къ вамъ. Вы три раза сказали мнѣ, что любите меня: въ Компьенѣ, въ день моего отъѣзда; въ Парижѣ, восемьсотъ дней тому назадъ, и, наконецъ, недавно, въ домѣ, откуда мы пришли... Да, я васъ понялъ, хотя вы говорили одними глазами. Мнѣ кажется, что этого довольно. Мы должны имѣть возможность въ тѣ дни, когда мы захотимъ, хотя бы нѣсколько часовъ, жить такъ, какъ если бы мы были однимъ существомъ, и бесѣдовать другъ съ другомъ такъ, какъ обычно бесѣдуешь только самъ съ собой. Неправда ли? Болѣе того! Я вамъ не буду ни въ чемъ клясться, такъ какъ вы должны безъ всякой клятвы вполнѣ довѣриться мнѣ. Вѣдь безъ лишнихъ разговоровъ ясно, что я не стану насиловать вашей воли, что я никогда не попрошу у васъ чего нибудь, что вы мнѣ сами не предложите, что, наконецъ, вамъ не придется требовать отъ меня доказательствъ любви, такъ какъ я самъ буду просить васъ принять отъ меня эти доказательства. Доказательства, которыя васъ потрясутъ больше, чѣмъ вы предполагаете. Потому что такова моя любовь къ вамъ. Теперь вы понимаете, что намъ нужно то, о чемъ я говорилъ?

Она опустила голову и снова сказала:

— Нужно! — но теперь это слово прозвучало какъ приказаніе. Онъ опустилъ ея руку. Они снова медленно пошли впередъ.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ ее спросилъ:

— Въ какой части Парижа можно скорѣе всего расчитывать, что васъ никто не узнаетъ, и не выслѣдитъ?

Она равнодушно пожала плечами:

— Я очень безпокоюсь, когда думаю о насъ двоихъ, о васъ и обо мнѣ. Но очень мало, когда я думаю обо всѣхъ остальныхъ.

Онъ кивнулъ головой:

— Вы правы. Но я долженъ принять всѣ мѣры предосторожности, которыми вы пренебрегаете. Впрочемъ, я знаю, кто мнѣ дастъ хорошій совѣтъ...

Она вздрогнула и ея брови еще болѣе изогнулись, въ то время, какъ ея взглядъ пытался проникнуть вглубь его глазъ:

— О! нѣтъ... я васъ умоляю! — Пусть наша тайна принадлежитъ намъ, только намъ однимъ! Я знаю, вы подумали о вашемъ другѣ Л'Иль Родѣ. Я знаю также, что онъ настоящій рыцарь... Но никто, даже онъ, не долженъ ничего, ничего знать. Я умру со стыда, если кто нибудь узнаетъ это. О! Чарли, я васъ умоляю!

Онъ мгновеніе колебался; двѣ секунды, быть можетъ. То, о чемъ она просила, было совершенно невозможно. Въ этомъ городѣ, котораго онъ почти не зналъ, шумная и стремительная таинственность котораго пугала его больше, чѣмъ абсолютная темнота, онъ не могъ обойтись безъ руководителя. Какъ онъ могъ надѣяться избѣжать западней, разсыпанныхъ на ихъ пути и особенно на ея пути. — То, чего она требовала, было безумiемъ, опаснымъ безумiемъ. Обстоятельства вынуждали его отказать ей въ просьбѣ. Но она умоляла его, а онъ еще ни разу не сказалъ ей: нѣтъ! Вдобавокъ, она еще не была его: онъ дрожалъ при одной мысли, что отказъ съ его стороны можетъ повлечь отказъ съ ея...

Поэтому онъ такъ мало колебался. Онъ былъ мужчиной, и поэтому онъ поступилъ такъ, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ любой другой мужчина... онъ сказалъ:

— Пусть будетъ такъ, какъ вы хотите! Наша тайна

останется въ нашихъ рукахъ, и я обѣщаю, что никто ее не узнаетъ! — Онъ зналъ, что онъ солгалъ. Эта ложь не имѣла никакого значенія. И все же: между ними встала первая ложь, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ закралось первое недоразумѣніе. Онъ ощутилъ грусть, такую глубокую, что пересталъ ощущать радость отъ встрѣчи и молчаливаго обѣщанія, которое они дали другъ другу почти противъ воли...

Они дошли до озера... Карлъ-Эдуардъ, впослѣдствіи, когда онъ снова пытался найти это мѣсто, даже не могъ опредѣлить, у верхняго ли, или у нижняго озера Стелла де Спангеймъ впервые, во внезапномъ порывѣ, дала ему свой ротъ...

Между тѣмъ, онъ всегда, съ необъяснимой четкостью помнилъ, что подъ его ногами была лужайка, плавно спускавшаяся къ озеру, и что его нога наткнулась на большой бѣлый камень, торчавшій изъ дерна, — не булыжникъ, принесенный человѣкомъ, и брошенный здѣсь! нѣтъ! — вросшій въ землю камень... быть можетъ, верхняя часть скалы, скрытой въ землѣ. — Рядомъ два итальянскихъ тополя высоко въ воздухѣ скрещивали свои вѣтви. Надъ водной скатертью закатъ пламенемъ зажегъ облака. Озеро отражало угасающій пожаръ и три запоздавшихъ лебедя тройной бороздой чертили водную гладь...

Онъ почувствовалъ на своихъ губахъ быстрый и короткій толчекъ брошенныхъ ему навстрѣчу губъ и почувствовалъ какъ они становились мягче и податливѣе. Онъ почувствовалъ на своихъ зубахъ холодокъ зубовъ, скрытыхъ за этими губами. Затѣмъ онъ почувствовалъ прикосновеніе къ своему языку, который, оказавшись въ сладкомъ плѣну, задрожалъ, уступилъ, снова напрягся...

Онъ покачнулся, чуть было не упалъ, но удержался, обхвативъ два обнаженныхъ плеча, прильнувшихъ къ нему. Прижавшись другъ къ другу, они повернулись вокругъ самихъ себя и упали бы, если бы рядомъ съ

ними не оказался одинъ изъ тополей. Стелла прислонилась къ дереву. Онъ съ силой прижалъ ее къ неровной корѣ. Она застонала низкимъ и глухимъ голосомъ. Онъ подумалъ, что сдѣлалъ ей больно и быстро отскочилъ. Отпустивъ другъ друга, они долгую, длительную, какъ вѣчность, минуту пристально смотрѣли въ глаза. Потомъ они медленными шагами, держась за руку, вернулись къ автомобилю, ожидавшему ихъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ озера. Шоферъ открылъ передъ ними дверцу, и они сѣли.

Всю обратную поѣздку они молчали. Ихъ руки больше не разлучались — всю дорогу онѣ безъ пожатія лежали одна въ другой.

На Іенской улицѣ, передъ домомъ, въ которомъ жила Стелла, они разстались.

VII.

— Задача, — заявилъ Л'Иль Родъ, подумавъ, — допускаетъ два рѣшенія. Оба рѣшенія пріемлемы для васъ — каждое имѣетъ свои преимущества и свои недостатки. Взвѣсьте ихъ и рѣшайте. — Итакъ: мадамъ де Спангеймъ живетъ на Іенской улицѣ... Да! я это знаю, и зналъ раньше васъ... Іенская улица, хорошо! Слѣдовательно исключается возможность устроить ваше тайное гнѣздышко въ этомъ районѣ... Отпадаютъ удобные и пріятные участки, расположенные между Л'Этуаль и Сеной и Альмой и Трокадеро. — Вы понимаете: слуги, поставщики: возможны всякія случайности! Но, не бѣда! Вы найдете удобную квартиру въ примыкающей къ Буа части Парижа... тамъ есть много квартиръ съ двумя ходами! Да, вотъ! Я знаю одну, которая подойдетъ вамъ... и, навѣрное, понравится вашей подругѣ: на улицѣ Монтеспань... Вы не знаете, гдѣ это? Улица Монтеспань — тихій переулочекъ, извивающійся между Насосной ули-

цей и улицей Виктора Гюго... Девяносто девять разъ изъ ста женщина войдетъ и выйдетъ изъ нея, и никто ее не замѣтитъ, или, по крайней мѣрѣ, не задумается надъ тѣмъ, куда она ходила. Это впрочемъ не исключаетъ возможности, что въ сотый разъ, бездѣльникъ, случайно оказавшійся напротивъ дверей, въ которыя она войдетъ, лучшій другъ барона де Спангеймъ или заклятый врагъ его жены. Это сулитъ крупныя непріятности. Ибо упомянутый бездѣльникъ предположитъ все, и даже еще больше. На улицѣ Монтеспань нѣтъ ни портнихъ, ни антикварныхъ магазиновъ, ни библіотекъ, ни модистокъ, ни маникюршъ, ни гадалокъ: какъ туда можетъ попасть свѣтская женщина и что ей можетъ быть нужно въ этой забытой уличкѣ, которая никуда не ведетъ? Правда, это всего одинъ шансъ на сто, или скорѣе, на тысячу.

Это было первое рѣшеніе. Разсмотримъ второе: въ самомъ центрѣ города, скажемъ около Лувра или Оперы, есть достаточно небольшихъ квартиръ. Никому не придетъ въ голову уливляться, если онъ встрѣтитъ въ этихъ мѣстахъ даму, даже если онъ увидитъ, что она входитъ въ какой нибудь домъ — въ каждомъ изъ нихъ есть своя портниха, своя гадалка, своя маникюрша, своя модистка и своя бѣлошвейка! Если вы устроитесь на улицѣ Кастильоне или Сэзъ, десять тысячъ парижанъ ежедневно будутъ встрѣчать мадамъ де Спангеймъ; но если вы снимете квартиру на чужое имя, никто ничего не узнаетъ, даже если будетъ искать!

— Пресвятой Андрей! — воскликнулъ Карлъ-Эдуардъ. — Второе рѣшеніе въ двадцать разъ лучше перваго. — Но скажите, дорогой Л'Иль Родъ, у васъ была для меня квартира на улицѣ Монтеспань; есть ли у васъ въ запасѣ вторая на улицѣ Сэзъ или Кастильоне?

— Пока нѣтъ, — отвѣтилъ герцогъ, — но я надѣюсь, что будетъ сегодня вечеромъ...

Карлу-Эдуарду пришлось обратиться къ Л'Иль Роду. — Впрочемъ, почему бы и нѣтъ? Развѣ на Л'Иль

Рода нельзя было положиться. Скорѣе чѣмъ на Карла-Эдуарда и на Стеллу, вмѣстѣ взятыхъ? Въ семьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ человѣкъ умѣетъ молчать, молчать по настоящему. — Правда, Карлъ-Эдуардъ обѣщалъ Стеллѣ... Но сдержать обѣщаніе было невозможно; а не дать его еще невозможнѣе...

Кто сказалъ, что въ любви всѣ клятвы ни къ чему не обязываютъ? — Увы! кто-то, кто читалъ Писаніе... кто измѣрилъ слабость чреслъ и сердецъ... быстрый бѣгъ разума... и соблазны плоти...

Вечеромъ Карлъ-Эдуардъ отправилъ мадамъ де Спангеймъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Стелла, моя Стелла, я нашелъ. Это на улицѣ Роганъ, между улицей Оперы и улицей Риволи; улица Роганъ, 24, въ верхнемъ этажѣ. Лифтъ направо отъ входа, кабинка вся изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Совершенно исключена возможность, чтобы кто нибудь узналъ васъ во время подъема. Подымитесь на самый верхъ и войдите въ дверь, расположенную прямо противъ дверей лифта: она не будетъ заперта: она сразу откроется, — а за дверью буду я. Я буду ждать завтра весь день, съ полудня до полуночи...

Вы придете, вы придете?..»

Она пришла.

VIII.

...Часы на колокольнѣ Сенъ-Рошъ еще не пробили двѣнадцать часовъ.

Дверь на площадкѣ лѣстницы открылась безъ сопротивленія и широко распахнулась отъ толчка нетерпѣливой руки, державшей сумочку изъ золотыхъ колечекъ. Сумочка, сжатая дрожащей рукой, ударила по дубовому

косяку. На дворѣ свѣтило солнце, и площадка была залита свѣтомъ, падавшимъ черезъ огромное окно на лѣстницѣ. Но едва вы переступали порогъ только что отворившейся двери, васъ охватывала глубокая тьма: передняя не имѣла даже слухового окна. Стелла де Спангеймъ все-таки вошла и быстрымъ движеніемъ закрыла за собой дверь.. Дверь захлопнулась со звукомъ выстрѣла. Этому звуку отвѣтилъ вскрикъ и грохотъ рѣзко отодвинутаго и упавшаго кресла. Три звука, гулко прозвучавшіе въ окружающей тишинѣ, слились въ одинъ. Но Стелла больше не шевелилась. Она осталась стоять въ темнотѣ, затаивъ дыханіе. Она больше ничего не слыхала, — ничего, если не считать оглушительныхъ ударовъ своего сердца, бившагося въ ея груди, точно плѣненный звѣрь, пытающійся лбомъ разбить свою темницу. Это длилось, длилось, длилось...

Женщина, особенно молодая, впервые ожидающая объятій мужчины, котораго она любитъ, теряетъ всякое представленіе о времени. И иные мужчины, — они встрѣчаются рѣдко,—когда имъ предстоитъ первое обладаніе женщиной, которую они любятъ, забываютъ про жизнь и смерть. Мадамъ Спангеймъ было уже тридцать шесть лѣтъ, хотя съ виду ей нельзя было дать больше двадцати семи; она была замужемъ, и даже имѣла сына, котораго потеряла, и котораго горько оплакивала. Но она принадлежала къ тѣмъ, рѣдко встрѣчающимся даже среди самыхъ ислючительныхъ женщинъ, существамъ, которыя черезъ всѣ разочарованія жизни проносятъ невредимую вѣру и несокрушимую надежду. Придя на первое въ жизни свиданіе, она не была бы въ состояніи отличить секунды отъ вѣковъ...

Три такихъ вѣка прошли. Наконецъ свѣтъ проникъ во тьму. Ибо кто-то, ворвавшись въ переднюю, повернулъ выключатель. Стелла, все еще парализованная, увидѣла Карла-Эдуарда. Ее охватилъ страхъ, невыра-

зимый страхъ. Такимъ страхомъ, вѣроятно, была объята дѣвушка изъ древняго сказанія передъ Минотавромъ. Но тогда все было предусмотрѣно богами, какъ это всегда бываетъ, хотя мы, жалкіе слѣпцы, этого не знаемъ. И Минотавръ, вѣроятно, былъ не менѣе испуганъ, чѣмъ его жертва.

Двумя днями раньше, на берегу озера въ Буа, Карлъ-Эдуардъ и Стелла тѣсно обнимались; ихъ губы нашли другъ друга и слились... Въ маленькой квартиркѣ на улицѣ Роганъ Карлъ-Эдуардъ осторожно взялъ руку Стеллы, поцѣловалъ кончики ея пальцевъ и бережно проводилъ ее къ предназначенному для нея креслу; усадивъ ее, онъ самъ усѣлся у ея ногъ. Онъ не коснулся даже подола ея платья. Между ними воцарилось молчаніе. Но Карлъ-Эдуардъ не далъ ему нарасти. Инстинктъ замѣнилъ ему опытъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этотъ день она, прійдя къ нему, была готова на все. Какъ сильно она ни любила, въ этотъ часъ ее любили сильнѣе, чѣмъ она сама любила. Въ этомъ кроется секретъ великихъ любовниковъ: любить, любить сильнѣе. — Карлъ-Эдуардъ любилъ Стеллу, любилъ ее такъ сильно, что онъ въ первый же день, когда она пришла къ нему, безвольная и желающая, — когда она была вся въ его власти, —за всѣ блага міра не поцѣловалъ бы кисти ея руки.

Онъ заговорилъ. Онъ сталъ спрашивать. Онъ хотѣлъ, чтобы она ему отвѣчала. Онъ хотѣлъ, чтобы она была съ нимъ откровенна. Онъ самъ былъ откровененъ...

— Вы вѣдь сразу нашли, вамъ не пришлось спрашивать? Всѣ знаютъ улицу Роганъ... Все-таки я боялся... И я ужъ лучше сразу скажу вамъ всю правду: никогда, никогда, никогда, я не принималъ женщинъ у себя... ни здѣсь, понятно, — здѣсь я всего со вчерашняго дня, — ни въ другомъ мѣстѣ...

На этотъ разъ онъ не лгалъ. Несмотря на то, что наканунѣ, — ключъ отъ квартиры на улицѣ Роганъ, переданый ему два часа тому назадъ Л'Иль Родомъ; уже

лежалъ у него въ карманѣ, — онъ встрѣтилъ на улицѣ Оперы одну изъ тѣхъ уличныхъ дѣвицъ, притягательная сила которыхъ всегда останется одной изъ самыхъ странныхъ сексуальныхъ загадокъ... И, если эта дѣвица не послѣдовала за Карломъ-Эдуардомъ на улицу Роганъ, то лишь потому, что она предпочла отвести Карла-Эдуарда на улицу д'Аржантай: къ себѣ...

Пусть такъ. Все же, клянясь, что онъ никогда, никогда, никогда не принималъ у себя женщинъ, Карлъ-Эдуардъ не лгалъ. И Стелла была не совсѣмъ неправа, довѣряя ему, и даже вѣря... хотя бы каждому слову.

Они спокойно бесѣдовали, разсказывали по-очереди. Онъ заговорилъ первый, для того, чтобы дать ей время успокоиться. — Это правда! — повторялъ онъ. — Никогда еще, за всю мою жизнь, женщины не были у меня. — Моя Стелла, вы должны будете многое простить мнѣ, и не сердиться на меня за мои дѣтскія выходки; я еще молодъ, несмотря на свои годы... и я ничего, буквально ничего не знаю о жизни.. Посудите сами, — вѣдь вы знаете мое настоящее имя, — что могло стать изъ человѣка, котораго упорно, несмотря на всѣ препятствія, воспитывали какъ принца, — какъ настоящаго принца: я хочу сказать какъ принца, котораго ждетъ тронъ.

Такое воспитаніе я получилъ; самое нелѣпое изо всѣхъ. Мнѣ на силу позволили, «для того, чтобы я узналъ своихъ будущихъ подданныхъ», провести четыре мѣсяца въ Юнитедъ Сервисъ Колледжъ, а впослѣдствіи двѣнадцать мѣсяцевъ, всего двѣнадцать! въ Christ Church ... А все остальное время — въ дѣтствѣ, отрочествѣ и юности, — дѣтская колясочка и короткіе штанишки: система «индивидуальнаго» воспитанія во всей ея неприглядности... Наставники, учителя, гувернеры... А! мой отецъ сдѣлалъ изъ меня, что онъ хотѣлъ; даже послѣ своей смерти онъ навязывалъ мнѣ свою систему воспитанія: онъ умеръ въ девяносто девятомъ, мнѣ было всего десять лѣтъ... Я

уже разсказывалъ вамъ объ этомъ... Несмотря на это, меня продолжали держать подъ колпакомъ, я не могъ ни одного шага сдѣлать самостоятельно... Да... Даже три экстравагантныя путешествія, которыя отецъ по завѣщанію заставилъ меня продѣлать, я сдѣлалъ подъ наблюденіемъ ментора.. Я только что сошелъ съ пакетбота, привезшаго меня изъ моего послѣдняго путешествія, какъ разразилась война.

Нѣтъ, я не шучу, клянусь вамъ! Знаете ли вы, что подписавъ прошеніе о зачисленіи меня въ Иностранный легіонъ, я сдѣлалъ первый самостоятельный жестъ въ своей жизни: жестъ свободнаго человѣка, подписывавшаго обязательство на все время войны.. а вы вѣдь знаете, сколько она длилась. Скажите по совѣсти, развѣ можно требовать отъ меня, хотя бы малѣйшаго представленія о жизни? Моя Стелла, вы первая женщина, оказавшаяся на моемъ пути, — самая первая... Вы должны будете учить меня всему, и вамъ придется открыть передъ мною священную книгу, изъ которой, рано или поздно, всѣ любовники узнаютъ свою судьбу... Я еще съ трудомъ читаю по складамъ! А между тѣмъ я люблю васъ...

— Замолчите! — вскричала она, вставая.

Сперва она слушала, ничего не понимая, кровь слишкомъ громко шумѣла въ ея ушахъ. Но онъ понемногу повысилъ голосъ. Тогда она вдругъ поняла все, что онъ сказалъ... И она ужаснулась, почувствовавъ себя такой же неопытной и наивной, какъ и сидѣвшій у ея ногъ мужчина-мальчикъ, чистосердечно признававшій, что онъ былъ не менѣе неопытенъ и наивенъ, чѣмъ она...

Онъ съ безпокойствомъ глядѣлъ на нее, опасаясь, что онъ чѣмъ нибудь оскорбилъ ее. Но она взволнованно повторяла:

— Замолчите! о! замолчите! вы не понимаете, вы не можете знать... Вѣдь я, я тоже не открывала еще книги жизни, я тоже съ трудомъ читаю по складамъ... А между

тѣмъ я старше васъ, на много старше... мнѣ — она спохватилась и съ трогательнымъ кокетствомъ женщины, со страхомъ считающей ушедшіе годы, и готовой отдать все, что она имѣетъ и чѣмъ она является, для того, чтобы остановить бѣгъ времени, продолжала: — мнѣ уже сто лѣтъ! За мной такая долгая и тяжелая жизнь!.. И все же, я никогда не любила, и никогда не была любима, и есть много, много дѣвушекъ, которыя вчера еще были дѣтьми, но уже сегодня въ тысячу разъ меньшія невѣжды въ любви, чѣмъ я. — Я не стану разсказывать вамъ свою жизнь: она слишкомъ безотрадна... Я это говорю не потому, что я хочу что нибудь скрыть отъ васъ, вы узнаете обо мнѣ все, что васъ интересуетъ. Но не сегодня: я не хочу испортить этотъ радостный день. Вы меня любите, мой другъ? Я васъ люблю. Я васъ люблю давно: съ того дня, когда я васъ увидѣла впервые, или почти съ того дня; да: съ того дня, когда васъ принесли туда, въ госпиталь Матильды... Вы лежали окровавленный и израненный, и даже не стонали; кто-то рядомъ со мной сказалъ: «Онъ въ обморокѣ». Въ ту же минуту вы открыли глаза, и я прочла въ нихъ столько неукротимого, столько дикости, столько страшной нѣжности... О! да... Въ этотъ день я васъ полюбила; въ ту же минуту... Но я не отдавала себѣ отчета въ этомъ, вы понимаете; я этого не знала! болѣе того — не понимала. Это потому, что я до того, — я уже говорила вамъ, — до того я никогда не любила, и меня никогда не любили. — Замужемъ? Да, безъ сомнѣнія! я была замужемъ, я и сейчасъ замужемъ и остаюсь замужней женщиной... Развѣ что вы не захотите, вы не позволите?.. Конечно, я сдѣлаю такъ, какъ вы пожелаете, какъ вы прикажете.. Не говорите: нѣтъ! Я должна вамъ подчиняться, во всемъ и всегда. Въ этомъ мое счастье, смыслъ моей жизни и ея оправданіе. — И ясно, что мое тѣло принадлежитъ вамъ также, какъ мое сердце. — Поэтому я стану вашей любовницей, въ тотъ день, когда вы этого потребуете... Хотите теперь, сейчасъ?

Онъ весь задрожалъ и рукой закрылъ глаза:

— Нѣтъ! о! нѣтъ! — вскричалъ онъ, — Еще нѣтъ, моя любовь!.. моя любовь!.. Я еще не достоинъ...

Они оба стояли. Она улыбнулась, почувствовавъ, что всѣ ея нервы успокаиваются. Ибо она, такъ гордо предложивъ ему самое себя, точно дѣвушка испугалась, что онъ приметъ и возьметъ ее. Теперь она была увѣрена въ томъ, что между ними ничего не произойдетъ вплоть до того часа, который она сама изберетъ. Она подошла къ нему, отняла руку, которой онъ прикрывалъ свои глаза и глубоко погрузила въ нихъ свой взглядъ. Потомъ она поцѣловала его губы, которыхъ онъ ей не протягивалъ, торжественнымъ и нѣжнымъ поцѣлуемъ, преисполненнымъ благодарности и чистоты. И если поцѣлуй, которымъ они обмѣнялись позавчера, былъ неудержимымъ порывомъ ихъ вожделѣнія, этотъ поцѣлуй скрѣпилъ ихъ помолвку.

IX.

Но отъ помолвки до обрученія оказалось еще далеко. Имъ не надо было ждать случая: онъ представлялся ежедневно: они ежедневно встрѣчались, ежедневно длили свои встрѣчи: каждое разставаніе было мукой. — Вожделѣніе пылало и гремѣло въ ихъ жилахъ, въ ея такъ же сильно, какъ въ его. Но они боролись съ нимъ, — они боролись инстинктивно, — упрямо и пугливо.

Почему? — Они не знали. Но они были увѣрены въ одномъ: они должны были завоевать свое счастье, а для этого они должны были бороться. Они должны были обуздать упорное вожделѣніе. Они должны были...

Это было самое странное обиталище, какое только можно себѣ представить. Входная дверь, дверь съ площадки, находившаяся какъ разъ противъ дверей лифта, открывалась во что-то вродѣ прихожей, имѣвшей раз-

мѣры сундука, и такой же темной. За ней, направо, шла комната, бывшая всѣмъ сразу: ванной, кухней, людской, кладовой... впрочемъ, большая комната, выходившая на огромный дворъ, размѣрами съ рыночную площадь въ деревнѣ... Налѣво двѣ одинаковыхъ двери: одна въ салонъ, другая въ спальню...

Со спальней, кстати сказать, Стелла познакомилась гораздо позже.

За то салонъ съ перваго же дня доставлялъ ей много радости. Это была большая, четырехъугольная комната съ двумя срѣзанными углами и двумя большими окнами, выходившими каждое на отдѣльный балконъ. Если нагнуться надъ перилами балкона, съ одной стороны открывался видъ на сутолоку улицы Оперы, кончающейся подъ платанами Французскаго театра; съ другой стороны видѣнъ былъ потокъ улицы Риволи, съ трудомъ вливающейся въ рѣшетки Лувра, точно въ допотопные каналы. Внизу, на глубинѣ двадцати метровъ, шумѣли безсчетные автомобили. Несчастный домъ дрожалъ отъ толчковъ безпрерывнаго землетрясенія, вызваннаго проѣздомъ такси , автобусовъ, грузовиковъ и невидимаго метро. Онъ былъ построенъ въ эпоху, когда люди еще не понимали, что человѣчество оторвалось отъ неба и стремглавъ летитъ въ пропасть.

Но достоточно было закрыть оба окна, задвинуть и застегнуть тяжелыя занавѣси, не пропускавшія свѣта, и въ салонѣ, точно по волшебству воцарилась тишина; двѣ большія лампы изливали смягченный свѣтъ. Напротивъ оконъ стоялъ очень низкій, длиный диванъ, шириной въ двѣ кровати. На немъ были грудой свалены подушки, всѣ изъ того же краснаго бархата, которымъ были обиты стѣны. Остальная мебель скрывалась въ полумракѣ: книжный шкафъ чернаго дерева, лакированныя и покрытыя инкрустаціями китайскія витрины. Древнія какемано, на которыхъ мѣстами поблескивало старое золото, висѣли по сторонамъ дивана. Здѣсь царилъ великій покой. Казалось ,что повседневная жизнь ни-

когда не осмѣлится наводнить этотъ уголокъ, превращенный Карломъ-Эдуардомъ въ святилище...

Святилище, сосредоточеніе. Сосредоточеніе, признаніе. Признаніе, исповѣдь...

Однажды Стелла де Спангеймъ начала исповѣдываться:

— Ты еще не былъ моимъ любовникомъ. И ты будешь первымъ моимъ любовникомъ. Что я говорю! Ты будешь любовникомъ, просто; первымъ и послѣднимъ; единственнымъ.... да: единственнымъ мужчиной въ моей жизни. — Пойми меня: меня зовутъ Стелла-Ортруда Лоредань,, графиня Эльзерингенъ по матери , которая умерла не оставивъ мужскихъ наслѣдниковъ, и баронесса де Спангеймъ по мужу, который владѣлъ, и теперь еще владѣетъ многими землями, въ томъ числѣ родовымъ замкомъ, о которомъ я тебѣ говорила, въ глубинѣ Моравіи, около Брюнна. Тамъ онъ живетъ. Сумасшедшая мысль... Впрочемъ баронъ де Спангеймъ дѣйствительно сумасшедшій. Его бы заперли, если бы не его титулъ и богатство. Такъ, или иначе, онъ живетъ тамъ и никогда оттуда не выѣзжаетъ... Представь себѣ это огромное жилище, въ которомъ зимой можно замерзнуть, одиноко возвышающееся среди лѣсовъ и полей!.. Изъ оконъ открывается видъ на Славковское поле битвы — Славковъ, видишь ли, это Аустерлицъ. Постепенно оно производитъ гипнотизирующее дѣйствіе. Быть можетъ баронъ окончательно потерялъ разсудокъ потому, что онъ слишкомъ много смотрѣлъ.... Дѣло въ томъ, что въ началѣ онъ былъ только чудаковатъ и меланхоличенъ... Онъ и на мнѣ женился только потому, что былъ меланхоличенъ. — Я разсказываю тебѣ это, потому что я должна тебѣ все разсказать и ты долженъ знать обо мнѣ все. — Итакъ, слушай: ты будешь единственнымъ мужчиной въ моей жизни... но въ ней могъ быть еще одинъ... О! я его никогда не видѣла и онъ

умеръ, прежде, чѣмъ мы встрѣтились... Моя мать предназначила меня ему. Его звали Эльзерингенъ, какъ и меня. Это былъ принцъ, и даже, какъ мнѣ разсказывали, Волшебный Принцъ. Мнѣ было пятнадцать лѣтъ. Я авансомъ была влюблена въ него. И вотъ мой женихъ, — всѣ называли его такъ, — оказался замѣшаннымъ въ какую-то грязную исторію, покрылъ себя позоромъ и покончилъ съ собой. — Да. — Я заболѣла. Не столько отъ горя, сколько отъ страха и ужаса. Цѣлый годъ я никого не хотѣла видѣть и не выходила на улицу. Моя мать, впрочемъ, меня одобряла. Она была безпредѣльно романтична, и, когда мой отецъ умеръ, — я его не помню, я еще была ребенкомъ, — она тоже носила экстравагантный трауръ: четыре года! Въ то время мы жили въ Прагѣ. Прага не Парижъ. О смерти Эльзерингена много говорили, а о моей судьбѣ еще больше. Слухи дошли до барона де Спангеймъ, который уже тогда жилъ въ своемъ заброшенномъ замкѣ, но еще иногда покидалъ его. Онъ покинулъ его въ мою честь и прямо явился къ моей матери, у которой, безъ подготовки, попросилъ моей руки. Онъ никогда не видѣлъ меня до того, также, какъ принцъ Эльзерингенъ. Можно было думать, что меня околдовали, и моя свадьба должна была во всѣхъ отношеніяхъ походить на браки королевскихъ дочерей, которые заключались черезъ посредство посланниковъ, причемъ никто не спрашивалъ о ихъ желаніяхъ. Ибо моя мать съ радостью согласилась отъ моего имени. Баронъ де Спангеймъ былъ покоренъ ни съ чѣмъ не сравнимой драматичностью моей судьбы: я казалась ему дѣвушкой-вдовой, — можно ли придумать что нибудь болѣе трогательное? Моя мать опять таки, была очарована романтичнымъ характеромъ всей исторіи. Впрочемъ, если бы кто нибудь спросилъ меня, я бы все равно не посмѣла сказать: нѣтъ. Но меня не спросили... — Чарли! мнѣ было семнадцать лѣтъ, и то не полныхъ, — нехватало двухъ мѣсяцевъ... Я позволила поймать себя и запереть, точно птенецъ,

котораго сажаютъ въ клѣтку прежде, чѣмъ у него выросли крылья. И вотъ, когда по прошествіи одной или двухъ недѣль, точно не помню... я поняла, что я не что иное, какъ такой птенецъ... когда я поняла, какъ обстоитъ дѣло... когда я замѣтила рѣшетки и стѣны моей тюрьмы... когда баронъ де Спангеймъ показалъ мнѣ Славково поле и далъ понять, что это зрѣлище должно наполнять мою жизнь такъ же, какъ оно наполняетъ его... О! Чарли, я почувствовала въ сердцѣ такой страшный холодъ; гораздо болѣе страшный, чѣмъ холодъ, который я ощутила въ тотъ день, когда мнѣ, безъ всякихъ околичностей сообщили, что мой Волшебный Принцъ былъ такимъ низкимъ человѣкомъ, что только самоубійство могло спасти его отъ тюрьмы или каторги...

Наступило долгое молчаніе. Карлъ-Эдуардъ не осмѣливался его прервать. Несмотря на то, что лампы только слабо освѣщали комнату, щеки Стеллы, даже въ самомъ темномъ углу ясно выдѣлялись своей матовой, восковой блѣдностью.

Стелла оперевъ гоолву на руки, пересилила себя и продолжала:

— Теперь ты, которому я готова отдаться, знаешь все. — Ты знаешь все, что я знаю, все, чѣмъ я была. Какъ это просто, Богъ мой, когда объ этомъ думаешь: я была бѣдной, маленькой женщиной, которой было холодно, всю жизнь холодно... такъ холодно, что въ концѣ концовъ, черезъ десять... или двѣнадцать... а можетъ быть восемь — я, право не помню! — лѣтъ подобной супружеской жизни, доктора заявили, что дѣло идетъ о жизни и смерти: покинуть Моравію или умереть. — За эти три года мой мужъ изъ лунатика сталъ сумасшедшимъ. Но не злымъ. Ему объяснили въ чемъ дѣло. Онъ равнодушно подписалъ все, что отъ него потребовали.

Я уѣхала. Гіэръ, Каннъ, Санъ-Ремо. Какъ только мнѣ удалось вырваться, я оказалась совершенно сво-

бодной. Никто не заботился обо мнѣ, ни семья, ни кураторъ мужа. Моя мать умерла вскорѣ послѣ свадьбы. Она по своему любила меня, но даже не могла себѣ представить, чтобы я, баронесса, богатая притомъ, могла быть несчастна. Между тѣмъ я очень горевала, когда она умерла... никто этого даже не замѣтилъ. Точно также никто не замѣтилъ послѣ моего отъѣзда, что меня больше нѣтъ. Два раза въ годъ нотаріусъ пересылаетъ мнѣ опредѣленную сумму денегъ, которую мнѣ должны доставлять... я въ ней, впрочемъ не нуждаюсь: моя мать оставила мнѣ больше, чѣмъ мнѣ нужно. Два раза въ годъ тотъ же нотаріусъ сообщаетъ мнѣ извѣстія о моемъ мужѣ, но никогда не спрашиваетъ обо мнѣ.

Я кончила. Теперь ты все знаешь. — Моя исторія слишкомъ проста для того, чтобы Парижъ ей повѣрилъ, и на мой счетъ распространялись самыя дикія сплетни и фантастическія небылицы. Быть можетъ, ты ихъ слыхалъ. Я увѣрена, что ты имъ не повѣрилъ.

Она снова замолчала, надолго. Онъ также молчалъ. Когда молчаніе стало слишкомъ тяготить ихъ, она заговорила:

— Я — твоя, — лишній разъ подтвердила она, — я твоя, какъ только ты этого захочешь. Я жду твоихъ приказаній. Но слушай... ты знаешь теперь все, ты видишь, — я познала въ жизни только печаль и холодъ, холодъ, отъ котораго чуть было не замерзла моя душа... Мнѣ кажется, я смогу согрѣться рядомъ съ тобой. Неправда-ли, ты не будешь жестокъ ко мнѣ? ты избавишь меня отъ лишнихъ ударовъ?

Онъ порывисто поднялся:

— О, моя любовь, — сказалъ онъ, — о, моя жизнь, о, мой путь и моя цѣль, я люблю тебя! Это не капризъ, это не чувственность, это не внезапное безуміе...

Она тихо произнесла нѣсколько словъ. Онъ ихъ, впрочемъ, не разслышалъ. Между тѣмъ она сказала, что она хотѣла бы такъ быть любимой: изъ внезапнаго

безумія, изъ каприза, изъ чувственности, со всѣми послѣдствіями такой любви. Онъ продолжалъ, не понимая ея:

— Я люблю васъ, потому что вы, это вы: самая чистая, самая благородная, самая возвышенная, — больше всѣхъ страдавшая и имѣющая болѣе остальныхъ право на счастье...

Она прошептала, все еще неразборчиво, что она охотно отказалась бы отъ всякихъ правъ, что она хотѣла бы быть любимой вопреки всему, а не по справедливости. Онъ все еще не слыхалъ ея вздоха:

— Я васъ люблю, — наконецъ сказалъ онъ, — потому что ни одна женщина въ мірѣ недостойна развязать шнурки вашихъ ботинокъ...

На этотъ разъ она осмѣлилась громко высказать свою мысль:

— Увы! Святой Іоаннъ-Баптистъ сказалъ тѣ же слова, говоря о Христѣ... И все-таки, нѣсколько дней спустя, Христа распяли...

X.

А затѣмъ, когда насталъ часъ, они отдались другъ другу. И никогда даръ не былъ такъ прекрасенъ, такъ обоюдно-равенъ, такъ божественъ...

Ибо они, поистинѣ, были цѣломудрены; — болѣе чѣмъ цѣломудрены, потому что ни онъ, ни она еще не любили, потому что они въ тоскѣ и лихорадкѣ ждали другъ друга въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ. Горизонтъ каждаго изъ нихъ исчерпывался взглядомъ другого. И оба знали только одну мечту: принадлежать другъ другу...

Они стали любовниками...

О! это случилось какъ нельзя болѣе просто. Поэтъ-романтикъ не нашелъ бы въ этомъ сліяніи, — ихъ первомъ сліяніи, матеріала для поэмы. Отъ перваго вздоха

до послѣдняго крика, — все прошло гладко. А между тѣмъ, ни онъ, ни она никогда, никогда не могли забыть даже самой незначительной подробности ихъ брачнаго вечера.

Онъ проводилъ ее въ спальню, а самъ вернулся въ салонъ. Стояла холодная погода и радіаторы оказались не въ состояніи нагрѣть комнату. Карлъ-Эдуардъ заблаговременно распорядился затопить каминъ.

Теперь брикеты тлѣли въ немъ, какъ обломки на пожарищѣ. Стелла, оставшись одна въ этой комнатѣ, которой она не знала, такъ какъ всѣ ихъ предыдущія свиданія происходили въ салонѣ краснаго бархата, вначалѣ осталась стоять неподвижно, какъ человѣкъ, который боится. Она должна была справиться со своими нервами, прежде чѣмъ осмѣлилась оглянуться. Комната была почти пуста. На стѣнахъ большіе персидскіе гобелены съ голубыми птицами. Казалось, что онѣ непонятнымъ образомъ запутались между основой и уткомъ. — Ни одного украшенія, если не считать трехъ акварелей Рассанфосса, развѣшенныхъ треугольникомъ противъ стѣннаго зеркала. — А кромѣ того — кровать...

Стелла посмотрѣла на нее долгимъ взглядомъ...

Она все еще не двигалась. Она стояла у порога, такъ близко отъ дверей, что ей достаточно было бы чуть-чуть попятиться для того, чтобы прислониться къ запертымъ створкамъ. Но она не попятилась. Она стояла вытянувшись точно застывъ, вся блѣдная...

Между тѣмъ кровать внушала довѣріе. — Это была очень приличная кровать: блестящая мѣдь, четырехугольныя ножки, бѣлый мѣхъ, поверхъ одѣяла. Единственнымъ украшеніемъ наволочки была корона. Было ясно, что никогда женщина не лежала въ этой кровати: объ этомъ, впрочемъ, говорило все, вплоть до молитвенныхъ ковриковъ, лежавшихъ на полу. Свободная поверхность паркета была навощена.

Стелла внезапно сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, какъ будто бросалась въ воду; она раздѣлась, въ безпорядкѣ бросая все, что снимала съ себя. Затѣмъ быстро открыла постель и забралась въ нее.

Съ увѣренностью можно было сказать, что ея мужъ, полусумасшедшій, въ своемъ замкѣ рода Спангеймъ, около Брюнна, въ теченіи долгихъ лѣтъ совершенно не интересовался своей супругой. Также вѣрно то, что непреодолимая любовь сжигала душу и сердце Стеллы. Никакая сила въ мірѣ не могла бы помѣшать ей въ томъ, что она собиралась сдѣлать. И все же нѣсколько отчаянныхъ движеній, которыя она продѣлала между дверью и кроватью, обозначали жестокое напряженіе мужества, полное отреченіе отъ суммы собственнаго достоинства, стыдливости и чутья, скрытыхъ въ гордомъ женскомъ сердцѣ... Вѣдь всемогущее вожделѣніе еще не охватило этого бѣднаго дрожащаго тѣла, чтобы оно могло подняться надъ столькими, невѣроятными, непреодолимыми препятствіями...

Между тѣмъ въ сосѣднемъ салонѣ, еще болѣе темномъ, чѣмъ комната съ персидскими занавѣсями, Карлъ-Эдуардъ тоже раздѣвался, очень медленно. Онъ также боялся и чувствовалъ смущеніе, какъ и она, хотя это былъ другой страхъ и другое смущеніе. Итакъ, неизбѣжное и смертельное недоразумѣніе между будущимъ любовникомъ и его любовницей все углублялось, даже въ эти минуты. На всемъ Божьемъ свѣтѣ вѣроятно нѣтъ двухъ людей, которые когда либо поняли бы другъ друга. И любовныя парочки, еще больше чѣмъ любые другіе два человѣка, представляютъ собою загадку, Эдипъ которой никогда не будетъ рожденъ. Вотъ почему Карлъ-Эдуардъ,борясь съ душевнымъ мракомъ, и чувствуя, что она борется съ нимъ такъ же, какъ онъ, раздѣвался такъ медленно, что, когда въ сосѣдней комнатѣ прозвучалъ испуганный голосъ: «Приди», онъ еще не успѣлъ надѣть своей пижамы изъ чернаго шелка.

Все же онъ однимъ скачкомъ оказался около нея...

Тогда въ послѣдовавшей томительной тишинѣ, дрожащій голосъ произнесъ:

— Нѣтъ еще! нужно подождать... подождать, чтобы пришло желаніе...

Потомъ, позже, послышался второй крикъ, точно вырвавшійся изъ сдавленнаго горла:

— О! Это... это!... я никогда этого не испытывала...

КНИГА ВТОРАЯ.

ОЩУЩЕНІЯ.

Въ любви нѣтъ ни сунита, ни шіита, ни идолопоклонника, ни правовѣрнаго. И девять заповѣдей всего лишь девять жалкихъ лучинокъ, которыя отъ прикосновенія факела Амура, превращаются въ девять маленькихъ кучекъ пепла. . .

РЕДЪЯРДЪ КИПЛИНГЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Ощущенія.

I.

Въ этотъ день,—это былъ второй вторникъ мая мѣсяца 1921 года, — у герцогини д'Антэнъ въ ея историческомъ особнякѣ на улицѣ Сэнъ-Доминикъ, отъ пяти до восьми происходилъ пріемъ. Онъ былъ назначенъ въ честь королевы Норы Гогенштауфенской, еще недавно потомственной владѣтельницы Лузаціи, Богеміи и Моравіи. Знаменіе времени: королева была лишена трона, а герцогиня разошлась съ герцогомъ, — разошлась окончательно, физически и матеріально; немедленно по полученіи согласія римской куріи, долженъ былъ быть объявленъ разводъ.

Нужно, впрочемъ, констатировать, что обѣ благородныхъ дамы имѣли право на популярность. Королева Нора, которой было только немного за тридцать лѣтъ, и которая была очень хороша собой, прибыла въ Парижъ въ ореолѣ героини. Что же касается герцогини, то она въ одинъ прекрасный день попросила своего мужа уйти изъ дому и... больше не возвращаться. Дѣло въ томъ, что ея мужъ, вообще не страдавшій отъ избытка такта, слишкомъ подчеркивалъ свои вкусы: офиціально онъ былъ археологомъ, — то есть свѣтскимъ господиномъ, увлекавшимся археологіей, — и слишомъ откровенно проявилъ свой интересъ къ ультра-современнымъ фигурамъ, которыя въ Ганноверской улицѣ называются саксонскими статуэтками... Герцогиня д'Антэнъ не принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя всегда,

всегда и всегда правы. Иногда она даже была неправа.. Недоброжелатели ставили ея имя въ связь съ именемъ миссъ Брайанъ. Многое, оставшееся недоказаннымъ, звучало весьма правдоподобно. Но герцогъ черезчуръ цѣнилъ саксонскія статуэтки. Къ тому же онъ былъ бѣденъ, — нищій, — пролетарій: все имущество принадлежало герцогинѣ. Поэтому свѣтъ презиралъ одного и одобрялъ другого. Дошло до того, что въ этотъ день, въ серединѣ мая 1921 года, герцогиня д'Антэнъ одна принимала въ своемъ историческомъ особнякѣ на улицѣ Сэнъ-Доминика королеву Нору Гогенштауфенскую, когда-то повелительницу Лузаціи, Богеміи и Моравіи.

Королева обладала кожей молочной бѣлизны и самыми красивыми зелеными глазами въ мірѣ. Въ свои тридцать лѣтъ съ хвостикомъ она была представительной и соблазнительной женщиной. Для ея характеристики достаточно сказать, что Нора Гогенштауфенская, королева съ ногъ до головы, приняла свое внезапное «банкротство», какъ любая француженка приняла бы разореніе своего мужа, и, не подымая лишняго шума, зажила жизнью обыкновенной женщины. — совершенно такъ же, какъ Карлъ-Эдуардъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ начавшій жизнь человѣка — просто.

Онъ, понятно, тоже былъ на пріемѣ, какъ, само собой разумѣется, была и баронесса де Спангеймъ и еще триста знаменитостей, мужчинъ и женщинъ, и среди нихъ подруга герцогини миссъ Брайанъ.

Карлъ-Эдуардъ и Стелла уже шесть мѣсяцевъ были любовниками. И какъ они ни старались скрыть свои отношенія, — она, побуждаемая стыдливостью, онъ — чувствомъ порядочности... оба вмѣстѣ чувствомъ собственнаго достоинства, — ихъ связь стала извѣстной. Никакого скандала не произошло, но всѣ знали, что мадамъ де Спангеймъ и мсье де Тюрзе «были друзьями»... Отсюда слѣдствіе: Карлъ-Эдуардъ и Стелла, встрѣтившись на пріемѣ у герцогини д'Антэнъ подъ перекрест-

нымъ огнемъ взглядовъ, могли обмѣняться только нѣсколькими ничего не значущими фразами. Это не избавило ихъ отъ злыхъ замѣчаній: два счастливыхъ любовника вызываютъ ненависть, какъ геній критику. Вдобавокъ, что самое худшее, — и всѣ это знали, — наши любовники ни въ комъ не нуждались, презирали завистниковъ и погруженные въ свое безмѣрное счастье, не заботились ни о комъ и ни о чемъ, кромѣ своей любви. Но свѣтъ никогда не прощаетъ тѣмъ, кто пытается обойтись безъ него. А они это дѣлали.

Двѣ женщины только что обмѣнялись рѣзкими замѣчаніями по этому поводу; — двѣ женщины, которыхъ герцогиня не любила и почти не знала, хотя она и сочла себя обязанной пригласить ихъ, потому что объ этомъ просили вліятельныя особы. Одна изъ нихъ Фредерика Фэрмундъ, шведка и, какъ говорили, графиня, хотя никто не зналъ графа Фэрмундъ; вторая мадамъ де-Жарнакъ, еврейка, которую ея многочисленные друзья называли Симоной и прозвали Зибелиной. За нѣсколько мѣсяцевъ до войны она при очень странныхъ обстоятельствахъ вышла замужъ за нѣкоего мсье де Жарнака, впослѣдствіи павшаго на войнѣ. Обѣ дамы — Фредерика Фэрмундъ и Симона де Жарнакъ, были очень красивы, красивы болѣе чѣмъ вызывающей — агрессивной красотой... Одна, — еврейка, — жгучая брюнетка; вторая—уроженка Скандинавіи, блондинка; одна свѣтлая, какъ ленъ, вторая смуглая, какъ топазъ. Ихъ вкусы расходились почти такъ же радикально, какъ цвѣтъ ихъ волосъ: графиня Фэрмундъ имѣла много, очень много друзей и не скрывала этого. Симона Зибелинъ, наоборотъ, имѣла только подругъ, — и хвасталась этимъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ гордости.

Поговаривали, что Екатерина Брайанъ принадлежала къ ихъ числу. Мадамъ д'Антэнъ, по всей вѣроятности, не знала этого, — или... притворялась, что не знаетъ . . .

Въ данный моментъ Фредерика Фэрмундъ и Симона де Жарнакъ бесѣдовали вполголоса, стоя въ нишѣ окна. Герцогиня старалась размѣстить гостей по пути слѣдованія королевы черезъ три, расположенные одинъ за другимъ, салона. Герцогиня д'Антэнъ добрая патріотка, считала вопросомъ чести доказать, что во Франціи еще есть воспитанные люди, которые умѣютъ достойно встрѣтить и принять королеву, особенно развѣнчанную.

Гости наскоро занимали мѣста: было почти пять часовъ, а королева, какъ передавали, очень точна.

Мадамъ Фэрмундъ, вытаращивъ свои голубые глаза, которымъ она умѣла придавать трогательно-наивное выраженіе, воскликнула:

— Право, моя дорогая, говорите, что хотите... я не могу понять, какъ этотъ Тюрзе, человѣкъ хорошаго происхожденія, принцъ, если я не ошибаюсь, могъ воспылать страстью къ Спангеймъ, — женщинѣ, возраста которой никто не знаетъ. Ибо она стара, поглядите только!.. И потомъ, развѣ это настоящая красота? Да, что я говорю! Развѣ она вообще красива? — Симонъ, дорогая, увѣряю васъ: я этого никогда не пойму — Онъ могъ выбирать, не отрицайте! Онъ красивъ, своеобразной, но подлинной красотой. Лучшее доказательство: многимъ женщинамъ одна мысль о физической близости съ нимъ доставляетъ наслажденіе. — Представьте себя съ нимъ, вообразите, что ваши руки обвиваются вокругъ этого гибкаго и мускулистаго тѣла; ваши ногти впиваются въ его гладкую кожу и ваши ноги . . .

Мадамъ де Жарнакъ внимала словамъ шведки и ноздри ея раздувались, точно улавливая далекій, но чарующій запахъ. Потомъ она улыбнулась и тряхнула головкой очаровательнымъ, мальчишескимъ движеніемъ, движеніемъ, изученнымъ съ такой тщательностью, что старые судьи, отправившіе не одного преступника на гильотину, каждый разъ, чувствовали, какъ у нихъ слезы умиленія навертываются на глазахъ. — Это движе-

ніе открывало ея лобъ, ровный и гладкій, какъ удачная ложь. Затѣмъ она заговорила, и ея рѣчь прозвучала какъ щебетаніе, полу-малиновка, полу-змѣя:

— Фредда, моя Фредда! моя бѣлая и золотая дѣвочка! берегись! Васъ съѣдятъ божьи коровки, если вы будете такъ наивны... Неужели вы его принимаете всерьезъ, этого Тюрзе? «Принцъ, если вы не ошибаетесь»?—Я бы сказала авантюристъ или растакуэръ- Но такъ, или иначе, онъ мужчина, то есть самое отвратительное, что только есть на свѣтѣ. И вы говорите о «физической близости», съ подобнымъ существомъ! Фи, фи! Увѣряю васъ, эта Спангеймъ, стара ли она, или нѣтъ (я никогда на нее не смотрѣла), все же слишкомъ лакомый кусочекъ для такого Тюрзе, даже если онъ приличный человѣкъ... А онъ просто бродяга, я готова поклясться въ этомъ!.. О! Можете пожимать плечами сколько вамъ угодно...

— Ахъ! — стремительно перебила ее Фэрмундъ: — перестаньте говорить: вотъ королева...

Въ самомъ дѣлѣ: королева Нора Гогенштауфенская входила, почтительно предшествуемая герцогиней.

Послѣдовали безчисленные реверансы, одинъ нескладнѣе другого; затѣмъ начались безчисленныя представленія. Ея величество, со свойственной всѣмъ подлиннымъ правителямъ памятью, узнавала всѣхъ, кто уже разъ имѣлъ честь, быть ей представленнымъ. Иныя лица вызывали въ памяти королевы рой милыхъ воспоминаній, дорогихъ сердцу развѣнчанной властительницы. Тогда она не скрывала своего волненія и заражала имъ собесѣдника. И когда она увидѣла баронессу де Спангеймъ, дѣло чуть не дошло до слезъ:

— Боже! — вскричала королева, — кого я вижу! Баронесса! Вы ли это? Думали ли вы, принимая меня въ своемъ замкѣ, въ Спангеймѣ, при какихъ обстоятельствахъ намъ снова придется встрѣтиться? Вашъ старый замокъ, онъ еще не обрушился? А большая лужайка

у сѣверной стѣны, она, вѣроятно, попрежнему усѣяна фіалками?

— Все по-старому, мадамъ, — отвѣтила Стелла, — и ваше величество слишкомъ добры, что помните обо всемъ.

Королева сердечно смотрѣла на мадамъ де Спангеймъ. Внезапно, въ ту минуту, когда она собиралась продолжать свое шествіе, она остановилась, точно пораженная внезапной мыслью:

— Мнѣ пришло въ голову, — сказала она съ таинственнымъ страхомъ, — какъ вы молоды, баронесса! Насколько вы моложе меня!.. А между тѣмъ...

Мадамъ де Спангеймъ непринужденно засмѣялась, прежде чѣмъ отвѣтить:

— О! Мадамъ!.. Вашему Величеству было немного больше десяти лѣтъ, когда баронъ представилъ меня ко двору!..

Но королева продолжала пристально смотрѣть на нее:

— Да, — прошептала она, точно говоря сама съ собой, — это такъ... И все же, настолько моложе меня!.. Это дѣлаетъ тихая радость, которая струится изъ ея глазъ!.. Ахъ! какъ я хотѣла бы, чтобы вы еще долго были такъ счастливы, какъ сегодня-.. Но, нѣтъ, что я дѣлаю: мои пожеланія приносятъ несчастье...

Вокругъ раздавался осторожный шопотъ. — Ни съ кѣмъ королева не бесѣдовала такъ долго и такъ ласково! — Въ оконной нишѣ дамы Фэрмундъ и де Жарнакъ поглядѣли другъ на друга съ притворнымъ недоумѣніемъ. Но онѣ еще не выпили всей предназначенной имъ чаши.

Въ глубинѣ второго салона королева внезапно замѣтила Карла-Эдуарда. Несмотря на то, что онъ издали очень церемонно отвѣсилъ свой поклонъ, королева, не колеблясь, остановилась и протянула ему обѣ руки. Къ чорту инкогнито:

— Чарли! — воскликнула она, — Чарли! О! какъ я рада!.. Герцогиня, я вамъ обязана этой пріятной не-

ожиданностью. Вы, навѣрное, не знаете, что мы когда-то вмѣстѣ играли въ прятки, когда намъ было лѣтъ по семи... Да, да! въ Богеміи и въ Парижѣ! О! Чарли, я такъ завидовала, когда ты катался верхомъ въ Буа съ милымъ герцогомъ Л'Иль Родъ! Мнѣ это было запрещено: «Принцессы не должны выставляться на показъ...» Согласись, что принцевъ мучаютъ меньше! Такъ, во время войны, ты могъ драться!

Онъ отвѣтилъ довольно сухо:

— Всѣ могли драться: во Франціи есть Иностранный легіонъ!..

— Но ты былъ раненъ, дважды раненъ! Нѣтъ, даже трижды!

— Царапины.

— О, лицемѣръ!.. Герцогиня, онъ только чудомъ остался живъ. Въ 1917 году, когда его, послѣ майскаго наступленія, эвакуировали въ Компьенъ, онъ былъ такъ плохъ, что плотникъ снялъ съ него мѣрку. Не отрицай! въ то время я имѣла собственную полицію...

Онъ невольно засмѣялся:

— Помолчи о своей полиціи! Многаго-ли она стоила?

Она тоже засмѣялась:

— Негодный! Ты намекаешь на то, что революціонеры меня свергли? Почемъ ты знаешь, быть можетъ, у насъ все было заранѣе сговорено? — Ладно! обними меня, кузенъ, и до скораго свиданія...

Само собой разумѣется, что всѣ кто могъ, постарался не проронить ни слова изъ бесѣды Карла-Эдуарда съ королевой. Приблизиться къ одному изъ великихъ міра сего — одна изъ самыхъ безобидныхъ распространенныхъ людскихъ слабостей. — Я знавалъ одного матроса, славнаго и честнаго парня, который внезапно изъ яраго революціонера сдѣлался легитимистомъ: одна изъ дочерей Луи-Филиппа, очаровательная старушка, но до того глухая, что она не слышала пушечныхъ салютовъ въ ея честь, подарила ему позолоченные часы за то, что онъ

спѣлъ ей самую лучшую пѣсню, какую зналъ — Интернаціоналъ...

Легко себѣ представить чувства злобы и негодованія, душившія мадамъ Фэрмундъ и мадамъ де Жарнакъ, все еще стоявшихъ въ нишѣ окна. Онѣ даже не удостоились чести быть представленными королевѣ, а съ баронессой де Спангеймъ она такъ долго бесѣдовала, въ то время какъ этого де-Тюрзе она называла своимъ кузеномъ и говорила ему «ты». Это былъ жестокій ударъ, и обѣ подруги чувствовали себя, какъ если бы онѣ получили нокъ-аутъ. Но знаніе свѣта и увѣренность, что рано или поздно имъ удастся отомстить, дали имъ силы смотрѣть и слушать дальше.

Между тѣмъ королева, все еще предшествуемая герцогиней д'Антэнъ, перешла изъ второго салона въ третій. Этотъ салонъ непосредственно примыкалъ къ большому саду. Два съ половиной вѣка тому назадъ Ленотръ рисовалъ его, и съ тѣхъ поръ садъ не измѣнился. Это было зрѣлище, достойное царской особы. Дверь салона, паркетъ котораго находился на уровнѣ земли, въ садъ, была открыта, и, такъ какъ клумбы гіацинтовъ стояли въ полномъ цвѣту, герцогиня рѣшила накрыть тамъ столы. Было очень тепло; первые годы послѣ войны не имѣли лѣта, но зато въ апрѣлѣ и маѣ выдавались жаркіе, солнечные дни.

Лакеи въ ливреѣ д'Антэнъ уже открывали двери. Королева, не задумываясь, направилась въ садъ. Случайно одна изъ приглашенныхъ, опоздавшая къ началу пріема, и не желавшая нарушить церемонію, прошла прямо въ садъ, разсчитывая, что въ концѣ концовъ всѣ соберутся у тюльпановъ. Внезапно она оказалась лицомъ къ лицу съ королевой. Герцогиня, захваченная врасплохъ, заколебалась. Опаздавшая гостя, иностранка знатнаго происхожденія, не колеблясь, присѣла въ ре-

верансѣ. Всѣ видѣли это, начиная отъ Зибелины и кончая баронессой де Спангеймъ и Тюрзе.

Герцогиня, наконецъ, рѣшилась назвать запоздавшую:

— Позвольте, Ваше Высочество, представить вамъ принцессу Вогера, наиболѣе парижскую изъ всѣхъ венеціанокъ!

Прицесса Вогера была болѣе чѣмъ красива: она была ослѣпительна. Она была такъ хороша, что до сихъ поръ никому не приходило въ голову наградить ее какимъ нибудь эпитетомъ физическаго порядка. Никто не спрашивалъ себя, былъ ли ея ротъ малъ или великъ, имѣла ли она черные или свѣтлые, тонкіе или тяжелые волосы, какую форму имѣлъ ея носъ и какого цвѣта были ея глаза. Каждый, увидѣвъ ее, прежде всего замѣчалъ, что ея ротъ, съ опущенными уголками губъ скрывалъ горечь и иронію; что продолговатый разрѣзъ ея глазъ скрывалъ неуловимую мечту; что ея нѣжный носикъ обнаруживалъ скрытное любопытство, и, что темная масса ея волосъ указывала на трагическую гордость. Принцесса Вогера была революціонеркой и отрицала всѣ устои власти... или считала себя такой, вполнѣ, впрочемъ, искренне...

Отвѣсивъ реверансъ королевѣ, принцесса Вогера, которую ея интимные друзья называли Фіамма, поднялась. Заходящее солнце освѣтило ея лицо. Столѣтнія деревья и газонъ сада въ стилѣ Людовика XIV образовали вокругъ нея рамку, которой позавидовалъ бы Гэнсборо...

Всѣ увидѣли эту картину, всѣ, начиная отъ мадамъ Фэрмундъ, и кончая мадамъ де Спангеймъ... въ томъ числѣ Карлъ-Эдуардъ.

II.

Стелла прошептала, очень нѣжно, очень ласково:

— Только не примите этого за упрекъ... Я бы предпочла тысячу разъ умереть!.. Но...

— Но?..
— Но я больше вамъ не довѣряю.

Это было въ первыхъ числахъ іюня 1921 года. Стелла познала семь мѣсяцевъ безпредѣльнаго счастья въ объятіяхъ Карла-Эдуарда. Счастье близилось къ концу, она чувствовала это, хуже того, она была увѣрена... Но до сихъ поръ она не осмѣливалась заговорить объ этомъ. Лишь чрезвычайное потрясеніе, испытанное ею въ минуты наслажденія. въ этой постели, гдѣ она лежала въ объятіяхъ Карла-Эдуарда, смогло, значительно позже заставить ее произнести эти опасныя слова:

— Я вамъ больше не довѣряю...

Онъ былъ еще молодъ, очень молодъ. Онъ дремалъ. Онъ внезапно очнулся, стряхнулъ съ себя сонъ:

— Почему?.. — вскричалъ онъ, — почему ты это говоришь? Это ужасно! Ты не смѣешь...

И она, любя и страдая, отвѣтила совсѣмъ тихо:

— Прости! прости меня!.. Я не должна была говорить этого такъ, внезапно; я — безсердечная эгоистка... Но я сказала это потому, что это правда! а также потому, что я слишкомъ страдаю!.. Если бы ты зналъ, какъ это больно...

Она колебалась долгую, безконечную минуту, — минуту изъ шестидесяти томительныхъ секундъ, — прежде чѣмъ пойти до конца и осмѣлиться повторить:

— Такъ больно больше не довѣрять... больше не довѣрять тебѣ...

Его плечи дрожали. Это «ты» усиливало горечь ея рѣчей. Но онъ молчалъ, не находя словъ, которыя могли бы ее успокоить, и, все-таки не были бы ложью. Тогда она продолжала:

— Пойми: я построила всю свою жизнь на твоей любви... И вдругъ я почувствовала, что я ее теряю... Теперь я не знаю, къ чему мнѣ прилѣпиться для того, чтобы не умереть... Но, ради Бога, не прими моихъ словъ за

упрекъ! Ты не виноватъ въ томъ, что не любишь меня больше... Не любишь меня больше...

Отвѣтъ напрашивался самъ собой, быстрый отвѣтъ безъ раздумья:

— Я тебя не люблю? Но ты сошла съ ума! Я тебя люблю!

Такъ долженъ былъ звучать отвѣтъ. Но Карль-Эдуардъ не могъ произнести этихъ словъ. Онъ съ большимъ трудомъ выдавилъ изъ себя, какъ будто это было главное:

— Только что ты мнѣ сказала «вы»?.. Почему?

— Я не знаю, — просто отвѣтила она.

Затѣмъ она вернулась къ недосказанной мысли:

— Нѣтъ, ты не виноватъ, что больше меня не любишь... Болѣе того, я увѣрена, я слишкомъ увѣрена, что и ты также страдаешь...

Все это было правдой. Ужасной правдой.

Онъ любилъ ее. Теперь онъ больше ея не любилъ.— Почему? Какъ это случилось? Неразрѣшимая загадка.— Когда это случилось? Это онъ зналъ... Мѣсяцъ тому назадъ, вечеромъ, послѣ пріема у мадамъ де Рожере, Стелла и Карлъ-Эдуардъ поѣхали обѣдать въ Версаль.

Они остались тамъ ночевать, записавшись подъ двумя вымышленными именами. Поздно ночью Карлъ-Эдуардъ по пустыннымъ корридорамъ прошелъ къ своей любовницѣ. Черезъ шесть часовъ онъ вернулся въ свою комнату. Но онъ больше не ложился. Наскоро принявъ ванну, онъ сошелъ въ паркъ и долго бродилъ по аллеямъ. Обычно Карлъ-Эдуардъ живо ощущалъ прелесть деревенской природы: его предки передали ему свою любовь къ суровымъ лохамъ и гленамъ Шотландіи. Но въ это утро онъ ходилъ какъ слѣпой, уйдя въ самого себя. Онъ еще не позналъ крушенія чувствъ, уже подтачивавшаго его. Но онъ вынужденъ былъ признать, что недѣлю тому назадъ, послѣ такой-же ночи въ Сэнъ-Жерменѣ, его сердце билось сильнѣе и грудь дышала ши-

ре, когда онъ прогуливался подъ могучими каштанами, окаймляющими террасу. Сегодня солнце ярко сіяло въ безоблачномъ небѣ, и, все же, утро казалось ему хмурымъ, туманнымъ, дождливымъ... Въ тотъ день все началось... начался конецъ...

Итакъ, все кончилось. При одной мысли объ этомъ, рыданія сжали его грудь. И тогда, но только тогда, онъ попытался вступить въ борьбу съ очевидностью, которая такъ удручающе подѣйствовала на него: — онъ больше не любилъ ея? Что за нелѣпость? если бы онъ ея не любилъ, развѣ онъ почувствовалъ бы, при одной мысли о проведенныхъ вмѣстѣ часахъ, этотъ мучительный стыдъ, раздиравшій его тѣло и душу? — Онъ еще любилъ Стеллу, онъ обожалъ ее! — Но почему же слова любви сразу не отвѣтили на ея жалобы? — Вѣдь въ его мозгу въ ту же минуту сложились единственныя слова, которыя могли бы смягчить, быть можетъ, даже успокоить терзанія его любовницы. Но онъ не смогъ произнести этихъ словъ. Они прилипли къ небу, застыли тамъ, какъ ложь на устахъ правдиваго человѣка. Карлъ-Эдуардъ физически не былъ въ состояніи ихъ произнести.

Внезапно, пока онъ еще размышлялъ, новая мысль, подобно вспышкѣ молніи прорѣзала его мозгъ... Въ чемъ же дѣло?.. Любитъ ли онъ другую? — Нѣтъ! — Онъ мысленно прокричалъ это «нѣтъ!»

И потомъ, развѣ онъ, лишь наканунѣ того дня, когда онъ сталъ любовникомъ Стеллы, бывшій, — хотя всего часъ, — любовникомъ дѣвки, встрѣченной имъ на улицѣ, замѣченной при свѣтѣ фонаря... онъ, желанія котораго вспыхивали такъ легко; онъ, который не умѣлъ бороться со своими вожделѣніями; измѣнилъ ли онъ хоть разъ Стеллѣ? — Нѣтъ! — Никогда!

Значитъ? значитъ? — Развѣ это не было доказа-

тельствомъ? достаточнымъ доказательствомъ? — Не было ли все остальное безумiемъ, фантасмагорiей?

Онъ вскочилъ, гибкiй, какъ ягуаръ. Онъ схватилъ ее и сжалъ такъ, что она не могла сопротивляться. Положивъ ей одну руку на грудь, обхвативъ второй выпуклый животъ и круглое бедро, онъ нагнулся къ ней и заставилъ мятежный ротъ прокричать низкимъ, идущимъ изъ глубины горла, голосомъ:

— Это не правда! Ты ошибаешься! Клянусь тебѣ моей жизнью, тобой, твоей нѣжностью и сладострастiемъ, что ты ошибаешься! и что я не люблю ни одной другой женщины! и что я никогда, ни одной секунды не думалъ ни о комъ, кромѣ тебя...

Онъ не сказалъ одного, — единственнаго, что имѣло бы значенiе: «Клянусь тебѣ, что я тебя люблю...»

Она прекрасно замѣтила это. И она продолжала страдать, такъ же, какъ и до его словъ...

Но ей былъ нуженъ хотя бы предлогъ, чтобы вновь обрѣсти довѣрiе къ нему...

Она попыталась повѣрить, умолкла, отвѣтила на его поцѣлуй, отвѣтила на его объятiя...

III.

Тѣмъ временемъ между Фредерикой Фэрмундъ, шведкой, и Симоной де Жарнакъ, еврейкой, по прозвищу Зибелинъ, однажды вечеромъ установились таинственныя отношенiя того рода, которыя иностранный моралистъ охотно называетъ специфически парижскимъ. Въ дѣйствительности въ Парижѣ французскiя дамы въ этихъ бракахъ безъ мужчинъ составляютъ ничтожное меньшинство, въ то время какъ Лондонъ, Нью-Iоркъ и Берлинъ ишатъ такими парами.

Нужно сказать, что между бѣлокурой Фредерикой и темноволосой Симоной, упомянутыя отношенія установились не сразу. Симона, правда, съ перваго же дня почувствовала сильное и опредѣленное влеченіе къ Фредерикѣ. Но Фредерика, сохранившая устарѣлые, хотя и естественные взгляды на половыя проблемы, страшно возмутилась, когда Симона попыталась завладѣть ея рукой, а затѣмъ и еще кое-чѣмъ. Но постепенно мода побѣдила традицію, и Симонѣ удалось убѣдить Фредерику, что любовникъ вовсе не долженъ обязательно носить штаны... развѣ что въ пижамѣ...

Лишь изрѣдка писатели осмѣливались писать о связи женщины съ женщиной. Изъ писателей, достойныхъ упоминанія, я знаю только Луій и Колеттъ. Я не стану повторять то, что они уже сказали. — Отмѣчу только, что любовь женщины къ женщинѣ, такъ же ревнива, подозрительна, преисполнена опасеній, жестокости, бѣшенства и предательства, какъ и всякая другая любовь. Чета Фэрмундъ — Жарнакъ вскорѣ узнала взволнованные часы. Къ тому же обѣ партнерши имѣли основанія не довѣрять другъ другу. Фредерика, хотя и подчинилась иниціативѣ очаровательной Симоны въ забавахъ любви, вовсе не собиралась окончательно отрѣшиться отъ своего пристрастія къ тому полу, который Симона ненавидѣла. Результатъ: страстные упреки, вызывавшіе не менѣе страстные отвѣты, тѣмъ болѣе, что и Симона не могла похвастаться особой вѣрностью: любая соблазнительная женщина вызывала въ ней вожделѣніе. И вотъ Фредерика, ревнивая до того, что она казалась анахронизмомъ, охотно выцарапала бы глаза всѣмъ своимъ соперницамъ, а, заодно, и своей вѣтреной подругѣ.

— Чѣмъ это тебѣ мѣшаетъ? — осмѣлилась спросить ее Симона: — вѣдь ты меня можешь найти всегда, когда хочешь.

— Это мнѣ мѣшаетъ! — отвѣтила Фредерика, поблѣднѣвъ отъ гнѣва; — и имѣй въ виду: если я тебя за-

стану съ другой, я васъ обѣихъ оболью купороснымъ масломъ!

— Серьезно? — спросила Симона, облизываясь при одной мысли: — ладно! но если я тебя когда нибудь застану съ мужчиной, — все равно съ кѣмъ, — хотя бы съ твоимъ мужемъ, если бы онъ воскресъ, — я даже не дамъ себѣ труда ударить тебя.. но я велю его убить! просто убить! — Итакъ, замѣть себѣ: я тебѣ клянусь, что велю убить перваго противнаго самца, который осмѣлится дотронуться до тебя, и этимъ вызоветъ во мнѣ отвращеніе къ тебѣ, которую я обожаю!

— Ты велишь убить! Это я бы хотѣла посмотрѣть! Времена браво и профессіональныхъ отравительницъ прошли.

— Да. Но не времена дураковъ. И я найду кого нибудь, кто бросится на «низкаго клеветника», или «подлаго негодяя», на котораго укажетъ вотъ этотъ маленькій палецъ, послѣ того, какъ я сперва поплачу, а затѣмъ сострою глазки...

— Вотъ этотъ маленькій палецъ...

Фредерика сперва укусила, затѣмъ поцѣловала «этотъ маленькій палецъ», и ссора кончилась жаркими объятіями.

И все-таки Симона уже черезъ нѣсколько дней замѣтила, что Фредерика, встрѣчая Карла-Эдуарда, очень ласково ему улыбается. Это ее привело въ бѣшенство.

— О! этотъ Тюрзе, — шипѣла она.

Со дня пріема у герцогини д'Антэнъ она не осмѣливалась называть Карла-Эдуарда авантюристомъ и растакуэромъ. Но ея презрѣніе превратилось въ антипатію, а антипатія въ ненависть. Ненависть мадамъ де Жарнакъ не оставалась безплодной. Симона сразу ставила вопросъ въ плоскость: что я ему сдѣлаю?

Карлъ-Эдуардъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ можно было «велѣть убить». Кромѣ того, она

пока еще не хотѣла доводить до этого. Но ея рѣшеніе «сдѣлать ему что нибудь» было непоколебимо. Она недолго напрягала свое воображеніе. Женщины, типа Жарнакъ и Фэрмундъ, обладаютъ привычкой часто писать. но не всегда подписывать. Итакъ, Симона написала, но не подписала. Она написала даже дважды...

Ибо первое ея письмо по адресу господина графа де Тюрзе, полное клеветы на Стеллу де Спангеймъ, не смогло нарушить душевнаго равновѣсія Карла-Эдуарда. Зато второе письмо, адресованное баронессѣ де Спангеймъ, рикошетомъ достигло цѣли: Симона Зибелинъ сообщила Стеллѣ съ десятью тысячами ложныхъ, но правдоподобныхъ подробностей, что весь Парижъ говоритъ о новомъ романѣ между графиней Фэрмундъ и графомъ де Тюрзе.

Это еще было бы съ полбѣды, если бы Симона не вздумала разсказать Фредерикѣ о своей стратегіи, и не предостерегла ее:

— Видишь? — съ ироніей кончила она: — я ему усладила жизнь, этому ловеласу, котораго ты отличила!

Шведка съ неменьшей ироніей пожала плечами:

— Ты глупа, какъ пробка! Усладила жизнь Тюрзе? Да, вѣдь, онъ и не прочелъ твоихъ писемъ! Впрочемъ, какое мнѣ-то до всего этого дѣло?

— Тебѣ?—съ невиннымъ видомъ удивилась мадамъ де Жарнакъ. — Тебѣ? Конечно никакого! Но ты очень ошибаешься, или хочешь обмануть меня: Тюрзе очень внимательно прочтетъ мои письма, да и Спангеймъ тоже... Да, моя дѣвочка: онъ любитъ эту женщину, а она его обожаетъ. Задѣвъ ее, я ранила его. — Онъ ее любитъ! Онъ ее любитъ! — Фредерика, задѣтая за живо, начала злиться: — онъ ее любитъ... это ясно!

Послѣ чего она, оставшись одна, тоже написала письмо и тоже забыла подписать его. Въ письмѣ этомъ, адресованномъ опять таки Стеллѣ, она мрачнымъ тономъ

предлагала послѣдней вочію убѣдиться, какъ въ такой-то день, въ такомъ-то часу и въ такомъ-то мѣстѣ, графъ де Тюрзе будетъ расточать любезности графинѣ Фэрмундъ. (Если женщина хочетъ, чтобы мужчина расточалъ ей любезности въ такомъ-то мѣстѣ, такомъ-то часу и такой-то день, ей достаточно самой явиться туда; она, конечно, должна быть увѣрена, что найдетъ тамъ этого мужчину. А мадамъ Фэрмундъ была увѣрена, что и Тюрзе и Стелла де Спангеймъ будутъ присутствовать на открытіи музея геральдики, на которомъ долженъ былъ предсѣдательствовать Л'Иль Родъ).

Двѣ стрѣлы въ одно сердце! это черезчуръ. Когда Карлъ-Эдуардъ прочелъ, что Стелла ему измѣняетъ, онъ расхохотался. Во-первыхъ, онъ былъ увѣренъ, что она его любитъ, а во-вторыхъ... онъ больше не любилъ ея. По крайней мѣрѣ въ чувственномъ значеніи этого слова. Но Стелла, получивъ подрядъ два письма отъ разныхъ лицъ, причемъ оба извѣщали ее, что ея любовникъ, переставшій ее любить, любитъ другую, почувствовала въ себѣ щемящую, смертельную пустоту. Ея гордость запрещала ей пойти въ указанное мѣсто. Двѣнадцать дней она переживала муки души, ввергнутой въ чистилище; сотни разъ клялась, что она не пойдетъ. На тринадцатый день она все же пошла, и видѣла, какъ Карлъ-Эдуардъ цѣловалъ слишкомъ длинную и слишкомъ узкую, но очень красивую руку Фредерики Фэрмундъ. Гордость и стыдъ не позволяли ей просить объясненій. Но черезъ восемь часовъ ея врачъ, къ своему большому изумленію, обнаружилъ у нея лихорадку и быструю убыль въ вѣсѣ, которыхъ совершенно нельзя было предвидѣть. Ибо мадамъ де Спангеймъ, съ виду такая хрупкая, обладала желѣзнымъ здоровьемъ.

Тогда Карлъ-Эдуардъ испугался. Стелла больна?— Больна безъ видимой причины? Она, перенесшая всѣ тяготы войны, внезапно заболѣла въ условіяхъ покоя и

отдыха? — За этимъ была какая-то тайна... скрытое страданіе... Но отчего Стелла могла страдать, какъ не отъ сознанія, что онъ все больше и больше удаляется отъ нея? Ясно: онъ, Карлъ-Эдуардъ, былъ виноватъ. Онъ одинъ.

Онъ уже раньше страдалъ, но теперь его страданія еще усилились. Ему было больно, невыносимо больно отъ сознанія, что по его винѣ женщина, которую онъ такъ любилъ, — и которую онъ и по-сейчасъ любитъ всѣмъ сердцемъ! — такъ страдаетъ, что заболѣла. — Увы! любовь — это прежде всего и главнымъ образомъ страданіе... И Карлъ-Эдуардъ зналъ это...

Но онъ не зналъ, что двѣ женщины, олицетвореніе порока и грѣха, бросили въ него первый камень. Все же, когда недѣлю спустя Фредерика Фэрмундъ написала ему, прося о свиданіи, онъ, — смутный инстинктъ побудилъ его, — даже не отвѣтилъ. — Впрочемъ, когда еще недѣлю спустя на его пути встала, даже не любовь, просто нѣжность, онъ забылъ Стеллу и воспользовался случаемъ.

IV.

Въ глазахъ свѣта, это, конечно, не имѣло никакого значенія. — Графъ Тюрзе случайно подобралъ въ барѣ маленькую кокоточку... Что изъ того?.. Дѣвица восемьнадцати лѣтъ и двадцати пяти луи!.. Она, или ничего... не все ли равно.

Что еще можно было сказать о малюткѣ Лорель, совсѣмъ невинной дѣвочкѣ, несмотря на то, что она уже три года провела въ самыхъ низменныхъ мѣстахъ Парижа. Но есть бѣлизна, которую ничто не можетъ загрязнить. Малютка Лорель осталась чиста.

Карлъ-Эдуардъ случайно встрѣтилъ ее въ «Выпьемъ по второй», забавномъ кабачкѣ на улицѣ Дюперре. Онъ

возвращался далеко за полночь на улицу де Роганъ... въ послѣднее время онъ почти совершенно перебрался туда. Онъ полюбилъ тихія ночи, когда онъ могъ одинъ, безъ свидѣтелей, вспоминать о прошедшихъ безумствахъ и забывать будущее...

Но этой ночью, когда онъ проходилъ передъ «Выпьемъ по второй», джэссъ-бэндъ неожиданно рѣшилъ дать отдыхъ гостямъ: какой-то виртуозъ, забытый славой, заигралъ на рояли мотивъ Моцарта, любимый мотивъ Стеллы. Пораженный, зачарованный, потрясенный, Карлъ-Эдуардъ вошелъ, усѣлся, сталъ слушать и смотрѣть вокругъ себя. Совсѣмъ юная дѣвушка, восемнадцать весенъ которой, казалось, едва-ли можно было, считать за пятнадцать, слушала, зачарованная, какъ и онъ; нѣжная мечта спала въ глубинѣ ея глазъ.

Карлъ-Эдуардъ, заказавъ шампанскаго, кивкомъ головы указалъ на дѣвочку.

— Кто это?

— Это, — шепнулъ экономъ, чувствуя, что онъ имѣетъ дѣло съ однимъ изъ великихъ міра сего, — а вѣдь всякій знаетъ, что не слѣдуетъ лгать людямъ, которые въ состояніи уплатить за правду, — это такъ... ничего не стоющая... ее зовутъ Лорель.

— Шассера! — приказалъ Карлъ-Эдуардъ, щедро давъ на чай экономy.

Шассеръ появился, поклонился, выслушалъ и, улучивъ удобный моментъ, шепнулъ нѣсколько словъ на ухо этой ничего не стоющей..., о которой шла рѣчь. Малютка Лорель выслушала его, бросила быстрый взглядъ на Карла-Эдуарда, пожала плечами и разсмѣялась звонкимъ смѣхомъ, серебрянымъ колокольчикомъ пронесшимся по залѣ. Шассеръ вернулся къ Карлу-Эдуарду.

— Мсье, — жалобно доложилъ онъ, — она не хочетъ.

— Это не имѣетъ значенія! — сказалъ Карлъ-Эдуардъ, подымаясь.

Экономъ, появившійся съ шампанскимъ, все же откупорилъ бутылку и наполнилъ бокалъ. Карлъ-Эдуардъ продолжалъ стоять.

— Цвѣточницу!

Цвѣточница подошла. Онъ выбросилъ всѣ розы изъ корзины на столъ. Затѣмъ онъ сказалъ шассеру.

— Скажите этой дамѣ, что я ухожу потому, что она отказалась принять отъ меня бокалъ шампанскаго. Передайте ей, что я не хотѣлъ обидѣть ее, и прошу ее выпить за моимъ столомъ и принять отъ меня эти цвѣты...

Затѣмъ онъ ушелъ, не назвавъ себя.

Но его имя знали. Его адресъ, — на улицѣ Роганъ, тоже... хотя онъ и хотѣлъ, чтобы никто его не зналъ. Во всякомъ случаѣ, на другой день ровно въ пять часовъ, — онъ случайно былъ одинъ: Стелла провожала кого то изъ своихъ чешскихъ или моравскихъ друзей, — въ его дверь постучали. Карлъ-Эдуардъ, отворивъ, увидѣлъ очень примѣрную и очень смущенную дѣвочку: мадемуазель Лорель, гораздо болѣе напоминающую скромную и благовоспитанную дѣвицу, чѣмъ постоянную посѣтительницу ночныхъ баровъ.

Карлъ-Эдуардъ даже не узналъ своей гостьи. Она этому не удивилась.

— Мсье, — робко сказала она вся зардѣвшись, — это я вчера въ барѣ «Выпьемъ по второй», была такъ невѣжлива по отношенію къ вамъ, когда вы мнѣ такъ мило предложили бокалъ шампанскаго... Я васъ не знала.... Тогда я подумала про себя: «За кого онъ меня принимаетъ, этотъ нахалъ? Что-жъ онъ думаетъ, что я сяду за столъ къ первому попавшемуся?...» Но вы меня какъ слѣдуетъ наказали, оставивъ мнѣ ваше мѣсто, шампанское и эти дивныя розы!.. Я не знала, куда дѣваться... Но я все таки поступила, какъ вы желали:

сѣла за вашъ столъ, выпила ваше шампанское и взяла ваши розы, — не заботясь о томъ, что скажутъ присутствовавшіе, — и ушла одна домой... ни слова не говоря.... Они всѣ издѣвались надо мной.. Но мнѣ было наплевать! — Я впрочемъ совсѣмъ не собиралась прійти къ вамъ сюда. Только утромъ, увидѣвъ ваши розы, — они были совсѣмъ свѣжія, — я себѣ сказала: «Ты поступила очень невѣжливо. Ты не смѣешь такъ продолжать!» — И я сейчасъ же купила этотъ маленькій букетикъ ландышей и принесла его вамъ въ обмѣнъ на вашу большую охапку розъ, — чтобы показать вамъ, какъ я жалѣю о вчерашнемъ! Если вы его примете, я буду знать, что вы меня простили... а если вы не примете, я все таки прошу у васъ прощенія и ухожу...

Карль-Эдуардъ принялъ цвѣты, поцѣловалъ ручку... И оба начали мило болтать...

Постепенно между ними выросла дружба, которую многіе назвали бы любовью.

Впрочемъ, кто назоветъ разницу между любовью и дружбой? — Сексуальный моментъ? Ого! Любовь бываетъ такъ стыдлива, что полъ изъ нея кажется совершенно исключеннымъ; съ другой стороны дружба бываетъ такой бурной, что безуміе любви блѣднѣетъ передъ силой ея чувствъ. — Въ данномъ случаѣ маленькая Лорель отдала Карлу-Эдуарду свое сердце, даже не думая, что могла бы предложить ему больше, — по крайней мѣрѣ на первое время. — Карль-Эдуардъ, очарованный еще неизвѣданной сладостью — цѣломудренной нѣжностью ребенка, забывавшего въ его обществѣ чувственность и продажность, — отвѣтилъ чувствомъ на чувство и въ обществѣ Лорель былъ спокоенъ, точно братъ.

Это была оригинальная парочка: важный вельможа и скромная куртизаночка... оригинальная, да... и все же дружная...

Проходили дни. Дни вполнѣ чистые...

Къ несчастью и мадемуазель Лорель и графъ де Тюрзе, когда они гуляли вмѣстѣ или подъ руку входили куда-нибудь, почти никогда не оглядывались. Въ результатѣ очень многіе видѣли ихъ слишкомъ часто. Среди этихъ многихъ были и такіе, что прекрасно знали способъ употребленія анонимныхъ писемъ.

Поэтому мадамъ де Спангеймъ очень скоро узнала, что мсье де Тюрзе несоразмѣрно часто встрѣчается съ нѣкоей дѣвицей Лорель, которая имѣла втрое больше любовниковъ, чѣмъ сорочекъ.

Какъ и въ первые два раза мадамъ де Спангеймъ не сказала ни слова, но очень страдала. — И ея врачъ попрежнему не понимавшій въ чемъ дѣло, посовѣтовалъ ей перемѣнить климатъ. — Чего она не сдѣлала.

Карлъ-Эдуардъ съ перваго же взгляда понялъ, что психіатры окажутся не въ состояніи излѣчить больную отъ ея болѣзни. Это причинило ему глубокое горе. Хуже того: смертельный ужасъ. Но онъ не понималъ причины этой неожиданной болѣзни. Откуда ему было понять? Вѣдь онъ былъ всего лишь мужчиной...

Мужчиной хорошаго происхожденія, правда... мужчиной любящимъ, чуткимъ, любимымъ, порядочнымъ, но все же мужчиной. — И любая женщина оказалась бы проницательнѣе, если бы рѣчь зашла о раненомъ сердцѣ.

Тогда случилось несчастье, — первое несчастье.

V

...Не забудьте слѣдующаго: между Карломъ-Эдуардомъ и малюткой Лорель было нѣсколько поцѣлуевъ въ лобъ, нѣсколько поцѣлуевъ въ щеку, нѣсколько поцѣ-

луевъ въ волоса и, иногда, въ дни большихъ изліяній, поцѣлуй въ глаза. — Но не больше.

И вотъ, однажды утромъ, во время очень веселаго обѣда вдвоемъ за столикомъ у Бодега, во время серьезнаго спора о сравнительныхъ достоинствахъ желтаго хереса и Манзаниллы, маленькая особа, безо всякаго злого умысла спросила:

— Мой другъ Чарльсъ... — (Карлъ-Эдуардъ не любилъ профанировать прозвища любви или дружбы; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые предоставляютъ каждой изъ своихъ подругъ въ пользованіе опредѣленное ласкательное прозвище, предназначенное исключительно для нея...) — Мой другъ Чарльсъ, скажите, отчего вы меня не пригласите какъ нибудь пообѣдать у васъ, въ вашемъ домѣ на улицѣ Роганъ?..

Отказать женщинѣ: этого Карлъ-Эдуардъ не умѣлъ.

— Пообѣдать у меня на улицѣ Роганъ? Когда угодно, моя маленькая... Подумаемъ... да вотъ, хотите завтра?

— Конечно, хочу!

Мы уже говорили, что оффиціальная квартира графа де Тюрзе была очень далеко отъ улицы Роганъ: между Л'Этуаль и Буа. Но, по мѣрѣ того, какъ визиты Стеллы де Спангеймъ становились чаще и регулярнѣе, принимали, такъ сказать, супружескій характеръ, Карлъ-Эдуардъ сплошь да рядомъ, послѣ того, какъ его любовница уходила, оставался на томъ же мѣстѣ; тѣни часовъ любви проходили мимо него и онъ, сперва въ сладостномъ и нѣжномъ опьяненіи, а затѣмъ, черезъ многіе мѣсяцы въ сладкой меланхоліи слѣдилъ за ихъ бѣгомъ.

Много разъ проходили такъ остатокъ дня и сумерки и часть ночи. Никто не нарушалъ тишины въ маленькой квартиркѣ. Только уборщица, приводившая по утрамъ все въ порядокъ, и мальчикъ лѣтъ тринад-

цати, ставшій интимнымъ пажемъ Карла-Эдуарда, входили къ нему. Маленькій Жиль былъ посвященъ во всѣ дѣла Карла-Эдуарда: Карлъ-Эдуардъ зналъ, что любой секретъ безопаснѣе въ рукахъ мужчины, чѣмъ женщины, а въ рукахъ ребенка болѣе, чѣмъ у кого бы то ни было. Жиль часто провожалъ его на улицу де Роганъ, зналъ, когда онъ долженъ уйти, и умѣлъ вернуться въ нужный моментъ. Однажды вечеромъ Карлъ-Эдуардъ былъ охваченъ такой усталостью или безразличіемъ, что онъ рѣшилъ не вставать, не одѣваться, не выходить на улицу, спать здѣсь и обѣдать здѣсь... Тогда маленькій Жиль, поспѣвая повсюду, во мгновеніе ока раздобылъ вкусный, хотя простой обѣдъ, предупредилъ по телефону, чтобы Карла-Эдуарда не ждали дома, зажегъ огонь въ каминѣ, привелъ въ порядокъ и постлалъ постель... Утромъ, гораздо раньше, чѣмъ обычно приходила уборщица, Жиль уже вернулся и началъ готовить завтракъ. Никогда еще Карлъ-Эдуардъ не ѣлъ съ такимъ удовольствіемъ: любящая женщина не могла быть внимательнѣе.

Впослѣдствіи часто случалось, что Карлъ-Эдуардъ, поощряемый въ своемъ пристрастіи къ безплоднымъ мечтаніямъ, кипучей подвижностью своего пажа, маленькаго Жиля, страстно привязавшагося къ нему, сталъ ночевать на улицѣ Роганъ, вмѣсто того, чтобы ночевать въ своей постоянной квартирѣ. Вскорѣ весь кварталъ, заинтригованный частымъ появленіемъ Жиля, зналъ, что какой-то важный господинъ жилъ, — о, не все время, только когда ему приходило въ голову, — на улицѣ Роганъ, въ роскошно убранной, хотя и очень высоко расположенной квартирѣ. — Сперва всѣ удивились; удивленіе уступило мѣсто любопытству; какъ только выяснилось, — а въ Парижѣ, рано или поздно, все узнается, — что этотъ таинственный жилецъ — просто богатый человѣкъ, постоянно живущій тамъ, гдѣ живутъ всѣ богатые люди, — въ окрестностяхъ Буа, а здѣсь имѣющій гарсоньерку, гдѣ онъ принимаетъ женщинъ

— интересъ къ нему прошелъ: Съ этихъ поръ Карлъ-Эдуардъ и Жиль пользовались абсолютнымъ спокойствіемъ въ районѣ, ограниченномъ улицами Кастильоне, Лувра, Пти-Шамъ и Риволи.

Обѣщанный обѣдъ приходился на субботу, день Сатурна, день опасныхъ судебъ. Карлъ-Эдуардъ предупредилъ Жиля, продиктовалъ ему меню и заказалъ обѣдъ, — на девять часовъ, не раньше: мадамъ де Спангеймъ могла провести часть дня на улицѣ Роганъ, а Карлъ-Эдуардъ, — это пожалуй, было неосторожно, — никогда не разсказывалъ ей о Лорель. Она пришла, какъ онъ и ожидалъ. Часовъ въ семь Карлъ-Эдуардъ проводилъ ее... на Іенскую улицу...

По правдѣ говоря, она его спросила:

— Гдѣ вы сегодня обѣдаете?

И онъ не солгалъ, или почти не солгалъ, когда отвѣтилъ:

— Съ пріятелемъ.

— У васъ?

Она подразумѣвала его оффиціальную квартиру. Онъ такъ ее и понялъ, и продолжалъ говорить правду:

— Нѣтъ...

Больше она не спрашивала.

Между тѣмъ мадамъ де Спангеймъ изъ словъ Карла-Эдуарда вывела заключеніе, что онъ отправится домой для того, чтобы переодѣться, а затѣмъ поѣдетъ куда-нибудь обѣдать. Дальше она рѣшила, — и въ этотъ моментъ она допустила ошибку, — что онъ въ этотъ вечеръ не вернется на улицу де Роганъ; что онъ вернется туда не раньше, чѣмъ на другой день...

Было ли уже сказано, что Карлъ-Эдуардъ, съ перваго же дня передалъ Стеллѣ второй ключъ отъ дверей? и что она, слѣдовательно, въ любую минуту могла войти въ квартиру, такъ же какъ и онъ?

И вотъ что послѣдовало:

Оставшись одна въ ста шагахъ отъ своей собственной квартиры на улицѣ Бассано, Стелла, послѣ долгихъ колебаній, не пошла домой. Она не могла. Въ этотъ вечеръ у нея, Богъ знаетъ почему, на сердцѣ лежала особенная тяжесть. И только Богъ знаетъ, почему она предпочла пойти бродить по улицамъ, пообѣдать въ какомъ-то полупустомъ ресторанѣ. Послѣ обѣда она случайно оказалась у Елисейскихъ полей, пересѣкла ихъ... Она уже дошла до коней Марли, но все еще не поняла, куда ее ведетъ таинственная сила, завладѣвшая ею. Цѣль ея странствованій стала ей ясна только въ тотъ моментъ, когда она пересѣкала улицу Руаяль. Автомобили двигались сплошной вереницей, и прохожіе подолгу должны были ждать возможности перейти черезъ улицу... Здѣсь она внезапно вспомнила, что въ восьмистахъ шагахъ отсюда ее ожидала улица Роганъ.

Она быстро дошла до нея, идя, точно ее погоняли. Ея сердце сильно билось. Она безъ колебаній вошла въ знакомую дверь; вошла въ лифтъ. Тамъ, наверху, вѣдь былъ ея домъ; ея настоящій домъ, пропитанный ея запахомъ... и запахомъ другого, любимаго тѣла, которое такъ недавно сливалось съ ея тѣломъ... Почему же ей не вернуться туда для того, чтобы всей грудью вдохнуть любовныя испаренія, безъ сомнѣнія еще не успѣвшія улетучиться; почему бы ей не пережить въ памяти часъ сладкаго безумія, прежде чѣмъ вернуться къ тоскливому благоразумію жизни?

Лифтъ дошелъ до верху; она вышла, отправила его внизъ и открыла дверь. Затѣмъ она вошла и заперла ее за собой.

Еще не было девяти часовъ. Въ квартирѣ никого не было. Жиль приготовилъ все и удалился. Будь онъ еще здѣсь, онъ бы все объяснилъ, все уладилъ. Но не было ни Жиля, ни другого.

Стелла прошла въ комнаты и внезапно увидѣла сервированный столъ, поверхъ покрытый скатертью. Она внезапно остановилась и послѣ минутнаго колебанія подняла скатерть. — Точно такъ же седьмая жена Синей Бороды открыла дверь въ страшную комнату. — И Стелла была потрясена не меньше, чѣмъ она, увидѣвъ, что столъ накрытъ на два прибора со всѣмъ, что изъ этого слѣдуетъ: двѣ порціи холоднаго бульона въ чашкахъ, два паштета, два набора бокаловъ... однимъ словомъ втрое больше, чѣмъ ей нужно было для того, чтобы понять...

...Чтобы понять кромѣ того, что было въ дѣйствительности, еще то, чего не было...

Тогда Стелла почувствовала, что она слабѣетъ. Она хотѣла быть храброй: она не упала. Она пошатнулась, оперлась о стѣну, оправилась и, два раза обойдя вокругъ комнаты инстинктивно направилась къ дверямъ. Что, если бы ее застали? — Это было бы ужасно! Она должна была бѣжать, бѣжать немедленно, бѣжать скорѣе. Она попробовала...

Къ несчастью уже было девять часовъ, и даже больше... четверть десятаго, быть можетъ...

И, вотъ въ тотъ моментъ, какъ Стелла взялась за ручку выходной двери, ключъ повернулся въ замкѣ. Дверь отворилась....

Два крика отчаянія раздались одновременно: крикъ Стеллы, которой казалось, что она умираетъ, и крикъ Карла-Эдуарда, сразу понявшаго въ чемъ дѣло.

Затѣмъ воцарилось молчаніе.

Створка двери еще не успѣла открыться. За ней была Стелла, въ близкомъ къ обмороку состояніи. Пе-

редъ ней Карлъ-Эдуардъ, парализованный отъ неожиданности. А въ кабинкѣ лифта блѣдная какъ смерть, безъ силъ шевельнуться, бѣдная маленькая Лорель, которая ничего не знала и которая боялась...

И вотъ, черезъ мгновенье раздался голосъ. — Жалкій голосъ, произнесшій наивный вопросъ:

— Кто тамъ?

Стюарты на протяженіи вѣковъ много разъ совершали чудеса храбрости. Карлъ-Эдуардъ рѣшительно отвѣтилъ:

— Это я. Не бойтесь...

Послѣдовала смертельная тишина. Затѣмъ заглушенный ударъ. За дверью кто-то упалъ.

Тогда КарлъЭдуардъ безъ колебанія сдѣлалъ то, что ему оставалось дѣлать. Обернувшись къ ребенку, котораго онъ привелъ съ собой, къ этому ребенку, онѣмѣвшему въ глубинѣ кабинки, онъ сказалъ:

— Останьтесь тамъ и не выходите.

Лорель кивнула головой. Карлъ-Эдуардъ лихорадочно обдумывалъ создавшееся положеніе.

...Прежде всего нужно было устроить такъ, чтобы онѣ не встрѣтились.... Для этого? — Для этого... Изъ прихожей вѣдь вели двѣ двери: одна направо, въ салонъ, другая налѣво, въ спальню...

Карлъ-Эдуардъ рѣшилъ:

— Тсс... — приказалъ онъ, обращаясь къ Лорель: — ни слова!

Онъ открылъ дверь и вошелъ.

— Добрый вечеръ... — произнесъ онъ... — и простите...

Въ четырехъ шагахъ отъ него Стелла съ трудомъ подымалась съ полу.

— Добрый вечеръ! — повторилъ онъ, — и простите: я не думалъ, что вы вернетесь... Поэтому я позволилъ себѣ привести сюда — онъ замѣшкался — кое-кого.

Она молчала, стараясь совладать съ своимъ дыханіемъ. Карлъ-Эдуардъ осмѣлился продолжать:

— Хотите, чтобы...

Его прервалъ голосъ, точно выходящій изъ могилы:

— Я ничего не хочу. Я прошу прощенья у васъ. Я сейчасъ ухожу...

И, такъ какъ онъ продолжалъ стоять, она подошла къ нему. Блѣдная, какъ смерть, она рукой нащупывала выходъ.

— Простите! — поспѣшно сказалъ Карлъ-Эдуардъ: — я не хочу, чтобы васъ увидѣли...

Она отшатнулась. Карлъ-Эдуардъ втолкнулъ ее въ комнату направо. Потомъ онъ ни слова не говоря вышелъ, взялъ Лорель за руку, втащилъ ее въ квартиру, втолкнулъ налѣво въ салонъ и заперъ дверь.

Наконецъ, вернувшись, онъ проводилъ Стеллу, не касаясь ея даже пальцемъ, вывелъ ее на площадку и хотѣлъ усадить въ лифтъ. Но въ это время кто-то снизу вызвалъ кабинку, и она спускалась.

Это оказалось кстати:

— Я не знаю, какъ извиниться, — смогъ сказать Карлъ-Эдуардъ.

— Это не имѣетъ значенія! — нашла въ себѣ силы отвѣтить Стелла, уже державшаяся за рампу и начинавшая спускаться пѣшкомъ всѣ пять этажей... Крестный путь...

Пройдя пятнадцать ступенекъ, она оглянулась. Карлъ-Эдуардъ неподвижно смотрѣлъ ей вслѣдъ...

Ихъ взгляды встрѣтились. Точно вспышка свѣта.

Она сдѣлала три порывистыхъ шага по направленію къ нему:

— Чарли! Вѣдь я не знала! Я оказалась тамъ, но я не должна была... Я искренно прошу у васъ прощенія... Я ухожу...

Она быстро сбѣжала внизъ. Когда она оказалась внизу, онъ медленно вернулся въ комнаты. Въ углу ди-

вана кто-то маленькій беззвучно плакалъ большими слезами: малютка Лорель. И когда онъ нѣжно пытался поднять ее, говоря: «это пустяки...», онъ услыхалъ отвѣтъ:

— О, нѣтъ!... это ужасно!... Но я же не знала!... О, бѣдная, бѣдная женщина!.. Сколько горя я ей причинила!.. Я не знала!.. Я не знала!..

И Карлъ-Эдуардъ всю ночь старался успокоить маленькое сердечко, которое для него не было ничѣмъ, но которое кровоточило отъ рѣзкаго столкновенія съ жестокой жизнью... — А тѣмъ временемъ нѣсколько дальше на западѣ, женщина въ безысходномъ, трагическомъ отчаяніи, всю ночь простояла, опираясь о косякъ открытаго окна, ожидая, что кто-то придетъ въ ночи и воззовелъ къ ней... кто-то; кто не могъ прійти...

...Кто не пришелъ...

VI.

Такъ случилось первое несчастье.

Здраво разсуждая — пустякъ. Всякая любящая женщина знаетъ эту пытку — ревность, разъѣдающую сердце. Стелла уже давно узнала это чувство. Теперь она познакомилась съ нимъ ближе, — вотъ и все! Она узнала, что ея святыня, какъ и всѣ святыни на свѣтѣ, — поруганная святыня.

На другой день, правда, Карлъ-Эдуардъ все объяснилъ ей, особенно онъ напиралъ на то, что онъ не былъ любовникомъ маленькой Лорель. Стелла предпочла повѣрить, чѣмъ мучиться въ сомнѣніяхъ. И это было достаточно ужасно, неправда-ли? Она уже и такъ страдала, страдала и страдала, — страдала такъ, что не имѣла силъ жаловаться. Она едва осмѣлилась сознаться, что она всю ночь прождала у открытаго окна, на-

дѣясь, что изъ мрака кто-то позоветъ ее. Никто не пришелъ. Карлъ-Эдуардъ кое-какъ выпутался: объяснилъ, что на улицѣ Роганъ произошли ужасныя вещи, — что онъ самъ почувствовалъ себя скверно; что вдобавокъ...

Стелла рукой, которая почти не дрожала, сейчасъ же закрыла этотъ ротъ, который не долженъ былъ лепетать жалкія слова.

Со стороны казалось, что жизнь не измѣнилась. Развѣ червякъ въ сердцевинѣ яблока видѣнъ снаружи? Червь точилъ сердце Стеллы, но никто этого не замѣчалъ.

Проходилъ день за днемъ. Какъ-то разъ Стелла случайно упомянула, что она получила нѣсколько анонимныхъ писемъ.

Анонимныя письма? — Карлъ-Эдуардъ вспомнилъ, что онъ тоже получилъ одно.

Она ему показала ихъ. Карлъ-Эдуардъ не помнилъ почерка. Но онъ зналъ, что это легко узнать. Онъ заплатилъ, кому нужно, и черезъ три дня зналъ, на какую подлость способны Симона де Жарнакъ и Фредерика Фэрмундъ. Карлъ-Эдуардъ былъ взбѣшенъ. Не видя мужчины, который могъ бы дать ему удовлетвореніе, онъ заговорилъ очень громко, назвалъ по имени обѣихъ подругъ въ Оперѣ, въ клубѣ... Газеты пронюхали объ этомъ и тоже заговорили.

Тогда однажды вечеромъ, — была весна и надъ городомъ нависла гроза, — графиня Фэрмундъ, потрясенная одѣла густую вуаль и рѣшительно отправилась на улицу Роганъ. — Карлъ-Эдуардъ, что случалось часто, былъ одинъ. Сперва онъ не обратилъ вниманія на стукъ, такъ какъ никого не ожидалъ. Но стукъ повторился, сталъ нервнымъ... Онъ потихоньку подошелъ къ двери, прислушался... Онъ услыхалъ, что кто-то раз-

разился рыданіями. — Пораженный, онъ отворилъ. За дверью стояла женщина, молодая, элегантная, красивая. Онъ ея не узналъ. Посѣтительница, не говоря ни слова вошла. Ему пришлось отступить. Такъ она проникла въ прихожую и захлопнула за собой дверь. Они оказались во мракѣ.

Въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что посѣтительница бросилась къ его ногамъ и обхватила ихъ. Онъ ощутилъ горячія губы. Онъ пошатнулся, съ трудомъ удержался на ногахъ, грубо схватилъ свою таинственную гостью и втащилъ ее въ салонъ, который только-что покинулъ, чтобы отворить дверь. Сперва она держалась пассивно. Но лишь только она увидѣла диванъ, она внезапно возобновила нападеніе, бросилась на Карла-Эдуарда, опрокинула его и сама упала на него...

Послѣдовало то, чего она ожидала; то, за чѣмъ она пришла.

VII.

Этотъ день не имѣлъ завтра. Мадамъ Фэрмундъ неоднократно повторяла свои визиты на улицу Роганъ, но дверь каждый разъ открывалъ Жиль, получившій строгія инструкціи отъ Карла-Эдуарда.

— Пусть она мнѣ не надоѣдаетъ! — заявилъ онъ.

— Не безпокойтесь, я съ ней справлюсь, — фамильярно, но рѣшительно, заявилъ Жиль.

На этотъ разъ мадамъ де Спангеймъ ничего не узнала. Фредерика Фэрмундъ стала бояться анонимныхъ писемъ, поражающихъ автора. Но Карлъ-Эдуардъ испытывалъ стыдъ и смущеніе: онъ измѣнилъ своей любовницѣ; измѣнилъ ей и въ душѣ и въ сердцѣ съ малюткой Лорель; тѣломъ и плотью съ этой Фэрмундъ, ли-

шенной мужества и достоинства. И, вдобавокъ, ни его душа, ни сердце, ни тѣло, ни плоть не протестовали противъ случившагося. — Нѣтъ! — Правда онъ не могъ безъ угрызеній совѣсти подумать о раздирающемъ крикѣ Стеллы, когда они столкнулись у дверей на улицѣ Роганъ, но это были угрызенія совѣсти, а не раскаяніе. Онъ не испытывалъ ни малѣйшаго раскаянія, при мысли объ освѣжающей нѣжности, успокаивающей лихорадку его чувствъ такъ же, какъ прохладная рука сидѣлки лобъ больного. — Точно такъ же воспоминаніе о бурныхъ ласкахъ Фредерики Фэрмундъ иногда вызывало въ немъ чувство тошноты, но это чувство испытывала его душа, — его тѣло откликалось на сладострастный призывъ... И вотъ, когда онъ наконецъ сталъ ясно разбираться въ своихъ чувствахъ, онъ съ рѣшительностью отчаянія отбросилъ послѣднюю ложь, помогавшую ему переносить жизнь, которую онъ велъ. Онъ поставилъ точки надъ і и сказалъ себѣ, что онъ больше не любитъ Стеллы, что эта великая любовь, скрѣпленная столькими искренними клятвами, мертва, внезапно умерла. Осталась дружба, дружба, похожая на состраданіе. И въ таинственномъ образомъ оказавшемся пустыннымъ, опустѣвшимъ сердцѣ, было свободно мѣсто для новой любви. — Онъ блѣднѣлъ, вспоминая утвержденія многихъ, что любовь выростаетъ тамъ, гдѣ ея часто не ждешь, и что онъ могъ увлечься какимъ-нибудь низкимъ, недостойнымъ существомъ, вродѣ Фредерики Фэрмундъ или Симоны де Жарнакъ...

Тѣмъ временемъ въ сердце и душу Стеллы закралось отчаяніе, — оно не было вызвано внѣшними причинами: подлости четы Фэрмундъ-Жарнакъ или трагической встрѣчи на улицѣ Роганъ не могли повредить чистый брилліантъ ея души. Но лишь только она потеряла любовь Карла-Эдуарда, брилліантъ потускнѣлъ и сталъ разсыпаться, какъ это бываетъ съ драгоцѣнными камнями, сопротивляющимися самой твердой стали, но пре-

вращающимися въ кучку пыли, если электрическій разрядъ въ атмосферѣ разрушитъ таинственную связь атомовъ. И на глазахъ Карла-Эдуарда, жестоко страдавшаго отъ сознанія своего безсилія, жизненная энергія Стеллы увядала съ каждымъ днемъ.

VIII.

И весна прошла. Настало лѣто, лѣто прошло.

Въ теченіе шести или восьми мѣсяцевъ Стелла и Карлъ-Эдуардъ переносили мученія, пропущенныя Данте въ описаніи ада. Ни тотъ, ни другой не находили въ себѣ мужества, — или трусости, — искать выхода въ бѣгствѣ... хотя бы изъ жизни. — Ни тотъ, ни другой въ теченіе шести или восьми мѣсяцевъ не уступали ни на шагъ. Понадобился случай, чтобы спасти ихъ другъ отъ друга. — Дѣло въ томъ, что любить, — кто сказалъ это? — активный или пассивный глаголъ, но рѣдко взаимный. Если же онъ, случайно, становится взаимнымъ, то не надолго. И вотъ, если А любилъ В и былъ имъ любимъ, и если В разлюбилъ А, для В лучше десять разъ умереть, а слѣдовательно для А еще во сто разъ больше.

Случай, вмѣшавшійся въ дѣло, безконечно благотворный во всей своей жестокости, на первый взглядъ былъ самымъ банальнымъ изъ случаевъ.

Ахъ, да! сперва вотъ что: со дня насилія, произведеннаго Фредерикой Фэрмундъ, Карлъ-Эдуардъ, невольно нарушившій обѣтъ вѣрности своей подругѣ, не осмѣливался коснуться ея. Строжайшее цѣломудріе безъ перехода послѣдовало за прежними объятіями. — Уваженіе. Угрызенія совѣсти. Моральная и физическая чистоплотность. Такъ потерявшій вѣру католикъ перестаетъ приближаться къ алтарю. — Стелла изъ гордо-

сти и стыда притворялась, будто ничего не замѣчаетъ, но глубоко страдала. Карлъ-Эдуардъ тоже страдалъ: ему было тридцатьдва года и сила переливалась по его жиламъ...

И вотъ, потому ли, что онъ былъ молодъ, потому ли, что ему недоставало любви, много женщинъ стали заглядываться на него. Ида де Сартэнъ и ея дочь Эльза, напримѣръ; Шарлотта Ссевола, Даймона Осеанъ, чтобы не перечислять всѣхъ... даже королева Нора, шептали смѣлые языки... малютка Лорель, быть можетъ... другія...

И вотъ однажды вечеромъ, — Карлъ-Эдуардъ наканунѣ затѣялъ, довольно, впрочемъ, невинный, флиртъ съ одной изъ пріятельницъ графини д'Антэнъ, — упомянутая графиня, подзадориваемая миссъ Брайанъ, любившей наблюдать чужія интриги, рѣшила устроить для интимныхъ друзей ужинъ. Этотъ ужинъ объединилъ не только пріятельницу, о которой шла рѣчь, но еще нѣсколько дамъ, принадлежащихъ, впрочемъ, къ лучшему обществу. Понятно, что мадамъ де Спангеймъ должна была присутствовать: было бы безтактно пригласить де Тюрзе, не приглашая де Спангеймъ. Принцесса Вогера тоже была приглашена... Принцесса Вогера, та самая, которая встрѣтилась съ королевой въ саду графини д'Антэнъ...

Случай, о которомъ мы говорили, оказался даже слишкомъ грубо-благодѣтельнымъ. Мадамъ д'Антэнъ, понятно, должна была посадить де Тюрзе и мадамъ де Спангеймъ рядомъ. Но этикетъ требовалъ, чтобы принцесса Вогера также сидѣла рядомъ съ графомъ де Тюрзе. Ему можно было позавидовать: онъ оказался между двумя самыми красивыми и самыми соблазнительными женщинами, присутствовавшими на этомъ ужинѣ...

Было, впрочемъ, много мужчинъ: братья д'Ортезъ, братья Шомонъ, грозный публицистъ, Сэнъ Женисъ-

Лаваль со своимъ, становящимся опаснымъ пріятелемъ, Бертраномъ Фонтенуа...

Ему-то Сэнъ Женисъ-Лаваль и бросилъ, перегибаясь черезъ столъ, циничныя слова, понятныя лишь немногимъ:

— Бертранъ, мой милый! Мы съ вами не первый разъ обмѣниваемся шутливыми замѣчаніями по адресу той прекрасной дамы, что сидитъ рядомъ съ мсье де Тюрзе...

Бертранъ де Фонтенуа даже не поглядѣлъ по направленію, указанному Сэнъ Женисъ-Лавалемъ, такъ какъ онъ уже раньше все замѣтилъ. Вставивъ монокль въ глазъ, онъ посмотрѣлъ въ другую сторону...

— Рядомъ? — переспросилъ онъ. — Ихъ двѣ рядомъ, и обѣ прекрасны...

Не особенно довѣряя своимъ глазамъ, а, можетъ быть пренебрегая дѣтскими и скучными правилами приличія, Сэнъ Женисъ-Лаваль уставился на сосѣдокъ Карла-Эдуарда...

— Хе-хе! — сказалъ онъ, — вы правы, клянусь Богомъ! Опредѣленно, красота заразительна... Кто, кстати, эта новая красавица? Вы знаете, я такъ близорукъ...

Возможно, что онъ былъ близорукъ. Во всякомъ случаѣ, онъ часто упоминалъ объ этомъ. Поль д'Ортезъ, сидѣвшій ближе, шепнулъ ему имя, которое Фонтенуа не хотѣлъ назвать, боясь быть услышаннымъ:

— Принцесса Вогера... Фіамма Вогера...

Старый торговецъ душами злобно засмѣялся:

— Холла, хо! Спасибо! Я уже знаю! Фіамма Вогера... изъ венеціанскихъ Вогера, палаццо которыхъ лежитъ рядомъ съ Каза д'Оро... Эти Вогера славятся тѣмъ, что они всегда охотились въ чужихъ владѣніяхъ. Чортъ возьми! я бы не хотѣлъ дать ей палецъ, этой очаровательной принцессѣ. И на мѣстѣ баронессы де Спангеймъ, я бы купилъ колючей проволоки и обнесъ бы ею свои земли.

— Для чего? — наивно спросилъ Луи де Шомонъ, поэтъ.

— Чтобы помѣшать принцессѣ Вогера ступить въ нихъ своей ножкой. Поглядите, кстати, какія у нея крошечныя ножки!

Въ этотъ моментъ всѣ вставали изъ-за стола. Всѣ поглядѣли, куда указывалъ Сэнъ Женисъ-Лаваль. Дѣйствительно, ножка Фіаммы Вогера была еще меньше ножки Стеллы де Спангеймъ. Это замѣтили всѣ, кромѣ одного, который, казалось, не обращалъ никакого вниманія на принцессу Вогера. Этотъ одинъ былъ Карлъ-Эдуардъ. Точно такъ же принцесса Вогера была единственной изъ присутствовавшихъ женщинъ, не удостоившей даже взглядомъ Карла-Эдуарда. За все время ужина они едва ли обмѣнялись дюжиной словъ. И любезная хозяйка, закуривая папироску, напрасно съ жаромъ допытывалась у принцессы, которую она нѣжно и искренне называла «своей божественной»:

— Какъ онъ вамъ понравился? Вы мнѣ можете спокойно довѣриться. Вы вѣдь не станете отрицать, что онъ одинъ изъ самыхъ... самыхъ...

Она тщетно искала достаточно хвалебнаго эпитета. Фіамма Вогера помогла ей:

— Я нахожу, что онъ одинъ изъ самыхъ тщеславныхъ, самыхъ дерзкихъ и самыхъ скучныхъ людей, которыхъ я когда-либо встрѣчала, по крайней мѣрѣ у васъ, мой другъ. Во всякомъ случаѣ, я впервые имѣла за столомъ такого жалкаго сосѣда. Если это то, что вы хотѣли сказать, то я съ вами вполнѣ согласна. Но, ради Бога, оставимъ эту тему...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ Карлъ-Эдуардъ курилъ сигару въ обществѣ нѣсколькихъ пріятелей, среди которыхъ, кромѣ братьевъ д'Ортезъ и братьевъ Шомонъ, находился также тяжеловѣсный, но проницательный Сэнъ Женисъ-Лаваль.

Послѣдній съ притворнымъ любопытствомъ сталъ

разспрашивать Карла-Эдуарда о, казалось бы, совершенно неважныхъ вещахъ:

— Знаете-ли вы, счастливый смертный, что вы только-что сидѣли рядомъ съ самой красивой женщиной въ Парижѣ?.. Впрочемъ, вы, понятно, сами это знаете: ваши глаза вамъ это сказали... Она ослѣпительна, эта Вогера... Вотъ кому не надо изгибать брови для того, чтобы пронзить взглядомъ своихъ изумрудныхъ глазъ сердце неосторожнаго, оказавшагося на досягаемомъ разстояніи!.. Извините меня, я старъ и не умѣю скрывать чувства восхищенія.

— О! дорогой мой! Я тоже этого не умѣю, какъ не умѣю, впрочемъ, скрывать свои антипатіи. Поэтому я, — простите мою откровенность, — долженъ сказать, что эта дама произвела на меня впечатлѣніе невыносимой педантки и весьма непріятной сосѣдки за столомъ. Она принадлежитъ къ числу гостей, которые ѣдятъ, пьютъ и... молчатъ.

Сэнъ Женисъ-Лавалю пришлось замолчать. И Карлъ-Эдуардъ ушелъ съ презрительной миной. Бертранъ Фонтенуа позволилъ себѣ посмѣяться надъ Сэнъ Женисъ-Лавалемъ за его неудачную попытку поддѣть Карла-Эдуарда: «Конечно, всѣ замѣтили, какъ и почему; — все же бѣднаго Сэнъ Женисъ-Лаваля недурно отбрили...»

Все это было сказано въ легкомъ тонѣ, — иронически, но не зло.

Но Сэнъ Женисъ-Лаваль многозначительно улыбнулся. Онъ, само собой разумѣется, не разсердился: онъ принадлежалъ къ числу людей, которые никогда не сердятся. Только глупцы сердятся. Но онъ выпилъ маленькими глотками большой бокалъ очень сухого шампанскаго и поэтому посмотрѣлъ на маленькаго Фонтенуа съ безграничнымъ сожалѣніемъ:

— А я то васъ считалъ умнымъ парнемъ! — мрачно покачалъ онъ головой... — Интеллигентнымъ парнемъ! — Нѣтъ, не будемъ преувеличивать: преувеличеніе —

врагъ правды. Нѣтъ, я не считалъ васъ интеллигентнымъ, но думалъ, что вы можете отличить бѣлое отъ чернаго и навозъ отъ жасмина...

— Извините, перебилъ Фонтенуа, задѣтый за живое не столько его словами, сколько улыбками остальныхъ собесѣдниковъ: — но мнѣ кажется...

— А мнѣ кажется, — прервалъ его Сэнъ Женисъ-Лаваль, — что вы не поняли ничего изъ того, что происходило сегодня вечеромъ. Слова, мой милый, не существуютъ. Существуетъ тонъ, которымъ ихъ произносятъ... сопровождающій ихъ взглядъ дополняетъ его. Вотъ — объяснивъ вамъ это, долженъ сознаться, что мнѣ очень грустно узнать вашу истинную цѣну: вы человѣкъ, неумѣющій ни слушать, ни наблюдать.

— То-есть? — спросилъ Фонтенуа, серьезно обидѣвшись.

— То-есть, — протянулъ Сэнъ Женисъ-Лаваль, — мсье де Тюрзе имѣлъ сегодня за столомъ двухъ сосѣдокъ...

— Нужно быть Сэнъ Женисъ-Лавалемъ, чтобы замѣтить это, — ехидно ввернулъ Фонтенуа.

— Послушайте, молокососъ вы этакій, вы когда-нибудь присутствовали на дуэли?.. Я хочу сказать, серьезной дуэли?.. — спросилъ Сэнъ Женисъ-Лаваль.

— Да. Четыре раза.

— Сколько мертвыхъ?

— Къ счастью, ни одного.

— Ладно. Значитъ все равно, какъ если бы вы не видѣли дуэли. Начните сначала. Вамъ это, быть можетъ, удастся еще сегодня вечеромъ. Тсс...

Одновременно онъ самъ замолчалъ.

Дѣло въ томъ, что въ этотъ моментъ мсье де Тюрзе столкнулся въ сосѣднемъ салонѣ съ мадамъ Вогера. Они обмѣнялись нѣсколькими фразами и, очевидно, фразами не слишкомъ любезными. Принцесса Вогера покраснѣла, а Карлъ-Эдуардъ началъ кусать губы. Когда они, довольно рѣзко, расходились, проходила ма-

дамъ де Спангеймъ. Де Тюрзе предложилъ ей руку. Казалось, что дуэль, если только таковая произошла, окончилась пораженіемъ Фіаммы Вогера. Все-же выраженіе глазъ мадамъ де Спангеймъ, а еще болѣе, выраженіе ея лица, заставили умолкнуть всѣхъ, кто присутствовалъ при этой сценѣ.

Позже, гораздо позже, Сэнъ Женисъ-Лаваль, сказалъ:

— Есть лишь одно зрѣлище, страшнѣе взгляда слѣпого: еще не угасшій, но уже мутнѣющій взглядъ человѣка, въ послѣдній разъ видящаго Божій свѣтъ...

IX.

На третій день послѣ ужина у герцогини д'Антэнъ Карлъ-Эдуардъ проснулся въ очень плохомъ настроеніи: никто не бываетъ такъ мраченъ, какъ любовникъ, чувствующій умираніе своей любви. Онъ спалъ дома, — не на улицѣ Роганъ, а въ своей оффиціальной квартирѣ въ Буа. Слуга, — Карлъ-Эдуардъ очень удивился, — подалъ ему, прибывшее съ утренней почтой, письмо въ знакомомъ темно-синемъ конвертѣ. Адресъ былъ написанъ высокимъ, рѣшительнымъ почеркомъ мадамъ де Спангеймъ.

— Въ чемъ дѣло? — разсуждалъ самъ съ собой Тюрзе. Смутное безпокойство вызвало въ немъ чувство тошноты... Стелла де Спангеймъ писала очень рѣдко. Письмо отъ нея обозначало многое. Но, прочтя письмо, Карлъ-Эдуардъ улыбнулся и облегченно вздохнулъ; оно имѣло слѣдующее содержаніе:

«Мой безконечно любимый! Нашъ старый дорогой другъ, Л'Иль Родъ, вздумалъ пригласить насъ къ обѣду, и не позже, какъ сегодня. Это въ восемь часовъ, въ ресторанѣ Лалькадъ. Я сказала да, не спросивъ васъ, такъ какъ была увѣрена, что вы бросите всѣ дѣла, что-

бы не огорчить Л'Иль Рода... и меня: я радуюсь этому обѣду втроемъ. Позвоните пораньше мнѣ и ему... Л'Иль Родъ, какъ вы знаете, въ такихъ случаяхъ всегда одѣваетъ фракъ... Я одѣну свое самое красивое платье.

Твоя, твоя, твоя...»

Карлъ-Эдуардъ, послѣ того, какъ онъ три четверти часа мучался у телефона, и уже началъ горько раскаиваться въ томъ, что онъ четыре года сражался за Францію, вмѣсто того, чтобы воевать на сторонѣ Германіи, славящейся точной работой своихъ телефоновъ, — сговорился съ Л'Иль Родомъ и Стеллой, и за нѣсколько минутъ до восьми входилъ въ ресторанъ Лалькадъ.

Пока шассеры яростно стягивали съ него пальто и отбирали у него шляпу, палку, перчатки и часть содержимаго кошелька, Карль-Эдуардъ въ глубинѣ залы замѣтилъ Луи-Христофора де Л'Иль Рода и мадамъ де Спангеймъ, сидѣвшихъ другъ противъ друга за столикомъ и очень оживленно бесѣдовавшихъ. О чемъ это, Богъ мой?..

Онъ подошелъ...

Онъ еще былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, когда Стелла его замѣтила и рѣзко оборвала разговоръ. Л'Иль Родъ тоже замолчалъ, но значительно позже — въ тотъ же моментъ, какъ онъ съ шумомъ повернулся на своемъ стулѣ. Де Тюрзе обратилъ вниманіе на то, что Л'Иль Родъ началъ говорить прежде, чѣмъ замѣтилъ его. Повидимому Стелла его предупредила. — Но все это пришло Карлу-Эдуарду въ голову только гораздо позже. Въ ту минуту онъ думалъ только объ одномъ: зала имѣла въ длину тридцать метровъ, и ихъ онъ долженъ былъ пройти. Вдоль прохода стояли столики: съ каждой стороны по двѣнадцать. Согласно этикету Карлъ-Эдуардъ сосредоточился на поклонахъ, которые онъ долженъ будетъ продѣлать или отвѣтить. — Но Лалькадъ — старый ресторанъ, когда-то бывшій въ мо-

дѣ, а затѣмъ, съ передвиженіемъ центра Парижа съ востока на западъ, забытый. Поэтому на всемъ протяженіи отъ косяка двери до задней стѣны Карлъ-Эдуардъ не увидѣлъ ни одного знакомаго, хотя онъ и обладалъ той увѣренной памятью на лица, которая пріобрѣтается и передается по наслѣдству тѣми, кто привыкъ править народами. — Поэтому Карлъ-Эдуардъ шелъ спокойно, равнодушно глядя на лица за столиками, но внутренне смутно удивляясь, почему Стелла такъ рѣзко прервала свой разговоръ съ Л'Иль Родомъ. Послѣдній тоже, протягивая руку своему гостю, казался смущеннымъ, точно ребенокъ, застигнутый на мѣстѣ преступленія, — за кражей яблокъ.

Карлъ-Эдуардъ улыбнулся, поклонился, поцѣловалъ протянутую ему руку и подумалъ:

— О чемъ бы они говорили? И что это за панихида, которую я прервалъ?

Онъ не могъ понять этого и скоро успокоился. Къ тому же, какъ только онъ усѣлся, Л'Иль Родъ пустился въ безконечную болтовню. Стелла помогала ему. Карлъ-Эдуардъ, сперва обезпокоенный, — о, только слегка, — слушалъ, отвѣчалъ, подавалъ реплики, — и кушалъ: — обѣдъ былъ достоинъ того, кто его заказалъ. — Луи-Христоферъ де Л'Иль Родъ былъ послѣдователемъ Брилля-Саварэна. Меню обѣда было составлено съ изысканнымъ вкусомъ; вина подобраны безукоризненно. — Послѣ обѣда Л'Иль Родъ облегченно вздохнулъ, точно полководецъ, одержавшій, рѣшительную побѣду. Карлъ-Эдуардъ, дѣйствительно, оказалъ честь обѣду, улыбался Стеллѣ и глазами просилъ ее улыбнуться. Къ сожалѣнію Стелла не улыбалась и все время глядѣла на землю, какъ дѣлалъ Христосъ, рисовавшій фигуры на столѣ во время рѣчи невѣрной жены. Тогда Карлъ-Эдуардъ понялъ, что «что-то случилось». Л'Иль Родъ, несмотря на удовольствіе отъ удачнаго обѣда, плохо скрывалъ тайное безпокойство. Стелла односложно отвѣчала, какъ на отрывистую болтовню стараго герцога,

такъ и на милыя слова Карла-Эдуарда. Между тѣмъ Карлъ-Эдуардъ старался быть къ ней особенно внимательнымъ, чувствуя, что она страдаетъ, и отдавая себѣ отчетъ, что въ этомъ, безъ сомнѣнія, виноватъ онъ.

Внезапно онъ въ минуту, когда молчаніе особенно тяжело нависло надъ столомъ, подумалъ:

«Веселенькая исторія — эта любовь!.. А, говоря любовь, я бы могъ сказать, жизнь!.. Вотъ насъ трое честныхъ людей... три благородныхъ сердца... И что же? Мы не въ состояніи пойти каждый своей дорогой безъ того, чтобы не растоптать другого... и самого себя въ придачу...»

Часъ спустя, когда тысячи мелкихъ недосказанныхъ словъ и невысказанныхъ мыслей вызвали у Л'Иль Рода, Стеллы и Карла-Эдуарда потребность разойтись, найти одиночество, или, по крайней мѣрѣ, менѣе сгущенную атмосферу, ничтожный инцидентъ заставилъ еще болѣе насторожиться Карла-Эдуарда.

Л'Иль Родъ, поднявшійся вслѣдъ за мадамъ де Спангеймъ, стремительно предложилъ дальнѣйшую программу, казавшуюся вполнѣ логичной:

— Ручаюсь, что ваша машина не съ вами, мсье де Тюрзе?

— Простите, она здѣсь.

— Она вамъ нужна?

— Отнюдь нѣтъ, развѣ что для того, чтобы проводить васъ...

— Вотъ и отлично! — Мадамъ де Спангеймъ, по моему предложенію, отослала своего шофера: я хотѣлъ самъ проводить ее, по буржуазному, въ такси. Но разъ у васъ вашъ Фортезъ, захватите насъ обоихъ. Мы отвеземъ сперва баронессу, затѣмъ, если это васъ не стѣснитъ, вы меня доставите въ Булэнвилье...

Карлъ-Эдуардъ уже хотѣлъ согласиться, но вмѣшалась Стелла:

— О, — сказала она, — нѣтъ, дорогой другъ! это мы, молодые люди должны проводить васъ домой. По-

томъ мсье де Тюрзе доставитъ меня на Іенскую улицу.
— Серьезно, я такъ хочу!

Герцогъ, повѣся голову, не отвѣчалъ. Карлъ-Эдуардъ поглядѣлъ на него, на Стеллу. Стелла, какъ и раньше, смотрѣла себѣ подъ ноги.

— О! — сразу сообразилъ Карлъ-Эдуардъ: — она не хочетъ, чтобы я остался съ нимъ, хотя бы на минуту.

Повидимому, онъ угадалъ, потому что она держалась между ними до тѣхъ поръ, пока они сѣли въ автомобиль; потомъ, пока герцогъ не сошелъ.

Еще не было одиннадцати часовъ вечера. Моросило. Стелла и Карлъ-Эдуардъ молча сидѣли въ глубинѣ лимузина, пока шоферъ кратчайшимъ путемъ отвозилъ ихъ домой. Карлъ-Эдуардъ потихоньку взялъ руку Стеллы, поцѣловалъ ее. Но ея рука казалась холодной, какъ ледъ, точно рука женщины, лишившейся чувствъ, — или еще хуже. — Охваченный неопредѣленнымъ страхомъ, Карлъ-Эдуардъ осторожно положилъ эту руку обратно на колѣни Стеллы. Она не шевельнулась, и онъ сквозь шелкъ платья почувствовалъ, что и отъ ея колѣнъ вѣяло холодомъ, какъ отъ мертвеца.

Къ счастью шоферъ ѣхалъ быстро. Нѣсколько минутъ проползли. Наконецъ, автомобиль, задѣвая тротуаръ, остановился. Карлъ-Эдуардъ, сдѣлавъ усиліе, стряхнулъ съ себя охватившее его оцепѣненіе, соскочилъ, протянулъ руку. Стелла, двигаясь какъ автоматъ, вышла изъ автомобиля. Карлъ-Эдуардъ позвонилъ. Дверь повернулась на петляхъ. Это была старинная дубовая дверь, — дерево и желѣзо, — безъ стекла.

Стелла, все еще не говоря ни слова, вошла въ нее, повернулась и пристально поглядѣла на Карла-Эдуарда. Она чуть было не забыла протянуть ему руку. Карлъ-Эдуардъ растерялся, но выдержалъ ея взглядъ.

Глаза, цвѣта полированнаго золота, закрылись и быстро открылись, въ то время какъ голова торжественно наклонилась, чуть-чуть. Брови слегка приподнялись,

ихъ изгибъ сталъ замѣтнѣе. И лѣвая бровь поднялась на линію выше, чѣмъ правая. Если бы Сэнъ Женисъ-Лаваль былъ при этомъ, онъ бы сказалъ, что никогда ничто не выражало столько мучительнаго, столько трагическаго, столько обреченнаго, какъ это лицо.

Внезапно тяжелая дверь захлопнулась со звукомъ выстрѣла. Мадамъ де Спангеймъ исчезла.

Десять долгихъ секундъ Карлъ-Эдуардъ въ нерѣшительности стоялъ передъ запертой, непроницаемой дверью. Онъ ждалъ, не зная чего. — Ему даже показалось, что онъ слышитъ еле замѣтный шумъ, доносящійся изнутри. Но онъ, вѣроятно, ошибся: шумъ, если только онъ былъ, больше не повторился.

Карлъ-Эдуардъ медленно вернулся къ автомобилю. Подъ мелкимъ дождемъ троттуаръ и мостовая блестѣли, отражая фонари. И пышная декорація улицы тянулась вправо и влѣво, тоскливая и холодная, безмѣрно тоскливая...

X.

— «Увижу-ли я васъ завтра?..»

Вмѣсто отвѣта она чуть-чуть наклонила голову, очень мало, почти незамѣтно. Онъ понялъ, что да.

На другой день онъ только поздно пошелъ къ ней. Онъ не телефонировалъ. Ибо онъ, дѣйствительно не любилъ ея. И все-же, онъ не могъ вынести мысль, что она страдаетъ, и страдаетъ изъ-за него. Около пяти часовъ онъ пѣшкомъ отправился къ Стеллѣ.

Когда онъ вошелъ, таинственное предчувствіе охватило его. Вмѣсто того, чтобы, какъ обычно, подняться, не говоря ни слова, онъ подозвалъ консьержа:

— Мадамъ де Спангеймъ дома?.. — Онъ заранѣе зналъ отвѣтъ.

— Нѣтъ, господинъ графъ. Баронесса сегодня

утромъ уѣхала.

Онъ угадалъ. Все же онъ пошатнулся.

— Уѣхала?.. куда?..

— Баронесса не сказала куда.

— Но... Почта?

— Почта не будетъ пересылаться. Баронесса позже пришлетъ распоряженіе.

Отвѣты слѣдовали безъ заминки, быстрые и пронизывающіе, точно пули.

— Съ какимъ шоферомъ она уѣхала?

— Она послала меня за такси. Своего шофера баронесса вчера расчитала.

— И?..

Карлъ-Эдуардъ не докончилъ. Продолжать разспросы было бы черезчуръ... Но консьержъ, обрадовавшійся случаю поболтать, выложилъ все, что зналъ:

— Какъ я вамъ уже доложилъ, господинъ графъ!.. Я даже не знаю, куда поѣхалъ такси, такъ какъ баронесса, которая имѣла только маленькій чемоданчикъ въ рукахъ, сказала шоферу: «Поѣзжайте сперва къ Виттону, у Елисейскихъ Полей...»

Карлъ-Эдуардъ наугадъ вытащилъ изъ бумажника банкноту и протянулъ ее консьержу, который склонился до земли: банкнота была крупная. Карлъ-Эдуардъ не замѣтилъ, ни сколько онъ далъ консьержу, ни его поклона. Онъ, казалось, былъ ослѣпленъ. Онъ ушелъ, шагая точно слѣпой, и не зная, куда идетъ.

Она уѣхала...

Правда, онъ не любилъ ея — любовью. Но онъ продолжалъ любить ее, какъ друга, любить нѣжно; ихъ сердца были такъ близки, что его сердце, не могло не кровоточить, когда ея сердцу наносилась рана. — Кромѣ того, онъ раньше любилъ ее любовью, любилъ безумно. И эта умершая любовь отъ прикосновенія волшебной палочки горя воскресла. — Да: въ ту минуту, когда ихъ связь, уже давно ослабѣвшая, окончательно порвалась, тысячи жгучихъ воспоминаній выплывали изъ

прошлаго и осаждали его сердце и плоть. Тысячи образовъ, иные какъ медъ, иные какъ пламя, носились вокругъ него. Онъ почувствовалъ себя, какъ будто всѣ жизненные органы распыляются и растворяются въ немъ. Онъ былъ близокъ къ обмороку. Онъ остановился, прислонился къ дереву и, подозвавъ проѣзжавшій такси, усѣлся.

— Куда прикажете ѣхать? — спросилъ шоферъ, удивленный, а, можетъ быть, и обезпокоенный упорнымъ молчаніемъ своего пассажира, уставившагося на что-то невидимое.

— Ліонскій вокзалъ!

Моторъ заработалъ. Они проѣхали Альму, доѣхали до Сены. Только въ концѣ Кэ д'Орсэ Карлъ-Эдуардъ внезапно спросилъ самъ себя:

— Ліонскій вокзалъ? Я назвалъ Ліонскій вокзалъ? Но почему?

Онъ понялъ это только прибывъ туда. Онъ видѣлъ себя, какъ если бы онъ видѣлъ другого человѣка, подходящимъ къ кассѣ, чтобы справиться о скорыхъ поѣздахъ, уходящихъ вечеромъ. — Онъ удивился и покраснѣлъ, услышавъ, что онъ спрашиваетъ у кассира, которому онъ предварительно сунулъ въ руку несоразмѣрно большую связку синихъ банкнотъ:

— Не замѣтили-ли вы одной дамы... очень красивой, блондинки..., которая покупала билетъ перваго класса на одинъ изъ скорыхъ, начиная съ 17 ч. 10, или 15 ч. 50... до Рима, или Милана, или Марселя, или Венеціи?..

Кассиръ колебался.

— Я не увѣренъ, — сказалъ онъ, — и я не хотѣлъ бы обмануть васъ... Я продалъ нѣсколько первыхъ до Марселя, и два въ Миланъ, и одинъ въ Римъ... но очень красивая дама, блондинка?.. Право не помню...

Внезапно Карлъ-Эдуардъ вспомнилъ, что нельзя подкупать низшихъ для того, чтобы получить отъ нихъ

свѣдѣнія. Уже и безъ того красный, онъ сталъ багровымъ и убѣжалъ.

Слѣдующія часы онъ провелъ на вокзалѣ. Онъ долго глядѣлъ вслѣдъ скорому 3, уходящему въ 19 ч. 30; скорому 41, уходящему въ 19 ч. 40; скорому 5, уходящему въ 19 ч. 50; 21 и 33, которые уходятъ въ 20 ровно и въ 20 ч. 35; еще двумъ въ 20 ч. 45 и 20 ч. 55 ... затѣмъ тремъ въ 21 ч. 20, 21 ч. 30 и 21 ч. 40 ... Оставался еще одинъ скорый — Моденскій, и только тогда Карлъ-Эдуардъ вспомнилъ, что въ Парижѣ есть еще другіе вокзалы.

Стелла покинула Парижъ. — И сдѣлала это поѣздомъ или аэропланомъ, — безъ сомнѣнія. Но куда она поѣхала? — въ Богемію? или Англію? или Германію? или Испанію? — съ Сѣвернаго, или Южнаго, или Орсэйскаго? — Въ своихъ поискахъ онъ не руководствовался, ни разумомъ, ни слѣдами. — Ничѣмъ. — Имъ руководилъ только инстинктъ.

Значительно позже онъ узналъ, что инстинктъ не обманулъ его. Онъ напалъ на вѣрный слѣдъ. Но ... слишкомъ поздно.

Карлъ-Эдуардъ тяжелыми шагами вышелъ изъ вокзала. Его такси еще стоялъ. Усталымъ жестомъ онъ отворилъ дверцу. Голосомъ, болѣе тяжелымъ чѣмъ свинецъ, онъ прошепталъ:

— Обратно ...

— Куда обратно?

— Той же дорогой.

И такси снова помчался по бульвару Дидеро, мосту Морланъ, набережной Анри IV, мосту Сюлли...

Здѣсь холодный рѣчной вѣтеръ ударилъ Карла-Эдуарда по лицу. До сихъ поръ онъ почти лежалъ въ углу кареты, распростершись, со свисающими руками, точно самоубійца. Онъ стряхнулъ съ себя мрачное оце-

пѣненіе и оглянулся. Было темно. Вдали пробѣгалъ поѣздъ Метрополитэна.

Карлъ-Эдуардъ остановилъ такси, сошелъ и оперся на парапетъ. Внизу, темная и таинственная, пробѣгала рѣка. Постепенно глаза Карла-Эдуарда привыкли къ темнотѣ, и онъ сталъ различать отдѣльныя волны, пѣну; затѣмъ онъ почувствовалъ медленное, глухое движеніе этой безформенной массы, скользившей неудержимо, какъ жизнь. Холодное и тлетворное дыханіе подымалось отъ этой воды, какъ трупъ. И Карлъ-Эдуардъ понялъ жестокій урокъ: жизнь также течетъ, неудержимая, темная, таинственная, увлекая тѣла побѣжденныхъ, безчисленныя тѣла. Оставшіеся въ живыхъ могутъ ихъ оплакивать, но всѣ должны пройти мимо и продолжать жить... Таковы правила игры...

— Дальше! — скомандовалъ мсье де Тюрзе. Онъ снова усѣлся въ автомобиль. Шоферъ тронулъ машину и, спустя минуту спросилъ:

— Отвезти васъ обратно, на Іенскую улицу? Какой номеръ?..

Карлъ-Эдуардъ весь содрогнулся, услыхавъ эти слова: «Іенская улица». Лишній разъ, быть можетъ въ сотый за эти четыре часа, онъ увидалъ Стеллу, отъ ея милыхъ дивныхъ волосъ до ея милыхъ маленькихъ ножекъ... И онъ увидѣлъ всю сверкающую и раздирающую трагедію ихъ любви, его и ея, съ первой встрѣчи въ госпиталѣ въ Компьенѣ, до послѣдней: вчера...

Но нужно было, нужно было несмотря ни на что, повелительно, продолжать жить. Стелла сама, развѣ она не продолжала, несмотря ни на что, повелительно, жить, — въ этомъ таинственномъ поѣздѣ, котораго онъ не нашелъ, но который уносилъ ее, куда?

Тогда Карлъ-Эдуардъ, громаднымъ усиліемъ подавляя слезы, навертывавшіеся на глаза, измѣнилъ маршрутъ:

— Нѣтъ, не на Іенскую улицу: на улицу де Роганъ... или нѣтъ вотъ что, въ кафе Режансъ...

Карлъ-Эдуардъ любилъ глядѣть на Парижъ въ любое время сутокъ, какъ любятъ всѣ, не жившіе въ немъ дѣтьми. Въ тѣ вечера, когда онъ одинъ возвращался на улицу де Роганъ, онъ часто садился сперва на террасѣ этого, стариннаго, меланхолическаго кафэ съ традиціонной репутаціей. Вернуться къ старой привычкѣ, наблюдая нынѣшнее возбужденіе, — что можетъ быть лучше?

Онъ отпустилъ шофера, щедро заплативъ ему, — хотя и не такъ щедро, какъ онъ платилъ весь вечеръ, — затѣмъ усѣлся и потребовалъ порцію мороженаго и послѣднюю газету. Послѣ этого онъ, не трогая ни того, ни другого, взглянулъ на французскій театръ, залитый огнями: еще не было одиннадцати часовъ.

Въ эту минуту подъ арками почтеннаго зданія появилась толпа людей, выливающаяся изо всѣхъ дверей.

— Антрактъ, — машинально произнесъ Карлъ-Эдуардъ. Его собственный голосъ разбудилъ его: онъ снова начиналъ впадать въ оцѣпѣненіе.

И въ ту же минуту другой голосъ, болѣе благозвучный, произнесъ надъ самымъ его ухомъ:

— Антрактъ, да! Добрый вечеръ, мсье де Тюрзе! Я какъ разъ нахожусь тамъ, въ залѣ напротивъ, и пришла сюда, потому, что мнѣ страшно хочется пить... Мѣсто за вашимъ столомъ свободно.. Мнѣ очень хочется мороженаго такую же порцію, какъ та, что стоитъ передъ вами... да, какъ та, до которой вы даже еще не дотронулись...

Принцесса Вогера, обнаженныя плечи которой еле прикрывалъ соболій палантинъ, усѣлась напротивъ Карла-Эдуарда.

— Пожалуйста, — заговорила она, — извините меня! это было очень смѣло съ моей стороны... Но въ

тотъ вечеръ у мадамъ д'Антэнъ мы наговорили другъ другу много непріятныхъ словъ... Но я бы не хотѣла, чтобы дѣло ограничилось этимъ... Я увѣрена, что мы оба, — и вы и я, — не легко забываемъ! Но это само по себѣ создаетъ извѣстную симпатію между нами... И вотъ, только что, когда я выходила изъ этого склепа...

— Изъ Французскаго Театра!..

— Да. Представьте себѣ, Французскій Театръ ставитъ сегодня пьесу Расина, — одну изъ его прекрасныхъ пьесъ, которыя почему-то такъ рѣдко ставятся... и Х. играетъ главную роль... Мой сосѣдъ спросилъ меня: «Повѣрите-ли вы, мадамъ, что этотъ Х. терпѣть не можетъ Расина?» Я ему отвѣтила: «Мсье, я этому не вѣрю! Но иная любовь губительнѣе ненависти!» — Что за театръ, мсье де Тюрзе! Въ немъ самыя великія произведенія становятся пошлыми... Но, извините меня: я болтаю, а вы даже не слушаете, и сидите съ такимъ видомъ, точно васъ покинула ваша любовница. Если это такъ, то прошу у васъ прощенія! Я, должно быть, страшно надоѣдаю вамъ своей болтовней...

Карлъ-Эдуардъ встрепенулся, какъ отъ удара хлыста:

— Мадамъ, моя разсѣянность безпредѣльна... Извините меня и докажите, что вы на меня не сердитесь: вы вѣдь больше не вернетесь въ вашу мрачную залу, я надѣюсь? Въ такомъ случаѣ самымъ благоразумнымъ будетъ поужинать со мной, хотя бы для того, чтобы убѣдиться, что ни одна любовница не бросила меня... Ибо, въ противномъ случаѣ, это было бы трагическимъ святотатствомъ...

Принцесса Вогера съ любопытствомъ поглядѣла на графа де Тюрзе.

— Трагическое святотатство? Право, не знаю!.. вы — таинственная личность!.. Неважно!.. Я принимаю... Мы поужинаемъ вмѣстѣ, мсье! — Но... не сегодня.

— Почему не сегодня?

— Потому что, во-первыхъ, вы должны объ этомъ

подумать. — Это не пустякъ, даже для васъ, — поужинать со мной. — Во-вторыхъ, Французскій Театръ интересуетъ меня: я хочу посмотрѣть, какія еще драматическія ошибки надѣлаетъ идолъ публики Х.

— Но вы обѣщаете, что ужинъ только отложенъ?

— О, конечно! Когда вы хотите, гдѣ вы хотите, какъ вы хотите!

— Подумаемъ!.. Завтра, безъ церемоній, у меня?

— Завтра? Вы нетерпѣливы! — Ну, что же, пускай! — Я вамъ обѣщаю.

— Не обѣщайте мнѣ ничего... Развѣ вотъ, объяснить тѣ слова... рѣзкія слова, которыя вы сказали мнѣ у мадамъ д'Антэнъ... Кстати, гдѣ это, у васъ?..

Карлъ-Эдуардъ собирался произнести: «Я живу недалеко отъ Тріумфальной арки...», какъ вдругъ какой-то таинственный демонъ завладѣлъ его душой и вложилъ ему въ уста:

— Я живу совсѣмъ близко отсюда: на улицѣ Роганъ...

XI.

Часомъ позже, у себя, — на улицѣ Роганъ, — Карлъ-Эдуардъ возмущался и негодовалъ, чувствуя, что онъ забылъ тайное и трагическое бѣгство Стеллы, и упорно думалъ о предстоящемъ визитѣ мадамъ де Вогера.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

НЕИСТОВСТВА.

Это сама Венера . . .
РАСИНЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Неистовства.

— Итакъ, — прошептала Фіамма Вогера, вытянувшись въ углубленіи дивана и опираясь головой на руку, — итакъ, вы не имѣете никакихъ извѣстій о мадамъ де Спангеймъ?

Карлъ-Эдуардъ, вытянувшись на томъ же диванѣ, лицомъ къ лицу со своей гостьей, подносъ съ хересомъ между ними, задумчиво отвѣтилъ:

— Непосредственно нѣтъ...

— Непосредственно? — съ любопытствомъ спросила принцесса.

Каждый разъ, когда какое нибудь душевное движеніе овладѣвало ею, по ея тѣлу пробѣгала дрожь.

— Непосредственно, — повторилъ Карлъ-Эдуардъ, не глядя на свою сосѣдку: — я хочу сказать, что мадамъ де Спангеймъ мнѣ не писала и никому не поручала передать мнѣ что-нибудь. Но изъ другихъ источниковъ я узналъ...

— Вы узнали?..

Принцесса Вогера не спускала пристальнаго взгляда со своего визави...

— Я узналъ, что мой инстинктъ меня не обманулъ. Мадамъ де Спангеймъ, вопреки вѣроятію, уѣхала съ Ліонскаго вокзала, какъ я это почувствовалъ. Есть многое на свѣтѣ!.. Я узналъ также, что изъ Марселя мадамъ де Спангеймъ моремъ отправилась въ Неаполь. Это все, что я знаю... Я хочу этимъ сказать, что я не знаю, путешествуетъ ли мадамъ де Спангеймъ по Италіи или по

востоку, или вернулась уже въ Богемію. Впрочемъ, въ данную минуту для меня важно только знать, что не надо опасаться извѣстныхъ вещей. И вы, мадамъ, меня очень обяжете, прекративъ разговоръ о баронессѣ де Спангеймъ.

Принцесса Вогера, очень гибкая, медленно повернулась и оперлась на другой локоть. Она слушала со страстнымъ вниманіемъ:

— Сейчасъ, — сказала она, — я перестану говорить съ вами объ этомъ. Никогда больше, я вамъ обѣщаю. Но въ данный моментъ позвольте мнѣ задать вамъ еще одинъ или два вопроса. Если я васъ правильно поняла, вы въ первую минуту, узнавъ объ отъѣздѣ де Спангеймъ, почувствовали сильное горе?

— Очень сильное, да! Если бы вы прожили цѣлую жизнь, вплоть до послѣдняго дня, вы бы не умерли, не испытывая раздражающаго сожалѣнія.

— А? Такъ вы говорите, вы прожили цѣлую жизнь? Я хочу сказать: вы испытали подлинную, могущественную любовь, вплоть до послѣдняго переживанія?

— Да.

— А теперь?

— Теперь?

— Да. Теперь вы еще мертвы, или вы начинаете воскресать.

Она глядѣла ему въ лицо, очень близко. Въ ея взглядѣ не было ни вызова, ни робости.

Онъ подумалъ, затѣмъ осмѣлился категорически заявить:

— Я начинаю воскресать.

— Вы увѣрены? — Почему?

— Потому что новая одержимость...

Она продолжала смотрѣть на него. Но онъ не глядѣлъ на нее. Его глаза были устремлены внизъ.

Тогда принцесса Вогера улыбнулась, — для себя.— Затѣмъ она безъ усилія поднялась, — ея сила соотвѣт-

ствовала ея гибкости, — поставила въ сторону подносъ съ хересомъ и снова вытянулась, рядомъ съ Тюрзе.

— Вы говорили о новой одержимости? — повторила она, наконецъ, измѣнившимся голосомъ, ставшимъ глухимъ и горячимъ...

Онъ не отвѣчалъ. Молчаніе сгустилось между ними. Лицомъ къ лицу на диванѣ между подушками, они, опустивъ глаза, наблюдали другъ за другомъ, искусно притворяясь равнодушными. Такъ два противника передъ началомъ дуэли, — быть можетъ, смертельной, — слѣдятъ...

Карлъ-Эдуардъ обернулся, чтобы взять съ подноса, отодвинутаго принцессой Вогера, хересъ. Муранскіе бокалы, конусы дымчатаго цвѣта, мутнѣли на прозрачныхъ стебляхъ. Два раза подрядъ налитые бокалы были выпиты. Вогера пила залпомъ; Карлъ-Эдуардъ смаковалъ вино, еле обмакивая губы...

И онъ и она ждали, что будетъ. Ждали того, что оба еще не предвидѣли, или, вѣрнѣе, не осмѣливались предвидѣть, не такъ скоро...

Внезапно Карлъ-Эдуардъ, полу-лежа, полу-приподнимаясь, взялъ руку Фіаммы Вогера...

Рука, которую взялъ мужчина, вѣдь это ничего? Каждый Божій день десятки тысячъ женщинъ позволяютъ кому попало схватить свою руку и очень мало безпокоятся, что схватившій станетъ дѣлать со своей маленькой добычей... Пусть онъ ее трогаетъ, пусть онъ ее пожимаетъ, пусть онъ ее цѣлуетъ: никакихъ слѣдовъ, неправда ли?

Вѣроятно по этимъ, не допускающимъ возраженія, соображеніямъ, Фіамма Вогера спокойно предоставила Карлу-Эдуарду свою руку, — руку съ длинными пальцами, миндалевидными розовыми ноготками, шелковистую ладонь и узкое запястье...

Тогда то случилось то, что должно было произойти; то, что, вѣроятно, было записано въ книгѣ судебъ. Оказавшись въ плѣну у Карла-Эдуарда, рука Фіаммы Вогера даже не пыталась освободиться. Она безвольно отдала себя въ его власть. И все же нельзя было себѣ представить что-нибудь болѣе живое, болѣе пылкое, обѣщающее больше ощущеній, впечатлѣній и сладострастныхъ переживаній, чѣмъ этотъ маленькій кусочекъ живого тѣла, уже теперь вибрирующій и трепещущій, но страющійся казаться безразличнымъ въ трепещущихъ и вибрирующихъ тискахъ, сжимающихъ ее...

Тогда Карлъ-Эдуардъ поднесъ эту руку къ своимъ губамъ почти благоговѣйнымъ жестомъ...

Почти касаясь ея губами, онъ разсматривалъ ее вблизи. И онъ забылъ несравненную нѣжность кожи и чувственную теплоту крови, пульсаціи которой были ясно видны сквозь слишкомъ прозрачный слой, и залюбовался чистымъ рисункомъ, руки, достойной царицы, съ ослѣпительно совершенными линіями! Точно въ блескѣ молніи Карлъ-Эдуардъ увидалъ передъ собой всѣ женскія руки, которыя онъ когда-то цѣловалъ; цѣломудренное или похотливое прикосновеніе которыхъ къ своимъ губамъ онъ испыталъ... Поистинѣ, это была царственная и несравненная рука, которую онъ держалъ. Несравненнымъ и царственнымъ былъ ароматъ, струившійся отъ нея. Ни шипръ, ни сандалъ, ни гвоздика не смогли бы заглушить его и вытѣснить изъ жадно вдыхавшихъ ширящихся ноздрей. — Улыбаясь, небрежно и, быть можетъ, насмѣшливо, принцесса Вогера отдала ему руку, свое обнаженное плечо, — всю себя...

Тогда поцѣлуй внезапно обрушился на плѣненную руку, поглотилъ ее, пробѣжалъ по пальцамъ, дошелъ до кисти и, перейдя эту границу, сталъ подыматься къ локтю. Онъ подвигался медленно, сладострастно вдоль неподвижной руки и застылъ у сгиба логтя, этой второй, рѣшительной границы. — Ибо до этой нѣжной складки

кожи, поцѣлуй — только любезность; надъ ней они становятся чувственными... Но губы Карла-Эдуарда внезапно перебросились черезъ роковой рубежъ. И поцѣлуй, заколебавшійся было и на цѣлыхъ двадцать секундъ замершій во влажномъ углубленіи, — быстрымъ движеніемъ поднялся по нѣжному изгибу безупречной руки до плеча и до душистыхъ волосъ въ ямкѣ подъ нимъ.

Отъ плеча такъ близко до губъ...

Этотъ поцѣлуй безконеченъ.

ПЬЕРЪ ЛУЙ.

II.

Огромный диванъ обрамлялъ теперь два нагихъ тѣла, страстно сливающихся, переплетающихся, смѣшивающихся и проникающихъ одно въ другое. Однако изъ то сходящихся, то покидающихъ другъ друга устъ не вырывался ни одинъ звукъ, если не считать тѣхъ таинственныхъ словъ, которыя, вотъ уже тысячелѣтіями, упорно дрожатъ на губахъ мужчины и женщины въ минуты любви...

И вотъ когда тѣла Фіаммы и Карла-Эдуарда, истомленныя и то и другое, остались неподвижными въ углубленіи дивана, воцарилась тишина.

Много, много часовъ спустя, когда подымалась жемчужная заря, мьсе де Тюрзе пошелъ провожать принцессу Вогера домой. Они не обмѣнялись ни словомъ. Вокругъ нихъ въ начинавшей ржавѣть листвѣ каштановъ и навлоніи авеню Буа-де-Булонь щебетали птицы, какъ если бы стояла ранняя весна, а не осень...

Такъ Карлъ-Эдуардъ и Фіамма дошли до небольшой улички, въ которой жила принцесса. Когда Фіамма по-

просила Карла-Эдуарда дальше не ходить, онъ внезапно, подумалъ вслухъ:

— Принцъ Вогера, вашъ мужъ, умеръ?

— Но отнюдь нѣтъ! Онъ въ добромъ здравіи и я молю всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ боговъ продлить его дни! Мы разстались съ нимъ, но вполнѣ подружески, вотъ и все.

— Но это одно и то же...

— То-есть?

— То-есть вы полновластная хозяйка въ своемъ домѣ. Почему же вы не хотите удостоить меня чести и позволить проводить васъ до вашихъ дверей, и, даже, еще дальше?

Тутъ принцесса Вогера разсмѣялась:

— До моихъ дверей и, даже, еще дальше?.. Вы очаровательны, дорогой мой!.. Однимъ словомъ, вы хотите съ тріумфомъ совершить свой въѣздъ ко мнѣ?

— О! не будемъ говорить о тріумфѣ...

— Хорошо!.. Но тріумфъ, или нѣтъ, неужели вы думаете, что вы невидимы? Вы увѣрены, что никто на свѣтѣ не имѣетъ права удивляться или сердиться, увидя, что въ мой домъ проникаетъ мужчина, — да еще такой, какъ вы, мой дорогой? Будьте разсудительны! мы должны поставить точки надъ і! Такъ вотъ что. Только что я позволила себѣ... спать... вмѣстѣ съ вами... О! я называю вещи своими именами!.. Но не думаете ли вы, что вы первый, къ которому я такъ снизошла? Я не нуждалась въ этомъ починѣ для того, чтобы спать со всѣми, съ кѣмъ мнѣ приходило въ голову... И въ данную минуту у меня есть любовникъ. Да: оффиціальный любовникъ. И онъ мнѣ нравится, я дорожу имъ. Слѣдовательно я вовсе не собираюсь бросать его ради васъ. Болѣе того, я намѣрена ни за что въ мірѣ не бросать его. — Итакъ, мсье де Тюрзе: простите великодушно, но здѣсь наши пути расходятся. Я иду направо, вы ступайте налѣво. Итакъ: доброй ночи! то-есть, съ добрымъ

утромъ, хотѣла я сказать... взгляните: встаетъ румяная заря!

Она свернула направо, какъ и сказала. И Карлъ-Эдуардъ, не сказавшій ни слова, остался стоять неподвижно, чувствуя, какъ волна возмущенія заливаетъ его. Ибо никогда онъ еще не испытывалъ чувства ревности.

III.

Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ до того! Вѣдь, я ея не люблю!

Онъ шелъ по дерну аллеи и остановился для того, чтобы закурить. Затянувшись три раза, онъ спряталъ въ карманъ зажигалку; двинувшись дальше, онъ счелъ необходимымъ подтвердить самъ себѣ:

— Я ея не люблю. Съ какой стати я бы сталъ ее любить.

Вокругъ него просыпался Парижъ. Какъ это бываетъ часто, ноябрь загримировался подъ май. Небо было сине, прекрасной новой синевой, точно только-что вымытое. Забавно растрепанныя порывами вѣтра облака загорались золотомъ отъ прикосновенія первыхъ лучей солнца. Утро переливалось перламутромъ. Проѣхалъ запоздавшій такси. Карлъ-Эдуардъ предпочелъ пойти пѣшкомъ: онъ наслаждался прогулкой по утренней росѣ, брилліантовыми блестками расцвѣчивающей каждый листокъ и переливающейся тысячами крошечныхъ радугъ. Быстрымъ, слегка нервнымъ шагомъ, Карлъ-Эдуардъ направлялся къ Тріумфальной Аркѣ. Фошъ и Манжэнъ прошли подъ этими воротами славы. И тѣнь Наполеона до нихъ, безъ сомнѣнія... Карлъ-Эдуардъ почтительно обошелъ арку: только пресмыкающіеся покрываютъ слизью слѣды героевъ. Онъ прошелъ до Елисейскихъ полей, въ быстрой ходьбѣ стараясь использовать избытокъ своихъ силъ...

— Я ея совершенно не люблю: это ясно!

Внезапно, у Ронъ-Пуанъ онъ подумалъ, что истина для своего утвержденія не нуждается въ повтореніи.

Это доказывало, что онъ уже любилъ ее.

Любовникъ? оффиціальный любовникъ?.. Ладно, ладно... кто?

И онъ началъ искать.

IV.

Ищущіе найдутъ. Такъ написано.

Кто много ищетъ, иногда находитъ слишкомъ много.

Карлъ-Эдуардъ, начавъ искать, нашелъ больше, чѣмъ онъ надѣялся, — или опасался.

Принцесса Вогера въ глазахъ всего свѣта была женщиной безъ предразсудковъ, не привыкшей отказывать себѣ въ исполненіи своихъ капризовъ. Такія репутаціи въ Парижѣ довольно часты, хотя не всегда заслуженны. Иногда маленькій огонекъ вызываетъ очень много дыма. Но Карлъ-Эдуардъ скоро установилъ, что въ данномъ случаѣ дымъ, — какъ бы черенъ онъ ни былъ, — пустяки по сравненію съ огнемъ, который онъ скрывалъ.

Говоря яснѣе: Фіамма Вогера, разставаясь съ нимъ въ концѣ Авеню Буа-де-Булонь, въ ясное ноябрьское утро, съ улыбкой на устахъ заявила ему, что она имѣла оффиціальнаго любовника.—Такъ вотъ: это было проявленіе скромности... Любовникъ! Всего одинъ? Фіамма Вогера могла, не хвастаясь, умножить его на десять... Понятно, что рѣчь шла только о данномъ: въ любви, кто помнитъ о вчерашнемъ днѣ?

Впрочемъ, тѣ десять или пятнадцать именъ, которыя Карлъ-Эдуардъ узналъ еще въ зачаточной стадіи своихъ розысковъ, были безукоризнены. Фіамма Вогера развратничала, но не размѣнивалась. Подобно бѣло-шер-

стымъ кошкамъ, смѣло бѣгающимъ по помойнымъ ямамъ, она умѣла возвращаться чистой, аккуратной, съ гладкой шерстью, — безъ мезальянса. — Это открытіе увеличило мученія Карла-Эдуарда: изо всѣхъ десяти именъ, ни одно не было недостойно имени Тюрзе, которое онъ носилъ! — Ибо это были Шомонъ, Ортезъ, Фонтенуа, Артуръ Андрьюсъ, Поэ, американецъ, д'Антэнъ (воспитанникъ Сэнъ-Сира, сынъ графини)... и еще другіе, стоющіе этихъ...

Двѣ гнѣвныхъ мысли прорѣзали холодную ярость послѣдняго любовника.

Сперва:

— Я убью двухъ-трехъ изъ нихъ, чтобъ она знала...

Затѣмъ:

— Но только, прежде всего, надо выяснить, о комъ она говорила въ то утро, когда она осмѣлилась сказать мнѣ: «у меня есть любовникъ»... Ибо онъ, понятно, имѣетъ право на первую очередь...

Для того, чтобы узнать десять именъ, Карлу-Эдуарду не понадобилось и пятнадцати дней. Для того, чтобы узнать, какое изъ нихъ было то, которое ему было нужно, — худшее, однимъ словомъ, — ему понадобилось еще пятнадцать дней. И Карлъ-Эдуардъ узналъ, что это, безъ сомнѣнія, былъ Мишель Шомонъ, — географъ, не поэтъ, — о которомъ думала Фіамма, говоря о своемъ «оффиціальномъ» любовникѣ. Не потому, что онъ значилъ для нея больше, чѣмъ Пьеръ д'Ортезъ или Бертранъ Фонтенуа. Но Мишель Шомонъ слылъ виртуозомъ шпаги въ такой же мѣрѣ, какъ и пистолета. Карлъ-Эдуардъ вспомнилъ какую-то глухую исторію о дуэли между Шомономъ и чемпіономъ Франціи, Шартелемъ, дуэли, окончившейся не плохо для географа. Никакого сомнѣнія: оба дрались изъ-за своей общей любовницы... ибо Максимиліанъ Шартель принадлежалъ къ консор-

ціуму... Въ результатѣ, побѣдитель въ глазахъ героини казался достаточно опаснымъ для того, чтобы, во-первыхъ, гордиться имъ, а, во-вторыхъ, разсчитывать, въ случаѣ необходимости на его протекцію...

— Протекція?.. Ну, посмотримъ!.. Обѣщаю тебѣ, мое милое дитя, что, если тебѣ нужна протекція, тѣ, на которыхъ ты разсчитываешь, въ ней больше нуждаются, чѣмъ ты сама...

Въ тотъ же вечеръ, зайдя въ клубъ, Карлъ-Эдуардъ полчаса фехтовалъ съ тремя самыми сильными профосами и основательно искололъ ихъ. Ярость сдѣлала его мускулы стальными, и его удары сверкали какъ молніи. Учитель фехтованія самъ взялъ шпагу, но послѣ третьяго парада далъ сигналъ и вышелъ изъ позиціи:

— Господинъ графъ сегодня свирѣпъ, какъ тигръ! Я не стану продолжать: господинъ графъ проткнетъ меня точно жаворонка вертеломъ...

При выходѣ, въ вестибюлѣ клуба Карлъ-Эдуардъ столкнулся съ двумя пріятелями, которыхъ онъ зналъ мало, но достаточно для того, чтобы просить ихъ объ опредѣленной услугѣ:

— Добрый вечеръ, господа! — сказалъ онъ... Кстати... очень возможно, что черезъ два-три дня мнѣ понадобятся двое товарищей: — для кого-то, кто меня ищетъ и, безъ сомнѣнія, найдетъ... Могу яразсчитывать на васъ?.. Даже если я окажусь оскорбленнымъ, я заранѣе соглашаюсь на всѣ мыслимыя условія, если они будутъ серьезны...

Спрошенные и не думали уклоняться отъ исполненія просьбы пріятеля, который самъ не собирался уклоняться...

V.

Все же, какъ ни храбръ былъ Карлъ-Эдуардъ, и какъ онъ ни хотѣлъ убить двухъ-трехъ любовниковъ Фіаммы, дуэль не состоялась... то есть не состоялась

тотчасъ-же. Дѣло дошло до того, что его свидѣтели, слишкомъ рано предупрежденные, были изумлены.

Карлъ-Эдуардъ не заикался о дуэли. Но ему было стыдно. Впрочемъ, этотъ стыдъ онъ быстро подавилъ. Дѣйствительно, не прошло и трехъ недѣль, какъ онъ фамильярно пожималъ руку Мишеля де Шомонъ, и, вдобавокъ, руку Бертрана Фонтенуа, и руку Пьера д'Ортезъ, и руку Максимиліана Шартель, и еще рядъ рукъ, внушающихъ ему чувство безпокойства... Болѣе того: встрѣтивъ однажды вечеромъ хорошенькаго сэнъ-сирьянца, сына мадамъ д'Антэнъ, и, по всей вѣроятности, тайнаго чичисбея принцессы Вогера, мсье де Тюрзе велъ себя съ этимъ большимъ мальчикомъ сердечно, снисходительно и, чуть замѣтно, насмѣшливо. Въ концѣ концовъ онъ предложилъ ему не стѣсняться и воспользоваться его, Карла-Эдуарда, вліяніемъ у коменданта училища и въ канцеляріяхъ на улицѣ Санъ-Доминикъ.

Странно? — нѣтъ: логично. — Въ продолженіи упомянутыхъ трехъ недѣль Фіамма Вогера сумѣла убѣдить Карла-Эдуарда,—доставивъ ему тѣ тайныя доказательства, которыя единственно играютъ роль между любовникомъ и любовницей, — что во всемъ мірѣ для нея не существуетъ никого, кромѣ него, Карла-Эдуарда...

И это была правда.

На зло всѣмъ великимъ людямъ, писавшимъ о любви, — включая Ронсара, Расина, Мюссэ, Бальзака и Прево, — физіологическая сторона этой таинственной болѣзни остается тайной. — Кромѣ глупостей, никто никогда ничего объ этомъ не скажетъ. — Впрочемъ, это станетъ понятнымъ, если запомнить слѣдующую истину: что ни одинъ мужчина и ни одна женщина, никогда не будутъ любить такъ, какъ до нихъ любили какой нибудь другой мужчина и какая нибудь другая женщина. Въ этомъ отношеніи любовь похожа на лица и листья: полнаго совпаденія не существуетъ, хотя бы вы стали искать отъ сотворенія міра до скончанія вѣковъ. И рис-

кованная сексуальная игра не знаетъ никакихъ правилъ: одни только исключенія.

Любовь Карла-Эдуарда къ Фіаммѣ и любовь Фіаммы къ Карлу-Эдуарду была такимъ исключеніемъ. Ничего больше.

Судите сами: онъ любилъ только одинъ разъ, причемъ любовью настолько отличной, что онъ уже не помнилъ ея, искренне былъ увѣренъ, что забылъ ее... Она... впрочемъ, оставимъ ее въ сторонѣ для того, чтобы не усложнять проблемы: сердце женщины такъ непонятно для каждаго мужчины... и для каждой женщины, если это не она сама... Коротко: все было ново и безпримѣрно какъ для него, такъ и для нея; особенно для него. Онъ зналъ, — о! съ полной увѣренностью! — что она его любила. Онъ не требовалъ ничего больше. Настолько, что когда она, какъ то разъ, значительно позже, освобождаясь изъ его объятій и вся измученная наслажденіемъ, крикнула ему:

— Ты знаешь, что я ни разу не обманула тебя, съ того дня, когда ты впервые взялъ меня?

Онъ машинально отвѣтилъ, даже не подумавъ, что его отвѣтъ былъ оскорбленіемъ:

— Серьезно? Очень лестно!.. Къ чему ты пересиливала себя, моя любовь?

Между тѣмъ, онъ былъ ревнивъ, какъ тигръ. Для того, чтобы такъ пренебрежительно относиться къ физической вѣрности своей подруги, онъ долженъ былъ быть увѣренъ, вполнѣ увѣренъ, въ другой вѣрности, самой страшной — вѣрности сладострастія, повелѣвающей вѣрности чувствъ. — И онъ былъ увѣренъ. — Значитъ, онъ ревновалъ самый актъ? Почему?

Они любили другъ друга, Фіамма и Карлъ-Эдуардъ. — Они любили другъ друга по настоящему, безумно. — И, какъ обычно, они не знали почему, ни тотъ, ни другой. — Какъ только знаешь, почему любишь, — значитъ,

больше не любишь.

Ничего болѣе разнаго, ничего болѣе противоположнаго, чѣмъ эти любовники. Мужчина можетъ обладать ста женщинами, или тысячей, и оставаться нетронутымъ. Женщина, познавшая двухъ мужчинъ, перестаетъ быть цѣломудренной. — Онъ за всю свою жизнь не имѣлъ и десяти любовницъ; и лишь одинъ Богъ могъ сосчитать мужчинъ, которымъ она отдавалась изъ любопытства, презрѣнія и похоти. Но въ ихъ связи она сама не зная почему, играла роль дѣвушки, а онъ, что было особенно странно, изображалъ развратника, изощреннаго въ самыхъ дикихъ оргіяхъ. Ибо съ самаго начала ихъ любовь, минуя всѣ этапы, отъ нѣжности перешла къ разврату, отъ разврата къ извращеніямъ...

— Любишь это?..

— А это?..

— Можно было бы еще...

Можно было и это. Послѣ чего, перейдя дальнѣйшія границы, можно было еще многое.

Однажды онъ сказалъ, заранѣе улыбаясь:

— Ты помнишь первый разъ?.. Я поцѣловалъ твою руку, отъ запястья до сихъ поръ, и отсюда досюда... потомъ я овладѣлъ твоимъ ртомъ...

И, улыбаясь, какъ улыбался онъ, она докончила:

— Потомъ это было очень плохо!.. Это всегда плохо, когда еще не привыкъ другъ къ другу... Но мало-помалу...

Въ тотъ-же день, — вѣрнѣе, въ ту же ночь, — воображеніе сыграло съ Карломъ-Эдуардомъ плохую шутку: дерево познанія добра и зла далеко пустило свои корни. Этимъ объясняется, почему, внезапно, не обдумавъ своихъ словъ, любовникъ Фіаммы, держа ее въ своихъ объятіяхъ, всю нагую, безо всякой связи спросилъ:

— Счастлива?

— Да, — искренне отвѣтила она.

— Совсѣмъ счастлива?

— Да.

— Счастливѣе, чѣмъ ты когда-нибудь была?

Десять тысячъ женщинъ изъ десяти тысячъ и одной крикнули бы «да». Фіамма, почти исключительное существо, потому что почти неспособная ко лжи, внезапно напряглась для того, чтобы освободить свой ротъ отъ губъ, лежавшихъ на немъ.

И три секунды прошли, прежде чѣмъ Карлъ-Эдуардъ повторилъ уже измѣнившимся голосомъ:

— Счастливѣе, чѣмъ ты когда нибудь была?

— Мой любимый, — медленно прошептала принцесса Вогера, — вы сдѣлали ошибку. Васъ избаловала жизнь. Повѣрьте мнѣ, не всѣ женщины — заранѣе обреченныя жертвы, какъ... какъ та, о которой я думаю, и о комъ, какъ я предполагаю, думаете вы...

— «Счастливѣе, чѣмъ когда бы то ни было», — спросили вы? — Какъ я могу знать? Прошедшее спало во мнѣ. Вы разбудили его. Берегитесь, берегитесь!.. Прошедшее—кровожадная бестія, жатва которой — настоящее. — О! вы сдѣлали большую ошибку! Большую, чѣмъ я сама думала... Я ни о чемъ плохомъ не думала, и вотъ вы заставили меня вспомнить о тысячѣ безумствъ. — Правда, вы прекрасны среди сыновъ людей и вы любовникъ, которымъ можно гордиться... Сверхъ всего, вы пожертвовали мнѣ благороднѣйшую соперницу... Да. — Но, знаете ли вы, какой женщиной я была еще вчера, и кто были мои соперницы; и кто были моими любовниками до этого маленькаго обстоятельства: вашего вторженія въ мою жизнь?

Внезапно отпустивъ другъ друга, они, все еще голые, но цѣломудренные, подобно двумъ неустрашимо нападающимъ статуямъ, стояли другъ противъ друга, точно готовясь помѣриться силами. Ихъ взгляды стремились проникнуть сквозь непроницаемую броню зрачковъ и хрусталика, скрывающихъ зеркало глазъ и мозгъ.

Все же и несмотря на эту внезапную и глубокую размолвку, возникшую между ними, ихъ чувства не

умолкли и запахъ ихъ тѣлъ, проникая другъ въ друга, но не смѣшиваясь, разжигалъ ихъ обоюдное желаніе. Они вскорѣ уступили этому желанію, и очень жадно.

Но червякъ лишній разъ оказался въ плодѣ.

Позже, незадолго до зари, Фіамма собралась уходить, какъ она дѣлала обычно, когда проводила ночь на улицѣ Роганъ, — что случалось пять разъ въ недѣлю. Передъ самымъ уходомъ она, по установившемуся обряду спросила, быть можетъ, не подумавъ:

— Вы меня проводите, мой дорогой?

— Отъ всего сердца и какъ знакъ должнаго уваженія!

Въ дверяхъ они обмѣнялись быстрымъ поцѣлуемъ. Онъ тоже принадлежалъ къ обряду. Послѣ совмѣстныхъ ночей они изъ странной гордости пытались доказать другъ другу свое умѣніе въ любой моментъ овладѣть сердцемъ и плотью. Но на этотъ разъ ихъ поцѣлуй былъ едва замѣтно продленъ.

Потомъ они пошли рядомъ, глубоко задумавшись...

На углу улицъ Кастильоне и Сэнтъ-Онорэ, полицейскій, освоившійся съ привычками всѣхъ ночныхъ гулякъ своего района, узналъ ихъ и сталъ добродушно настаивать, чтобы они не шли дальше, а здѣсь же подождали автомобиль:

— Шоферъ Политъ изъ Леваллуа, уѣхалъ въ Сэнъ-Жерменъ-де-Прэ. Онъ обязательно долженъ вернуться черезъ пять минутъ. Вы окажете ему услугу, поѣхавъ съ нимъ въ его направленіи. Все равно, отсюда до улицы Руаяль, вы не встрѣтите такси.

Дѣйствительно, шоферъ Политъ почти тутъ же подъѣхалъ. Полицейскій остановилъ его повелительнымъ движеніемъ дубинки...

Черезъ четверть часа Карлъ-Эдуардъ помогалъ Фіаммѣ выйти изъ автомобиля передъ ея дверью. — Вотъ уже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль принцесса Вогера

позволяла своему любовнику провожать ее дальше обычнаго. Она жила въ двухъ шагахъ отъ Дофинскихъ воротъ, на улицѣ Бенувиль. А улица Бенувиль — пустыня и днемъ и ночью. Все же мсье де Тюрзе никогда еще не переступалъ порога маленькаго особняка, входъ въ который ему былъ такъ категорически запрещенъ въ свое время.

— Фіамма, — сказалъ Карлъ-Эдуардъ, пока она вставляла крошечный ключъ въ замочную скважину,— Фіамма, я желаю вамъ пріятнаго сна и добраго утра, что бы ни случилось.

Она рѣзко обернулась, какъ дуэллянтъ, становящійся въ позицію:

— Пардонъ? Я не вполнѣ васъ поняла?.. «Что бы ни случилось?»

— Богъ мой, да!.. — сказалъ онъ съ разсѣяннымъ видомъ: — потому что вы сказали мнѣ раньше кое-что, чего я не забылъ, и что я вообще намѣренъ не такъ скоро забыть...

Она прислонилась къ все еще запертымъ дверямъ. Она пристально смотрѣла на него, еще не вполнѣ увѣренная въ точномъ смыслѣ словъ, одно за другимъ упавшихъ съ его губъ. Она переспросила, чтобы понять ихъ скрытный смыслъ:

— Кое-что, что вы намѣрены не забывать?..

Тогда онъ поставилъ точки надъ і:

— Совершенно вѣрно! — подтвердилъ онъ: — только что, когда я васъ держалъ въ своихъ объятіяхъ, вы, какъ будто, не собирались умирать и не особенно страдали. Несмотря на это, въ то же время васъ осаждали и вами владѣли тысячи воспоминаній... это такъ?

Она рѣшила, что онъ бросаетъ ей вызовъ, быть можетъ, издѣвается надъ ней. Она обладала храбростью. Она перешла въ аттаку:

— Совершенно вѣрно, — сказала она. — Ибо я не знаю, что такое другія женщины, и какъ онѣ чувствуютъ. Но я, когда я люблю, я какъ бы перелистываю велико-

лѣпный непристойный альбомъ; и мой партнеръ послѣдовательно принимаетъ всѣ лица, всѣ движенія и всѣ позы всѣхъ мужчинъ, которыхъ я знала и которые были моими партнерами до него.

Онъ страшно поблѣднѣлъ:

— Прекрасно, — сказалъ онъ. — Разъ это такъ, то еще одно, послѣднее слово: если завтра мсье д'Ортезъ, или Шартель, или д'Антэнъ, или де Шомонъ, или Фонтенуа, или Поэ, умерли бы внезапной смертью, вы бы сочли себя обязанной одѣть трауръ?

Она отвѣсила ему безстрастный поклонъ: на этотъ разъ она поняла:

— Дорогой другъ, — улыбаясь сказала она, — даже если бы васъ завтра отвезли на кладбище, я бы сочла излишнимъ надѣть крэповую ленту въ вашу честь!

Тогда старая кровь Стюартовъ закипѣла во всѣхъ жилахъ Карла-Эдуарда:

— Спасибо, — сказалъ онъ, — это все.

Она протянула руку. Онъ склонился, но не коснулся ея, ни рукой, ни губами:

— Дорогой другъ, до скораго свиданія!

Она еще не успѣла открыть дверь, какъ онъ уже садился въ автомобиль. Внезапно она его позвала. Онъ обернулся, но не подошелъ къ ней.

— Чарли, — шепнула она...

Ея голосъ прозвучалъ такъ странно, что онъ удивился. Онъ даже сдѣлалъ два шага по направленію къ воротамъ.

Она повторила:

— Чарли...

Онъ ничего не сказалъ, но, заинтересованный, посмотрѣлъ на нее. Тогда она продолжала, смущенная, какъ бываютъ женщины, неожиданно обнаружившія въ своей душѣ таинственныя глубины:

— Чарли... Вы это серьезно? Вы ревнивы... настолько, что злы на всѣхъ, кто... прежде?..

— Да, — сухо сказалъ онъ.

— И вы окончательно рѣшили?..

— Да.

Она замолчала, колеблясь. Онъ, желая кончить съ этимъ, улыбнулся, поклонился и сдѣлалъ шагъ назадъ..

— Нѣтъ! — поспѣшно произнесла она: — еще одну минуту... У меня къ вамъ есть одна маленькая просьба...

— Назовите ее.

— Такъ вотъ... — она видимо колебалась: — вы собираетесь драться съ однимъ, а, можетъ быть, и съ нѣсколькими изъ этихъ господъ, которыхъ вы назвали?

Онъ снова коротко отвѣтилъ:

— Да.

Тогда она умоляюще продолжала:

— Тогда... вѣдь, я не могу похвастаться особеннымъ вліяніемъ на васъ... и не могу разсчитывать уговорить васъ отказаться...

— Не пытайтесь. Это безполезно.

— Хорошо! — сказала она, набравшись смѣлости:— но, тогда, вспомните, что я ваша любовница, а благовоспитанный человѣкъ не имѣетъ права отказывать своей любовницѣ въ чемъ бы то ни было, за исключеніемъ невозможнаго или задѣвающаго честь!

— Вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что разъ вы намѣрены обмѣняться ударомъ шпаги или пистолетными...

Онъ перебилъ ее:

— Или тѣмъ и другимъ.

Она продолжала, съ внезапно заблиставшими глазами:

— Съ однимъ изъ этихъ господъ... съ наименѣе опаснымъ... напримѣръ... съ маленькимъ д'Антэнъ... или...

Онъ снова перебилъ ее:

— Или съ самымъ опаснымъ... съ кѣмъ?

— Мишелемъ де Шомонъ, — быстро произнесла она...

— Скажу короче: въ этомъ случаѣ я бы очень хотѣла видѣть.... О! я бы не хотѣла, чтобы меня видѣли... Но изъ закрытаго автомобиля, или изъ оконъ, можно такъ легко... Чарли, не судите меня очень строго... Я понимаю, — въ вашихъ глазахъ я должна показаться маленькимъ хищнымъ звѣрькомъ, самкой, падкой до зрѣлища крови... Но для женщины это такое волнующее зрѣлище: двое мужчинъ, старающихся убить другъ друга для того, чтобы владѣть ею, слабой... владѣть ею безраздѣльно... Тѣмъ болѣе, что, какъ я вамъ уже объяснила, женщина обладаетъ достаточно богатымъ воображеніемъ для того, чтобы ни одинъ мужчина не былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ , что она всецѣло принадлежитъ ему, даже если онъ беретъ ее дѣвственницей... Кто изъ васъ сможетъ когда-либо, объять всѣ наши мечтанія, включая самыя тонкія и непристойныя?..

VI.

— Алле, мессье!

Дуэль была нешуточной: два выстрѣла на двадцать шаговъ и, — если они не рѣшатъ дѣло, — шпаги. И вотъ это и случилось. Карлъ-Эдуардъ де Тюрзе два раза стрѣлялъ въ Мишеля де Шомонъ, и Мишель де Шомонъ два раза стрѣлялъ въ Карла-Эдуарда де Тюрзе. Но несмотря на то, что оба въ клубѣ считались хорошими стрѣлками, и пистолеты были заряжены полнымъ зарядомъ, а не половиннымъ, какъ обычно, пришлось продолжать...

— Алле, мессье!

Мишель де Шомонъ быстро занялъ позицію, ожидая атаки. Было общеизвѣстно, что его сильной стороной были выпады, которые онъ дѣлалъ, отражая напа-

деніе. Преимущество Карла-Эдуарда лежало въ прямыхъ ударахъ. Они часто фехтовали другъ съ другомъ въ залѣ! Ихъ силы были почти равны и даже знатоки не могли бы предсказать исхода дуэли...

Мишель де Шомонъ отскочилъ. Карлъ-Эдуардъ наступалъ. Но лезвія только коснулись одно другого издали...

Въ этотъ моментъ одинъ изъ врачей наклонился къ другому:

— Мсье де Тюрзе раньше поймалъ пулю, — она въ икрѣ или ляжкѣ... Взгляните сами!.. Но онъ ничего не сказалъ...

Второй, болѣе зоркій, пожалъ плечами:

— Мсье де Тюрзе раненъ, это вѣрно... Но, мнѣ кажется, мсье де Шомонъ тоже раненъ... Поглядите на его лѣвую ногу, она совершенно не сгибается въ колѣнѣ...

Вокругъ нихъ зеленѣли уродливыя клумбы Паркъ-о-Прэнс'а, вѣчно забрызганныя грязью и мокрыя отъ дождя.

Мишель де Шомонъ отскочилъ, Карлъ-Эдуардъ нападалъ. Этотъ нѣсколько тяжеловато, тотъ, превозмогая боль. Не было сомнѣнія, тотъ и другой слабѣли. — Они теряли много крови, но ея не было видно благодаря чернымъ шелковымъ рубашкамъ и чернымъ трико на ногахъ...

Исходъ, однако, не заставилъ себя долго ждать. Шомонъ, теряя терпѣніе, началъ наступать. Тюрзе, дѣйствительно раненый пулей, но въ правую ногу, атаковалъ и сдѣлалъ выпадъ. Шомонъ, раненый въ лѣвую ногу, не успѣлъ парировать ударъ, и шпага графа де Тюрзе встрѣтила бокъ де Шомона, проткнула легкое и вышла гдѣ-то сзади, у позвоночника.

Все это потому, что стѣсненные рефлексы Карла-Эдуарда не дали ему умѣрить силу удара, какъ это принято между культурными людьми, а поврежденные

мускулы Мишеля де Шомонъ помѣшали ему продѣлать движеніе, продиктованное инстинктомъ самосохраненія.

Оба противника одновременно упали, одинъ впередъ, другой назадъ. И врачи въ первую минуту колебались, не зная, кто побѣдитель, кто побѣжденный.

Къ ихъ счастью де Тюрзе поднялся безъ посторонней помощи, въ то время, какъ де Шомонъ остался лежать на землѣ и лицо его начало покрываться блѣдностью. Тогда всѣ бросились къ нему. Въ концѣ концовъ Тюрзе пришлось самому позвать врача:

— Пожалуйста! у меня тоже гдѣ-то сидитъ пуля... Хотя я до сихъ поръ и не говорилъ объ этомъ пустячкѣ, я все же не хотѣлъ бы, чтобы онъ сталъ опаснымъ...

Его усадили въ автомобиль и отвезли домой. Онъ былъ почти безъ сознанія отъ потери крови. Когда его выносили изъ автомобиля, онъ пришелъ въ себя.

Внезапно онъ спросилъ:

— Мсье де Шомонъ опасно раненъ?

Ему отвѣтили:

— Нѣтъ. Но какъ вы себя чувствуете:

— Слишкомъ хорошо, — сказалъ онъ.

Пока его на рукахъ переносили въ квартиру и укладывали въ постель, — изъ раны въ ногѣ, несмотря на бандажъ, наложенный на временную перевязку, сильно текла кровь, — онъ продолжалъ разспрашивать:

— Тамъ стоялъ автомобиль, закрытый автомобиль... у воротъ парка... Дама, которая сидѣла въ немъ... Она вошла?..

Кто-то наугадъ отвѣтилъ:

— Да.

Но Карлъ-Эдуардъ, несмотря на слабость, подмѣтилъ неувѣренность въ отвѣтѣ:

— Я васъ прошу!... Я слишкомъ плохо себя чувствую, чтобы удовольствоваться отшучиваніемъ... Дама, о которой я говорю?...

Врачъ, знавшій все, какъ всѣ врачи всегда все знаютъ, наклонился къ раненому:

— Это правда, — поспѣшилъ онъ завѣрить: — Принцесса В... была тамъ, она все видѣла!.. Не безпокойтесь больше...

Но Карлъ-Эдуардъ повелительнымъ жестомъ отослалъ несшихъ его импровизированныя носилки. Оставшись съ глазу на глазъ съ врачемъ, онъ высокомѣрно заявилъ:

—Я не безпокоюсь, но на мнѣ лежитъ извѣстная отвѣтственность, и я хотѣлъ бы знать какая. Вы опредѣленно утверждаете, что мадамъ Вогера (онъ не колеблясь назвалъ героиню) видѣла дуэль собственными глазами?

— Да.

— И она уѣхала?.. Когда?..

— Какъ только мсье де Шомонъ упалъ.

— Иначе говоря, какъ только мы оба упали. — Отлично. — Она ничего не сказала?

— Нѣтъ.

— Значитъ она видѣла насъ обоихъ, его и меня, упавшими, и...

— Послушайте, было ясно видно, кто изъ васъ былъ побѣдителемъ...

— Пусть такъ. Но было такъ же ясно видно, что я раненъ, а мсье де Шомонъ, быть можетъ, даже мертвъ... Ваше слово, докторъ, онъ не умеръ?

— Честное слово, мсье, вашъ противникъ живъ.

— Спасибо... Разъ дѣло обстоитъ такъ, вы можете оказать мнѣ услугу, отдавъ отъ моего имени кое-какія распоряженія моему секретарю... Пусть отнесутъ мсье де Шомону мою визитную карточку и передадутъ ему отъ моего имени, что я сожалѣю и прошу его принять завѣренія въ моей симпатіи и дружбѣ... и пусть отказываются отвѣчать кому бы то ни было, кто придетъ отъ имени принцессы Вогера: я намѣренъ больше никогда не встрѣчаться съ ней. — А теперь пусть меня уло-

жать въ постель. Пуля мьсе де Шомона застряла у меня въ ляжкѣ, и, къ тому же, гдѣ то очень высоко... она меня заставляетъ страдать больше, чѣмъ я могу сказать...

VII.

Все же, несмотря на принятое рѣшеніе, никогда больше не встрѣчаться съ Фіаммой Вогера, Карлъ-Эдуардъ, принялъ ее, какъ только она постучала въ его дверь.

Онъ лежалъ въ своемъ шэзлонгѣ. Она вошла, улыбаясь, сѣла:

— Итакъ, — сказала она, — вы въ самомъ дѣлѣ были ранены? Имъ пришлось три раза повторить мнѣ это, прежде, чѣмъ я повѣрила. Я видѣла, какъ Шомонъ опрокинулся навзничь и ваша шпага блеснула за его спиной... Понятно, что я даже не подумала... Впрочемъ, это былъ прекрасный бой, — я очень горжусь имъ... Но я не понимаю, какъ вы получили, хотя бы царапину...

Карлъ-Эдуардъ, нахмуря брови, неторопясь объяснилъ ей:

— Немудрено, что вы не понимаете. Это превосходитъ ваше разумѣніе. Дѣло въ томъ, что де Шомонъ и я, оба предварительно были ранены, но не сказали ни слова.

— Богъ мой! но почему?

— Потому что мы оба хотѣли продолжать драться.

— Но почему, почему?

— Потому что между мной и имъ были вы.

Она два раза провела языкомъ по губамъ и подумала. Затѣмъ, внезапно:

— Я? — пробормотала она. — Я?... Неужели это не сонъ?.. Четыре пистолетныхъ выстрѣла, смертельный ударъ шпаги, — изъ-за меня?.. Что за странная идея!

— Вы правы, — сухо сказалъ онъ: — какъ нельзя болѣе странная.

Она снова улыбнулась. И вотъ, смотря на эту улыбку, онъ внезапно, въ первый разъ за все время, что они были любовниками, замѣтилъ, что она блѣднѣла скачками, и что эта блѣдность имѣла синеватый, даже трупный оттѣнокъ.

Она замѣтила, что онъ удивился. Она угадала, что онъ увидѣлъ. Кровь вновь прихлынула къ ея щекамъ, но снова скачками. И на слишкомъ блѣдныхъ щекахъ образовались два слишкомъ яркихъ пятна.

Она вдругъ заговорила:

— Да, вы даже не спрашиваете, не навѣстила ли я мсье де Шомона прежде, чѣмъ придти къ вамъ?

Теперь она смѣялась, — немного рѣзкимъ, быть можетъ, дѣланнымъ смѣхомъ.

Онъ колебался. Острая ревность сжала ему горло. Онъ все-таки еще не отводилъ взгляда отъ прекрасныхъ щекъ, бывшихъ только-что слишкомъ ярко и странно окрашенными. Поэтому онъ началъ колеблющимся голосомъ:

— Не больны ли вы?.. — прежде чѣмъ сказать тономъ, въ который онъ пытался вложить ироническую нотку: — больны? вы, такъ часто справляющаяся о здоровьи столькихъ людей, которые чувствуютъ себя прекрасно?

— Ибо мсье де Шомонъ былъ внѣ опасности, и всѣ это знали.

Внезапно принцесса Вогера, всегда такъ хорошо владѣвшая собой, пришла въ странное раздраженіе отъ этого простого вопроса: «не больны ли вы?..»

— Больна? — отвѣтила она, какъ будто разслышала только это слово: — это не особенно любезно, дорогой! Если бы я была больна, мой приходъ могъ бы служить лучшимъ доказательствомъ моей любви къ вамъ... Въ этомъ случаѣ я могла бы претендовать на лучшій пріемъ...

Карлъ-Эдуардъ разсердился въ свою очередь:

— Дорогая моя, — заявилъ онъ, — я твердо рѣшилъ не принимать васъ вообще. Поэтому не жалуйтесь, вы будете неправы.

Услыхавъ это Фіамма Вогера вновь обрѣла ясность духа:

— Не принимать меня? — повторила она, склоняя на бокъ головку: — но почему же, Богъ мой?

— Потому что, — рѣшительно отвѣтилъ Карлъ-Эдуардъ, — я, хотя и не ненавижу хищныхъ звѣрей, но предпочитаю любоваться ими въ клѣткѣ.

— Вы открыли клѣту въ мою честь.

— Изъ вѣжливости, — отразилъ Карлъ-Эдуардъ ударъ.

— Пусть такъ! — уступила она. — Но бросимъ острить, хотите? И удостойте меня маленькимъ объясненіемъ... Въ чемъ вы, собственно говоря, меня упрекаете? Я стала вашей любовницей... Я даже была вамъ вѣрна... И я вамъ сказала это!... Вы, вмѣсто благодарности, были такъ грубы, что притворились очень удивленнымъ!... Послѣ этого, объятый бѣшенствомъ, сумасброднымъ, потому что анахроничнымъ, вы въ одинъ прекрасный день объявляете мнѣ, что вы намѣрены драться съ тѣмъ изъ моихъ прежнихъ любовниковъ, который васъ стѣсняетъ больше остальныхъ! — Скажите, откровенно говоря, вы находите, что во всемъ этомъ вы правы, а я виновата? — Вы не отвѣчаете, — это честно! Какой выводъ: двое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ мнѣ когда-то нравился, а другой мнѣ нравится теперь собираются драться, — драться изъ-за меня... И вы честите меня тигрицей, потому что мнѣ захотѣлось поглядѣть на этотъ бой. — Дорогой мой, вы слабы въ естественной исторіи! Козы, лани, коровы вплоть до невинныхъ овечекъ непремѣнно присутствуютъ при любовныхъ бояхъ козловъ, оленей, быковъ и барановъ. — Итакъ?.. Шутки въ сторону... я не пыталась увѣрить васъ, что я васъ люблю въ томъ смыслѣ, какъ понима-

ютъ это слово мадемуазель де Скюдери и Ламартинъ... и не хотѣла бы, чтобы вы меня такъ любили. Но я знаю, что вы меня любите по иному... и вы знаете, что я васъ также люблю... такъ же какъ и вы. — Излишне углубляться въ сложныя опредѣленія: мы отлично понимаемъ другъ друга.... Что-же, такая любовь, какъ вы уже убѣдились, не можетъ существовать безъ ревности... не думаете ли вы, что изъ нея можно исключить садизмъ?

Они были одни. Онъ лежалъ вытянувшись въ шэзлонгѣ. Черное кимоно, составлявшее его единственную одежду, распахнулось отъ его порывистыхъ движеній и открыло повязку. Она сидѣла очень близко отъ него и ея свѣтлое крэпъ-де-шиновое платье смѣло вырисовывало всю фигуру, облегая грудь и обтягивая колѣно. Одна нога, болѣе чѣмъ голая въ шелковомъ чулкѣ «паутинка сорокъ четыре», была закинута на другую...

Они внезапно замолчали. Она все сказала. И онъ выслушалъ ее, не говоря ни слова. Истина, даже горькая, даже безжалостная, парализуетъ всякую ложь, и особенно добродѣтельную...

Фіамма Вогера вволю насладилась своею легкой побѣдой. Затѣмъ она поднялась, и ея медленныя и гибкія движенія внезапно напомнили не сводившему съ нея глазъ любовнику, тысячи вещей, интимныхъ и обжигающихъ сильнѣе греческаго огня.

А далѣе послѣдовало то, чего можно было ожидать, но чего Карлъ-Эдуардъ не ожидалъ: — принцесса Вогера внезапно наклонилась надъ шэзлонгомъ и ея ротъ, жадный и проворный въ одно и то же время, прижался къ его рту, даже не пытавшемуся избѣжать его прикосновенія. Карлъ-Эдуардъ сразу потерялъ свое хладнокровіе и вмѣстѣ съ нимъ способность повелѣвать своимъ мышцамъ. Его руки порывисто обняли подающееся тѣло, все болѣе опускающееся на его тѣло. И въ этотъ день женщина и мужчина въ неистовомъ сліяніи убѣ-

дились, что ревность и садизмъ, — эти неизбѣжные спутники любви, — два возбуждающихъ стимула, доводящіе до отчаянія, неистовствующаго отчаянія, двухъ людей, пораженныхъ на смерть Венерой Лукреція и Луій.

VIII.

Мы ненавидѣли другъ друга.

АНРИ БЕКЪ.

А потомъ...
Потомъ, Богъ мой, жизнь потекла по-прежнему.

Подъ этимъ нужно понять, что принцесса Вогера вновь начала, и къ тому же очень щедро, отдаваться любовнику, понравившемуся ей. А мсье де Тюрзе снова сталъ любовникомъ принцессы Вогера. Мадамъ Вогера, какъ бы тамъ ни было, не пыталась защищаться отъ упорнаго и сильнаго влеченія къ Карлу-Эдуарду. Онъ также страстно желалъ ее, и былъ вынужденъ признать, что чувство, которое онъ къ ней питаетъ, и есть любовь. — Эта любовь, безъ сомнѣнія, содержала не мало злопамятства, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, бѣшеной злобы и отчаянія. Но все это служило лучшей приправой къ острому наслажденію двухъ любовниковъ, каждую минуту готовыхъ превратиться во враговъ, и все же не имѣющихъ силъ оторваться другъ отъ друга. Въ теченіе шести недѣль эта парочка казалась еще тѣснѣе слившейся, чѣмъ прежде. Это было что-то вродѣ пароксизма... одного изъ тѣхъ пароксизмовъ, недолговѣчность которыхъ угадывается заранѣе. Прекрасная ясность ихъ первыхъ ночей смѣнилась налетающими безъ передышки шквалами, конца которымъ не было видно. И нѣжная любезность уступила мѣсто десяти тысячамъ изысканныхъ оскорбленій, наносимыхъ ис-

кусно и утонченно. У обоихъ нервы были напряжены до крайности.

Во всякомъ случаѣ разговоръ о бѣдняжкѣ Шомонѣ, медленно поправлявшемся въ клиникѣ, больше не подымался. Принцесса Вогера считала излишнимъ справляться о его здоровьѣ, и, очевидно, забыла этого незадачливаго человѣка, котораго она любила, но слишкомъ давно. Карлъ-Эдуардъ пришелъ къ выводу, что его ревность ошиблась въ объектѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ пришелъ въ ярость. Ибо нелѣпость его дуэли съ Шамономъ стала очевидной. Онъ не удержался, чтобы не заговорить объ этомъ съ Фіаммой:

— Въ самомъ дѣлѣ... если только вы согласитесь хоть одинъ разъ не солгать... почему вы указали мнѣ на Шомона?... Вѣдь вы опредѣленно указали на него...

Она стала иронически возражать:

— У васъ изъ рукъ вонъ плохая память! это вы хотѣли драться съ тѣмъ изъ моихъ любовниковъ, котораго я считала самымъ опаснымъ. По-совѣсти, я не имѣла права обмануть васъ на этотъ счетъ. Къ тому же, разъ я, какъ было условлено, должна была присутствовать въ качествѣ зрительницы, я хотѣла видѣть блестящую дуэль.

— Что-жъ! вы были удовлетворены!

Онъ пожалъ плечами. Она повторила этотъ жестъ, спокойно и насмѣшливо разведя руками:

— О! я бы удовлетворилась меньшимъ, — вы не поскупились для меня! Къ тому же я не считала васъ настолько безумнымъ, что вы очертя голову броситесь въ битву, не зная даже, кого вы хотите убить и изъ-за кого вы рискуете быть убитымъ!

Она была права. Онъ разсердился.

— Вы, во всякомъ случаѣ, знали, что я рискую быть убитымъ, — убитымъ человѣкомъ, о существованіи котораго вы почти забыли. Слѣдовательно я долженъ предположить, что я вамъ хуже чѣмъ безразличенъ?

Она попалась въ разставленную западню:

— Хуже, чѣмъ безразличенъ, Богъ мой!.. Да... это совершенно вѣрно.

Онъ дерзко разсмѣялся ей въ лицо:

— Въ такомъ случаѣ, странно, что вы проявляете такъ мало безразличія въ извѣстныя минуты нашихъ свиданій...

Она сразу потеряла хладнокровіе:

— Вы напрасно думаете, что это ваша заслуга: въ извѣстныя минуты я, дѣйствительно, нуждаюсь въ мужчинѣ. И такъ какъ вы оказываетесь подъ рукой...

— Я понимаю, — сказалъ онъ, становясь грубымъ до послѣдняго предѣла: — первый встрѣчный справился бы съ этимъ не хуже меня... и вы, если бы понадобилось, вышли бы на улицу...

Нѣтъ, о Шомонѣ больше не было рѣчи. Собственно говоря, вообще ни о чемъ не было рѣчи. Но между любовникомъ и любовницей все еще происходили инстинктивныя сцены, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ядовитыя. А такія потрясенія, повторяющіеся часто, всегда становятся смертельными... для любовницы, или для любовника, или для любви..

IX.

И произошло то, что должно было произойти...

Три раза въ теченіе двухъ недѣль принцесса Вогера, до сихъ поръ являвшаяся на свиданія аккуратнѣе, чѣмъ обычно дѣлаютъ женщины, не пришла на улицу Роганъ, хотя обѣщала придти. И три раза она на слѣдующій день коротко извинялась: «Очень больна... Никакой возможности...»

Карлъ-Эдуардъ сперва разсердился, затѣмъ сталъ ревновать, потомъ забезпокоился. Онъ внезапно съ жгучей тревогой вспомнилъ мертвенную блѣдность и красныя пятна, которыя онъ не разъ замѣчалъ на щекахъ своей любовницы. Имъ овладѣлъ мрачный страхъ.

И въ эти три короткія, но показавшіяся ему вѣчными, ночи, пока онъ въ тоскѣ бѣгалъ отъ дивана къ дверямъ и отъ дверей къ окну, его оглушила внезапная и жестокая очевидность: эта Фіамма, которую онъ столько разъ оскорблялъ, и которая столько разъ оскорбляла его, онъ любилъ ее, любилъ по-настоящему. — Сомнѣнія не было, его сердце пошло по стопамъ ощущеній. — И мгновеніе спустя передъ нимъ всталъ повелительный и пугающій вопросъ: онъ любилъ,... но былъ ли онъ любимъ? — Онъ не находилъ отвѣта, который облегчилъ бы его тоску...

Впрочемъ, Фіамма, смогла ли бы она сама отвѣтить на этотъ вопросъ? Любила ли она, не любила ли? Этого никогда не удалось выяснить.

Ибо Карлъ-Эдуардъ ожидавшій Фіамму съ самаго обѣда, уже въ четвертый разъ тщетно прождалъ ее всю ночь. — А они уже семь мѣсяцевъ были любовниками.

Была прекрасная погода, и передъ Карломъ-Эдуардомъ, вышедшимъ на балконъ, простирался усѣянный звѣздами небосводъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ часовъ ожиданія, надъ крышами зардѣлась заря. Внезапно онъ, даже не подумавъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, оказался въ пальто и со шляпой на головѣ, на улицѣ. Онъ былъ почти удивленъ, оказавшись тамъ, и еще болѣе удивленъ, когда онъ, какъ бы безсознательно, направился по улицѣ Риволи, Конкордіи и черезъ Елисейскія поля. Онъ все-же пошелъ дальше, направляясь на улицу Бенувиль, гдѣ обитала принцесса Вогера, какъ будто разсчитывалъ узнать тамъ что-нибудь.

Заря взошла. Но солнце еще не поднялось надъ горизонтомъ. День обѣщалъ стать такимъ же яснымъ, какой была ночь. Пройдя Тріумфальную Арку, Карлъ-Эдуардъ увидѣлъ каштаны и навлоніи, покрытые весенней зеленью. Онъ вспомнилъ о ноябрьскомъ утрѣ, ког-

да онъ въ первый разъ провожалъ Фіамму домой. Тогда они были ржавые, изъѣденные осенью. Ихъ любовь началась, когда приближалась зима, а теперь уже наступало лѣто...

Улица Спонтини... Улица Бенувиль...

Стало совсѣмъ свѣтло. Ночной сторожъ покидалъ свой постъ на углу улицы Бенувиль. Карлъ-Эдуардъ глазами проводилъ его: онъ, должно быть, зналъ все, что происходило въ окрестностяхъ. Но, вѣдь, ночного сторожа не разспрашиваютъ, неправда-ли? Онъ ушелъ. И Карлъ-Эдуардъ, подойдя къ дому, куда ему все еще не позволяли войти, сталъ глядѣть на окна...

Эти окна оказались открыты. Онъ удивился: обычно Фіамма ложилась очень поздно и не любила рано вставать... Ея комната, вѣдь, также выходила окнами на улицу...

Карлъ-Эдуардъ задумался, стоя противъ открытыхъ оконъ. Потомъ, онъ внезапно повернулся и пошелъ, плохо отдавая себѣ отчетъ въ цѣли своего прихода и тщетно спрашивая о ней самого себя.

Но на углу улицы Спонтини онъ инстинктивно обернулся. Онъ рѣзко вздрогнулъ: въ одномъ изъ открытыхъ оконъ появилась Фіамма Вогера. Онъ ясно видѣлъ, какъ она облокотилась на подоконникъ, а за ней онъ увидѣлъ какого-то мужчину, который тоже наклонился и положилъ ей руку на плечо.

Секунду спустя Карлъ-Эдуардъ завернулъ за уголъ. Боясь, чтобы его не замѣтили, а особенно чтобы его не заподозрѣли въ шпіонствѣ или подглядываніи, онъ ограничился первымъ бѣглымъ взглядомъ. Несмотря на это онъ былъ увѣренъ, что онъ видѣлъ Фіамму, а также въ томъ, что стоявшій за ней мужчина ему не былъ знакомъ. Значительно позже онъ вспомнилъ, что Фіамма Вогера казалась блѣдной и была растрепана. Но

сейчасъ онъ не обратилъ на это вниманія. Дикій гнѣвъ овладѣлъ имъ и бушевалъ въ его душѣ. Его сжатые кулаки дрожали, онъ шелъ лихорадочными, неровными шагами. Пока онъ достигъ главной улицы, десять разныхъ проектовъ немедленной мести сложились въ его сердцѣ и мозгу.

Солнце подымалось за Л'Этуаль. Онъ едва замѣтилъ Тріумфальную Арку, висящуюся огромнымъ чернымъ силуэтомъ на аломъ небѣ съ золотой бахромой. Позже, на много позже, онъ вспомнилъ объ этомъ ослѣпительномъ видѣніи.

Такси проѣзжало. Карлъ-Эдуардъ бросился въ него. Его рѣшеніе было принято. Онъ вернулся домой, — не на улицу Роганъ, а на свою постоянную квартиру, — и немедленно послалъ за своимъ маленькимъ пажемъ Жилемъ.

X.

Редъярдъ Киплингъ въ одномъ изъ своихъ наиболѣе глубокихъ произведеній писалъ: «я всегда поручалъ дѣтямъ охрану моихъ драгоцѣнностей». Карлъ-Эдуардъ, посылая за своимъ пажемъ Жилемъ, которому еще не исполнилось пятнадцати лѣтъ, быть можетъ, вспомнилъ о «хелѣ» Кимѣ, который былъ еще моложе. Такъ или иначе, Карлъ-Эдуардъ, гордость котораго возмущалась при мысли о необходимости посвятить кого-нибудь въ свою тайну, рѣшилъ довѣрить ее Жилю и сдѣлать его своимъ помощникомъ.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ Жиль зналъ все, что онъ долженъ былъ знать, — и что онъ, безъ сомнѣнія, давно уже угадалъ самъ. Онъ немедленно покинулъ Карла-Эдуарда и отправился туда, куда его послалъ его господинъ...

Онъ вернулся позже, чѣмъ собирался. Карлъ-Эду-

ардъ, которому не сидѣлось на мѣстѣ, уже давно потерялъ терпѣніе. Какъ только маленькій пажъ вошелъ и закрылъ за собой дверь, онъ стремительно началъ разспросы:

— Ну, что же? Скорѣй, разскажи мнѣ все! Что тамъ произошло? Ты узналъ его имя? Ты знаешь, гдѣ онъ живетъ? Узналъ-ли ты вообще что-нибудь?

Онъ схватилъ ребенка за плечо.

Жиль отвѣчалъ тихимъ голосомъ, съ нѣжностью глядя на своего господина боязливыми глазами. Чисто женское сочувствіе смягчало невольную жестокость словъ, которыя онъ произносилъ:

— Этотъ господинъ нѣкій Серизоль. Онъ не живетъ въ Парижѣ. Но мадамъ, дѣйствительно, была больна: вчера у нея были три врача... и только-что, когда она уѣзжала, одинъ изъ нихъ ее провожалъ на вокзалъ... и они должны были помочь ей: она съ трудомъ сѣла въ автомобиль...

Волненіе сжало горло Карлу-Эдуарду. До сихъ поръ онъ слушалъ, не перебивая. Но на этихъ словахъ онъ прервалъ Жиля:

— Она уѣхала? — вскричалъ онъ.

— Да, господинъ графъ.

— Почему ты не вернулся тотчасъ-же предупредить меня?

— Не было времени! Къ тому же я не зналъ, куда она ѣдетъ... и никто не зналъ... Авто сперва подъѣхало на Кэ д'Орсей. Но мадамъ даже не сошла: только мсье Серизоль...

— И онъ снова сѣлъ? и они уѣхали вмѣстѣ?

— Да втроемъ. Съ Ліонскаго вокзала. Я проводилъ ихъ до набережной. Они сѣли въ скорый 11 ч. 45: Лозанна, Миланъ, Тріестъ... Господинъ графъ знаетъ лучше меня...

— Ты видѣлъ, какъ она сѣла въ автомобиль?

— Да. Вмѣстѣ съ остальными. И я видѣлъ, какъ ушелъ поѣздъ.

— Ты знаешь, куда она уѣхала?

— Нѣтъ. Но не дальше Лозанны, я думаю: у нихъ не было спальныхъ мѣстъ. Они сразу же прошли въ вагонъ-ресторанъ, и докторъ упаковалъ весь багажъ въ купэ сосѣдняго вагона.

— И тебя никто не видѣлъ?

— Нѣтъ.

Карлъ-Эдуардъ замолчалъ. Онъ тихо отвернулся, подошелъ къ креслу, сѣлъ въ него и опустилъ голову на грудь. Онъ едва замѣтилъ, что его пажъ Жиль тихими шагами подкрался и опустился рядомъ съ нимъ на колѣни; его губы почти касались устало повисшей руки...

Двадцатью днями позже, Карлъ-Эдуардъ, несмотря на всѣ поиски зналъ столько-же, сколько пажъ Жиль узналъ въ четыре часа, въ то майское утро, когда принцесса Вогера покинула Парижъ.

XI.

Такъ онѣ обѣ бѣжали, одна за другой, и одна какъ другая: тайкомъ... Стелла де Спангеймъ Фіамма Вогера... одна достойная глубокаго почитанія, способная на высшій героизмъ; другая заслуживающая восторженнаго восхищенія, способная на любое безуміе. — Однако онѣ обѣ бѣжали. — Почему? — Одна, потому что она еще любила, но больше не была любима, недостаточно любима? — другая, потому что она была слишкомъ любима, или слишкомъ бурно? и потому что она сама...

Въ самомъ дѣлѣ?... потому что она больше не любила? или любила другого? кого?... Карлъ-Эдуардъ не зналъ. Когда его первый гнѣвъ остылъ, онъ больше не старался ни узнать, ни понять. Онъ страдалъ. И онъ замкнулся въ своемъ страданіи. Впрочемъ, ему не въ первый разъ приходилось страдать. Онъ это предвидѣлъ. Онъ много разъ повторялъ самъ себѣ слова стараго Л'Иль Рода: «Любить, это значитъ влачить свое

сердце среди терніевъ. Каждый шипъ вырываетъ кусокъ...»

Постепенно Карлъ-Эдуардъ привыкъ.

Какъ легко произнести это слово — привыкъ. Но есть-ли въ любви еще два подобныхъ мученія? — Когда Стелла бѣжала, это была пытка льдомъ. Когда бѣжала Фіамма, это была пытка огнемъ. Неизвѣстность, въ которой онъ пребывалъ, полное отсутствіе извѣстій, боязнь все же получить ихъ въ одинъ прекрасный день, но получить трагическія извѣстія, разжигали его боль, какъ раскаленные щипцы, приложенные къ ранѣ. Нѣтъ ничего хуже ревности, когда она колеблется, не зная, на комъ ей остановиться. Вмѣсто одного, тысячи навожденій терзаютъ мозгъ и разрушаютъ гордость, сердце и плоть. Къ счастью графъ де Тюрзе, обладавшій сердцемъ болѣе нѣжнымъ и плотью болѣе пылкой, чѣмъ большинство людей, обладалъ родовой гордостью, способной возвыситься до стоицизма. Никто не замѣчалъ, что онъ переживалъ. Онъ заставилъ себя не мѣнять внѣшній распорядокъ своей жизни. Когда два-три нескромныхъ пріятеля въ клубѣ пытались позондировать его внѣшнее равнодушіе, онъ нашелъ простыя слова для отвѣта:

— А, ба! Тюрзе! Мы думали, что вы путешествуете?....

— Какъ видите, нѣтъ.

Но вы собираетесь?

— Собираюсь? Куда? Зачѣмъ?

Вопросы скоро прекратились.

Только Л'Иль Родъ, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, — со времени бѣгства баронессы де Спангеймъ, лишь изрѣдка встрѣчавшій Карла-Эдуарда, угадывалъ многое, не говоря ни слова,и, пять или шесть разъ въ недѣлю приходилъ къ покинутому и сидѣлъ въ креслѣ или дѣлилъ съ нимъ обѣдъ или ужинъ. Все это съ видомъ полной невинности, какъ если бы старый герцогъ

въ тѣ дни когда мсье де Тюрзе слылъ счастливымъ человѣкомъ, не старался по возможности рѣже встрѣчаться съ нимъ.

XII.

Въ іюлѣ мессье Л'Иль Родъ и де Тюрзе, больше вообще не разстававшіеся, рѣшили вмѣстѣ провести жаркіе дни въ Динарѣ. Старый герцогъ любилъ Сэнъ-Мало, и Карлъ-Эдуардъ, прогуливаясь со своимъ старымъ другомъ вокругъ башни, возвышающейся надъ старинными и покрытыми славой валами, отдыхалъ душой. Л'Иль Родъ съ юношеской бодростью несъ свои семьдесятъ четыре года. И Тюрзе чаще старца ощущалъ необходимость во время прогулки опереться рукой на изъѣденныя морскимъ вѣтромъ гранитныя глыбы...

Но, однажды вечеромъ нотаріусъ или повѣренный вызвалъ Тюрзе по какому-то пустяшному дѣлу въ Парижъ, и онъ вынужденъ былъ внезапно уѣхать. Онъ обѣщалъ Л'Иль Роду пробыть въ отсутствіи не больше трехъ дней.

Такъ случилось, что Карлъ-Эдуардъ еще дремалъ въ своей постели въ Парижѣ, въ то время, какъ Л'Иль Родъ, любившій рано вставать, уже бродилъ между развалинами города корсаровъ. Камердинеръ, подавая чай, доложилъ Карлу-Эдуарду, что какой-то неизвѣстный господинъ уже два раза спрашивалъ его. Онъ хотѣлъ говорить съ графомъ де Тюрзе лично и отказался сообщить цѣль своего визита.

— Ба, — произнесъ Карлъ-Эдуардъ. — Который теперь часъ?

— Всего десять часовъ, господинъ графъ.

— Десять часовъ? Отчего же вы не сказали этому господину, что я либо въ постели, либо въ ваннѣ?

— Такъ точно, господинъ графъ. Но этотъ госпо-

динъ сказалъ, что онъ подождетъ, сколько понадобится, и, что господину графу «необходимо» принять его.

— Какъ вы сказали? Что мнѣ необходимо его принять?

— Да.

— Онъ не далъ вамъ своей визитной карточки?

— Нѣтъ. Онъ сказалъ, что господинъ графъ не знаетъ его имени.

— И вы ему сказали...

— О! да, господинъ графъ: я ему сказалъ и нѣсколько разъ повторилъ, что господинъ графъ не приметъ кого-нибудь, кто откажется назвать себя. Но онъ отвѣтилъ, что его имя ничего не скажетъ господину графу, и, что онъ, впрочемъ охотно назоветъ себя... Это нѣкій мсье де Серизоль...

Карлъ-Эдуардъ однимъ прыжкомъ оказался на ногахъ.

Не прошло и четверти часа, какъ графъ де Тюрзе и мсье де Серизоль стояли другъ противъ друга въ пріемной Карла-Эдуарда: черные обои, золоченный потолокъ, золоченныя стѣны, мебель лакированная съ золотомъ.

Карлъ-Эдуардъ наскоро одѣлся и сунулъ въ карманъ неизбѣжный кусочекъ картона, который ему, какъ онъ былъ увѣренъ, въ концѣ бесѣды придется вручить своему свалившемуся съ неба сопернику. Онъ почти ворвался въ комнату, но его возбужденіе разбилось о дѣланное безразличіе посѣтителя и внезапно превратилось въ безпокойство. Оба, стоя, въ молчаніи разглядывали другъ друга.

Затѣмъ Карлъ-Эдуардъ, нѣсколько поздно вспомнивъ о правилахъ вѣжливости, предложилъ мсье де Серизолю стулъ. Мсье де Серизоль поблагодарилъ наклоненіемъ головы, но не сѣлъ.

Когда Карлъ-Эдуардъ, успокоившись, поглядѣлъ на своего собесѣдника, онъ увидалъ господина высокаго

роста, съ сѣдѣющими волосами, со свисающими плечами, съ суровыми и печальными глазами. Карлъ-Эдуардъ удивился: онъ представлялъ себѣ де Серизоля совсѣмъ инымъ...

Между тѣмъ де Серизоль заговорилъ:

— Мсье, — началъ онъ, — простите, что я врываюсь къ вамъ. Я не знаю, извѣстно ли вамъ, кто я, но это не играетъ роли. Я пришелъ къ вамъ для того, чтобы сообщить вамъ горестную вѣсть. Горестную для васъ, и для меня. Принцесса Вогера, мсье, семь дней тому назадъ умерла на мысѣ Эль.

Наступило гробовое молчаніе. Де Тюрзе даже не моргнулъ глазомъ. Де Серизоль также нѣтъ.

Наконецъ де Тюрзе медленно произнесъ, очень спокойнымъ голосомъ.

— Я думалъ, что вы уѣхали въ Лозанну, въ маѣ?

Де Серизоль, удивленный, поднялъ глаза:

— Вы хорошо освѣдомлены, мсье, — сказалъ онъ не задумываясь: — врачи предписали принцессѣ Вогера горы. Но она во что бы то ни стало хотѣла сперва посмотрѣть Помпею. Было бы безполезно пытаться бороться съ ея капризами, — вамъ это, безъ сомнѣнія, извѣстно, — хотя ея состояніе и становилось съ каждымъ днемъ серьезнѣе... вы, вѣроятно, замѣтили это?..

— Нѣтъ, — сказалъ де Тюрзе.

— А? — произнесъ Серизоль. — Повидимому, вы плохо смотрѣли... или, быть можетъ, смотрѣли вы съ слишкомъ близкаго разстоянія?..

Графъ де Тюрзе внимательно посмотрѣлъ на своего собесѣдника. Но на его лицѣ не было ни упрека, ни вызова. И ничего этого не было въ усталомъ и меланхоличномъ тембрѣ голоса. Впрочемъ, де Серизоль продолжалъ, и Карлъ-Эдуардъ не прерывалъ его:

— Швейцарія оказалась безсильной. Спеціалисты Лозанны и Берна, созванные на консультацію, установили, что положеніе принцессы Вогера безнадежно. Но она, — манія больной, — стремилась къ Средиземному

морю. Я счелъ себя въ правѣ удовлетворить капризъ умирающей, которой ничто не могло повредить. Въ теченіи трехъ дней я пріобрѣлъ для нея виллу на мысѣ д'Эль...

— А! — произнесъ де Тюрзе.

Онъ на мгновеніе задумался. Потомъ, глядя прямо въ глаза своему собесѣднику:

— Мсье, — сказалъ онъ безразличнымъ тономъ, — я прошу васъ, не сочтите мой вопросъ грубой нескромностью или безтактнымъ любопытствомъ. Но я долженъ знать... Вы были, если я не ошибаюсь, въ интимныхъ отношеніяхъ съ Фіаммой Вогера?.. — онъ спохватился и густо покраснѣлъ: — Я хотѣлъ сказать съ принцессой Вогера?.. Давно?..

— Очень давно, мсье.

— И, быть можетъ, вы уже раньше знали... давно узнали, что... о моемъ существованіи?

— Я узналъ о немъ значительно раньше, чѣмъ... задолго до ноября мѣсяца.

— А?

— Да. Впрочемъ, только по не зависящимъ отъ меня причинамъ, та, которую вы назвали Фіамма, не перемѣнила имя Вогера на имя де Серизоль.

Снова наступило молчаніе. Де Серизоль и де Тюрзе продолжали неподвижно стоять, не спуская глазъ другъ съ друга. Но когда они снова заговорили, они понизили голосъ, какъ если бы говорили въ комнатѣ, гдѣ лежитъ мертвый.

— Итакъ, — прошепталъ Тюрзе, — она мертва...

— Да, подтвердилъ Серизоль. — Она умерла семь дней тому назадъ. Согласно ея желанію она погребена въ гробу апельсиннаго дерева на самой высокой скалѣ мыса Эль. — Все необходимое было заранѣе мной приготовлено. — Вы сможете совершить туда паломничество, если захотите. — Но я не для этого явился къ вамъ. Мсье...

Онъ замолчалъ; такъ какъ Тюрзе тоже не говорилъ, Серизоль продолжалъ:

— Я пришелъ для того, чтобы, согласно съ предсмертнымъ желаніемъ принцессы Вогера, передать вамъ ея послѣднія слова. Самыми послѣдними было ваше уменьшительное имя, которое она повторила два раза: «Чарли... Чарли...» Передъ этимъ она со вздохомъ сказала: «Ахъ! какой дивный вечеръ...» Ибо она умерла черезъ три часа послѣ захода солнца... Гораздо раньше она сказала мнѣ: «Мой другъ, никто не любилъ меня такъ, какъ вы, и я никого не любила такъ, какъ его». «Онъ», это были вы — мсье, мнѣ больше нечего сказать вамъ.

Въ третій разъ настало молчаніе. Затѣмъ Карлъ-Эдуардъ, все еще говоря очень тихо, спросилъ:

— Мсье, простите меня, что я настаиваю... Если я правильно васъ понялъ, вы все время были освѣдомлены, — по мѣрѣ хода вещей, — о всемъ, что произошло между мной и принцессой Вогера въ промежутокъ времени отъ ноября до мая мѣсяца?

— Мсье, — сухо произнесъ вѣстникъ смерти, — то, о чемъ вы спрашиваете, васъ не касается. Это исключительно мое дѣло. Поэтому я не отвѣчу на этотъ вопросъ. Но если мое молчаніе вамъ не нравится...

Движеніемъ руки Карлъ-Эдуардъ заставилъ его замолчать:

— Мсье, человѣкъ, который больше и лучше всѣхъ другихъ любилъ принцессу Вогера, не можетъ оскорбить меня, что бы ни случилось.

Онъ очень низко поклонился.

— Я очень жалѣю, мсье, — прибавилъ онъ, — что мы не можемъ стать друзьями.

Де Серизоль отвѣтилъ значительно мягче:

— Я тоже жалѣю объ этомъ, мсье. Но вы правы: это совершенно невозможно. Прощайте, мсье.

— Прощайте, мсье, — точно эхо повторилъ Карлъ-Эдуардъ.

XIII.

Карлъ-Эдуардъ вернулся въ Динаръ въ назначенный день и къ условленному часу, какъ онъ обѣщалъ

Л'Иль Роду. И старый герцогъ, ожидавшій его на перронѣ маленькой бретонской станціи, даже не удивился, почувствовавъ, что его обнимаютъ, быть можетъ, порывистѣе обычнаго. Нѣсколькими часами позже оба прогуливались по причудливымъ, то подымающимся въ гору, то опускающимся, улицамъ Динара. Л'Иль Родъ нѣсколько разъ искоса поглядывалъ на Карла-Эдуарда. Внезапно онъ заговорилъ:

— Очень несчастны? — спросилъ онъ безъ предисловій.

— Очень, — сказалъ Карлъ-Эдуардъ: — Она умерла.

— О! — воскликнулъ герцогъ; его голосъ звучалъ странно.

Они прошли еще двадцать метровъ.

— Что дальше? — спросилъ Л'Иль Родъ.

— Дальше? — отвѣтилъ Тюрзе, — ничего.

— Такъ лучше, — пробормоталъ Л'Иль Родъ, обращаясь къ самому себѣ.

Они пошли дальше. Улица подымалась, точно лѣстница.

— Какая красота! — произнесъ Тюрзе, останавливаясь и оглядываясь.

— Какая красота! — подтвердилъ герцогъ.

Бретонское море, сѣрое, и благодаря этому, кажущееся безпредѣльнымъ, разстилалось передъ ними: колеблющіеся туманы скрадывали горизонтъ. Въ давніе времена много корсаровъ прорвалось черезъ эти туманы и добралось до голубого неба, до Тропиковъ, до Антиллъ, до легендарныхъ Черепаховыхъ острововъ: Пьеръ Большой, Монбаръ, Фома Трюбле, по прозвищу Ягненокъ.

— Примѣръ энергіи! — тихо произнесъ Карлъ-Эдуардъ, качая головой.

— Голову выше! — грубо и нѣжно посовѣтовалъ Л'Иль Родъ.

— Да! — отвѣтилъ Карлъ-Эдуардъ. — Спасибо.

Часомъ позже оба друга снова встрѣтились на террасѣ своего жилища, а затѣмъ отправились къ скаламъ

и усѣлись. Л'Иль Родъ осторожно и внимательно продолжалъ разспросы:

— Умерла? — сказалъ онъ. — Это былъ выходъ. Лучшій для нея. Но для васъ, этого мы не знаемъ... Что вы будете дѣлать?

Карлъ-Эдуардъ добросовѣстно подумалъ. Потомъ, внезапно:

— Дорогой старый товарищъ, исторію Франціи вы знаете? — 26 іюля 1675 г. былъ убитъ мсье де Тюреннъ, маршалъ Франціи...

— Подъ Зальцбахомъ, — докончилъ герцогъ. — Это всѣ знаютъ. А дальше?

— Дальше, — медленно продолжалъ Карлъ-Эдуардъ, — послѣ смерти Тюренна, Кондэ удалился въ Шантильи. Тогда король сразу назначилъ восемь маршаловъ Франціи: д'Эстрада, де Навай, де Шомберга, де Бюраса, де Вивонна, де Люксамбура, де ла Фейяда и де Рошфора. Народъ наградилъ ихъ кличкой...

— Размѣнная монета мсье де Тюреннъ, — докончилъ герцогъ. — Старая исторія. И что же?

— Я думаю, что Людовикъ XIV — примѣръ, достойный подражанія.

Л'Иль Родъ продолжалъ глядѣть на де Тюрзе:

— И все же, — сказалъ онъ, — вы несчастны? Вы сами сказали.

— Очень. Больше, чѣмъ я могу сказать. Вдвойнѣ. Жестоко.

— Пусть такъ. Поступайте, какъ вы рѣшили... И да хранитъ васъ Богъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

РАЗМѢННАЯ МОНЕТА.

. . . Будемъ жить и въ наслажденіяхъ
Потопимъ краткій мигъ . . .

А ДЕ ЛАМАРТИНЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Размѣнная монета.

I.

— Фэрмундъ — разъ. Ссевола — два. Маленькая Сартэнъ — три. Ея опытная мамаша — четыре. Ея королевское высочество — пять. Моя милая Лорель — шесть. И очаровательная дрянь Симона Зибелинъ де Жарнакъ — семь. Считай, не считай — семь не восемь. Короче, моя запряжка не полна, хуже: несимметрична. Словомъ, я долженъ перепрягать. — Тѣмъ болѣе, что этотъ прекраснодушный Людовикъ Четырнадцатый считалъ, что восемь скромныхъ маленькихъ маршаловъ едва-ли смогутъ замѣнить одного Тюренна. Такъ сдѣлаемъ какъ Людовикъ Четырнадцатый... Вмѣсто принцессы Вогера — восемь глупыхъ дѣвочекъ... скромныхъ или тщеславныхъ? chi lo sa ?.. едва ли достаточно...

Такъ, ноябрьскимъ утромъ 1922 года мсье Тюрзе бесѣдовалъ самъ съ собой, считая по пальцамъ.

Однако, назвавъ принцессу Вогера, онъ вдругъ умолкъ и задумался, склонивъ голову. Другое имя запѣло въ его памяти. На самомъ дѣлѣ, когда, на желѣзныхъ часахъ, о которыхъ говорилъ Мюссэ, пробилъ 1675 годъ, великій король былъ вынужденъ замѣнить не только Тюренна, но и Кондэ...

При наступленіи плохой погоды де Л'Иль Родъ и де Тюрзе, возвратились въ Парижъ.

Карлъ-Эдуардъ, все еще съ опустошенной душой и сердцемъ, все еще борясь со своими страданіями; все еще стараясь ожить и забыть, — сначала возобновилъ свои старыя знакомства, а затѣмъ довелъ до интимности свои, когда-то болѣе оффиціальныя отношенія... Прекрасная Симона Зибелинъ, — будемъ говорить только о ней, — была, вѣроятно, не мало удивлена, когда ея прежняя жертва вдругъ явилась къ ней съ довольно настойчивыми объясненіями. Она должна была сдаться, во первыхъ, потому что Карлъ-Эдуардъ не при-

надлежалъ къ мужчинамъ, побѣдой надъ которыми можно пренебрегать; во вторыхъ, потому что она знала, мсье де Тюрзе былъ, и теперь продолжаетъ быть, да! любовникомъ Фредерики Фэрмундъ.

— Отомстить во что бы то ни стало этой гнусной подругѣ: наказать ея двойную измѣну, ея двойное преступленіе: преступленіе противъ влюбленной Зибелины, преступленіе противъ Зибелины-феминистки, — это, конечно, извиняло ея быстрый ядовитый отвѣтъ. — Но сдѣлавъ это, мадамъ де Жарнакъ вскорѣ должна была констатировать, что Карлъ-Эдуардъ, хотя и взялъ ее и не отказывался отъ повтореній, въ то же время безъ колебаній возвращался къ бѣлой и бѣлокурой Фэрмундъ, каждый разъ, когда ему это приходило въ голову. И Симона Зибелинъ, смуглая брюнетка, въ результатѣ прониклась къ нему еще большимъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ ненавистью, а къ Фэрмундъ — бѣшеннымъ гнѣвомъ и страстнымъ желаніемъ тріумфа надъ шведкой. — Къ несчастью, Карлъ-Эдуардъ, задумавъ запречь восьмерку, заранѣе твердо рѣшилъ, что ни одна изъ послѣдующихъ никогда не возьметъ верхъ надъ другой. И ясно, менѣе всего онъ это могъ допустить, пока запряжка еще не была полной, и, когда надо было, какъ говорятъ въ Оверни, «передѣлать»...

— И самое пикантное во всей этой исторіи то, что я въ Парижѣ! — временами думалъ Тюрзе. — Въ Парижѣ, — модномъ Вавилонѣ, если вѣрить добродѣтельнымъ глупцамъ, — которые никогда въ немъ не были. Въ Парижѣ, городѣ кипящемъ трудомъ и энергіей, но въ то же время, предназначенномъ для желающихъ, какъ я, заглушить свое жестокое горе въ наиболѣе утонченномъ развратѣ... Какъ пріятно установить, что на семь уже избраныхъ мною сообщницъ, приходится одна уроженка Скандинавіи, вторая — богемка, третья — румынка, двѣ — полуфламандки-полуфлорентинки... не все, что называется Сартэнъ, происходитъ изъ Италіи, какъ это можно было бы ожидать... Прибавимъ мою еврейку изъ Франкфурта, чисто нѣмецкой крови... и моя един-

ственная Лорель можетъ считаться настоящей француженкой изъ Франціи... Что касается меня, — послѣдняго отпрыска Банко, человѣка съ тѣнью, — добраго шотландца, то я дополняю этотъ развратный ансамбль, который только наивные назовутъ «чисто французскимъ». И эту забавную шутку повсюду отъ Берлина до Нью-Іорка, включая Москву, назовутъ примѣромъ гнуснаго французскаго разврата! — Бѣдная старая добродѣтельная Франція, которую мы, циничные иностранцы, порочимъ только потому, что притворство не въ характерѣ Парижа!.. И бѣдные, наивные французы, которые, отъ Версингеторикса до Мильерана Перваго, заимствовали отъ модныхъ грековъ лишь ихъ репутацію. — Я подразумѣваю ихъ репутацію развратниковъ!..

Онъ продолжалъ свои размышленія:

— Это оказывается еще хуже, когда надъ этимъ подумаешь немного: изъ моихъ семи подругъ, лишь моя француженка... да, да!.. лишь моя малютка Лорель такъ свѣжа, такъ изысканна, такъ нѣжна, и, дѣйствительно чиста, и сверхъ того порядочна и здорова, умомъ и сердцемъ. — Совершенно вѣрно! хоть она и кокотка!.. Не можетъ быть сомнѣнія, что это дитя, въ вопросахъ чести и справедливости можетъ дать нѣсколько очковъ впередъ моей царственной кузинѣ, королевѣ Богеміи, Лузаціи и Моравіи... хотя королева Нора и достойна низкаго поклона...

Онъ разсмѣялся; затѣмъ:

— Честное слово, я нахожу въ себѣ душу коллекціонера!.. Въ моей семеркѣ есть все: наилучшее, благороднѣйшее и самое низкое: Лорель, королева Нора, Зибелинъ!.. и буржуазное, и артистическое, и духовное и животное, и растительное, если можно такъ выразиться... О! О! Мнѣ придется искать, старательно искать мой восьмой номеръ, если я хочу сойти съ избитой тропинки...

Онъ искалъ — и пока не находилъ.

Пока что, семерка, такова, какъ она была, требовала осторожнаго управленія, чтобы не нарушалась гармонія.

Конечно! — м-зель Ссевола не была зла; т.-е. она за добро не отплатила бы непремѣнно зломъ. А малютка Лорель, почти навѣрное, каждому возмѣстила бы добромъ за зло. Что касается королевы Норы, то она всегда испытывала къ Карлу-Эдуарду чувства преданной дружбы... Безъ сомнѣнія, любовь одно, а дружба — другое... Но все же, пока дѣло касалось женщинъ, которыми еще не овладѣлъ духъ разврата, можно было не опасаться чрезмѣрныхъ непріятностей или серьезныхъ опасностей.

Но обѣ Сартэнъ. Лишь дьяволъ могъ бы удержать или возбудить дикое бѣшенство, которое способна вызвать ревность матери къ дочери и дочери къ матери. И Фэрмундъ прибавляла къ этимъ неистовствамъ свои, а Зибелинъ просоединяла еще худшія, — Зибелинъ, которой устрашились бы Сулла и Цезарь... Карлъ-Эдуардъ, хладнокровно взвѣшивая все это, — хладнокровіе дается легче, когда сердце окончательно застыло, — презрительно ожидалъ всего, начиная съ анонимнаго письма и кончая восьмью пулями изъ браунинга...

Но все это было бы пустяками, если бы...

II.

... Если бы Карлъ-Эдуардъ, ухаживая за семью молодыми дамами, и, собираясь ухаживать за восьмой, не ощущалъ въ глубинѣ души смертельной тоски.

... Потомъ, — гораздо позже, — онъ имѣлъ долгіе годы для размышленій. И онъ установилъ совершенно точно, что ни одинъ періодъ его жизни не былъ такъ печаленъ и мученъ, какъ періодъ, послѣ смерти Фіаммы Вогера.

Онъ вновь страдалъ. Это были новыя и непредвидѣнныя страданія. Но только на этотъ разъ нравственная боль была одновременно такой ноющей и такой острой, что онъ уже больше не пытался ее анализиро-

вать. Такъ кричащія благимъ матомъ дѣти, которыхъ спрашиваютъ: «Гдѣ у тебя болитъ?» — отвѣчаютъ: «Вездѣ!» — У него, дѣйствительно, болѣло и тѣло, и духъ, и сердце.

Онъ страдалъ изъ-за Фіаммы Вогера — мертвой. Онъ страдалъ изъ-за Стеллы де Спангеймъ — живой. Онъ страдалъ изъ-за семи другихъ. Онъ страдалъ даже изъ-за восьмой, еще неизвѣстной. И онъ страдалъ, главнымъ образомъ, отъ многихъ необъяснимыхъ ранъ, которыя онъ не отличалъ одну отъ другой, и которыя всѣ, вперемежку, печалили и опустошали его душу...

Онъ страдалъ изъ-за Фіаммы Вогера. — Не потому что онъ продолжалъ еще любить ее: любовь, если она чувственная, всегда умираетъ вмѣстѣ съ объектомъ любви. — Единственный англійскій поэтъ, котораго можно сравнить съ Шекспиромъ, Киплингъ, такъ формулировалъ эту жестокую, но неоспоримую теорему: мы, въ нашихъ самыхъ тоскливыхъ снахъ, никогда не видимъ лицъ нашихъ мертвецовъ. — И ужъ, конечно, не видимъ мы того второго, преображеннаго, лица, которое иногда имѣли покойные и, которое невозвратно ускользаетъ изъ нашей памяти, лишь только земля покрыла ихъ прахъ. — Тѣхъ, которые больше не существуютъ — больше нѣтъ, и если они иногда и бродятъ по ночамъ, то не въ плоскости чувствъ. Тѣ пылкія фантазіи, которыя мучили Карла-Эдуарда при жизни Фіаммы, когда онъ предполагалъ, что у нея есть другой любовникъ, перестали его волновать. Неразрѣшимую загадку нельзя было больше разрѣшить. Сфинксъ навѣки укрылся песчанымъ саваномъ. — Карлу-Эдуарду оставалось лишь замѣнить свой костеръ крестомъ. Фіамма Вогера умерла. Умерла вдали отъ него. Онъ не смогъ ей дать предсмертнаго прощенія, не смогъ принять отъ нея высшаго отпущенія грѣховъ: короче, между ними не успѣлъ возстановиться миръ, который далъ бы имъ незнакомую вульгарнымъ любовникамъ сладость: способность забыть и не упрекать...

И она умерла. Никакого исхода. Никакой надеж-

ды. Шипъ оставался въ ранѣ и не было способа извлечь его.

Какимъ-то другимъ страданіемъ, не такимъ тревожнымъ, но болѣе тяжелымъ и невыносимымъ — Карлъ-Эдуардъ страдалъ изъ-за Стеллы де Спангеймъ. — Она была жива. И это было гораздо хуже, потому что и она, безъ сомнѣнія, продолжала мучиться: Карлъ-Эдуардъ ее слишкомъ хорошо и слишкомъ давно зналъ, чтобы сомнѣваться въ этомъ. Есть много женщинъ, молчаніе которыхъ означаетъ забвеніе. Такихъ есть тысяча на тысячу и одну. Но мадамъ де Спангеймъ была тысяча первой. И вотъ, не было никакой возможности спасти эту далекую и нѣмую жертву. Малѣйшая попытка была бы лишь оскорбленіемъ. Ничего нельзя было сдѣлать: оставалось только рикошетомъ страдать самому, страдать такъ же, безъ исцѣленія.

Но, это еще не было все.

Карлъ-Эдуардъ страдалъ еще по другимъ причинамъ: онъ себя чувствовалъ мужчиной, — мужчиной здоровымъ, бодрымъ и сильнымъ. — Да, случившееся было для его ума и сердца двумя потрясающими ударами дубиной. — Но тѣло было пощажено, нетронуто, невредимо. И въ здоровомъ тѣлѣ продолжала бродить мужская сила, деспотичная... какъ животное, которое голодно и, которое хочетъ ѣсть, — ѣсть, что угодно! — Карлъ-Эдуардъ принялся считать свои годы, какъ часто дѣлаютъ тѣ, чью жизнь прервала война, и, которые сбиваются въ счетѣ своихъ лѣтъ: — 1889—1922?.. Какъ? Ему еще не было тридцатичетырехъ лѣтъ?.. Но тогда вѣдь онъ былъ еще молодъ? — Онъ опѣшилъ. — Какъ ясно! значитъ двадцать или двадцатьпять мѣсяцевъ того, что въ поэзіи зовется «чувствомъ нѣжнымъ», можетъ изсушить и помять душу человѣка больше, чѣмъ сорокъ или пятьдесятъ мѣсяцевъ траншей могли износить мускулы и кости? — Во всякомъ случаѣ, это было худшей мукой: все еще чувствовать въ себѣ непонятную муж-

скую силу, вопреки душевной усталости; и все еще чувствовать волненіе крови въ жилахъ... Семь женщинъ; и онъ нуждался въ нихъ! даже ощущалъ потребность въ восьмой! и все же не желалъ ни одной... не желалъ ничего...

И онъ сжималъ руками виски и думалъ прилежно, старательно. Эта презрительная иронія, которой онъ такъ недавно обольщалъ себя, считая одну за другой «размѣнную монету мсье де Тюреннъ», была далеко!

— Семь женщинъ, которыя, въ общемъ, мнѣ всѣ семь нравятся... изъ которыхъ три или четыре временами возбуждаютъ мое любопытство... изъ которыхъ, по меньшей мѣрѣ, дзѣ мои вѣрные друзья... И отвращеніе! ничего другого... Между тѣмъ, на что могу я, смѣю я жаловаться? Сколько мужчинъ никогда и не мечтали о лучшемъ, чѣмъ эта дѣйствительность?.. И чѣмъ я лучше этихъ мужчинъ?

Онъ былъ гордъ. Гордость противоположна тщеславію.

И онъ чистосердечно закончилъ:

— Я безъ сомнѣнія, жилъ больше. И, безъ сомнѣнія, также многіе предки до меня. Но ничего этого не написано на моемъ лбу. Предположимъ, что я стою большаго, чѣмъ другой, кто можетъ это замѣтить? — Было бы ослѣпительно, даже необъяснимо, что семь женщинъ — всѣ обольстительныя, удостоили именно меня своимъ желаніемъ, — если бы всѣ женщины не походили на Панургово стадо, частью изъ подражанія, частью изъ чувства соревнованія... — Но, необъяснимо или нѣтъ, я долженъ былъ бы быть очень счастливъ. — Тогда, почему же это не такъ?

Онъ искалъ, все такъ же искренне:

— Можетъ быть потому, что я самъ пересталъ любить. Впрочемъ, кажется, что Стелла де Спангеймъ и Фіамма Вогера, уйдя изъ моей жизни, унесли съ собою все, что я имѣлъ лучшаго: сентиментальное и чувственное. У меня осталось лишь малоцѣнное, лишь внѣшность человѣка. Но почему же я не въ состояніи на-

чать сначала, если я все еще молодъ? Почему мнѣ какъ будто запрещено полюбить вновь, разъ меня еще любятъ? Главное, откуда эти нелѣпыя и жестокія любовныя муки, если мнѣ больше никогда не суждено любить.

Онъ забылъ, что и подвергшіеся ампутаціи испытываютъ боль въ ампутированныхъ рукахъ и ногахъ, — и страдаютъ и мучаются, не имѣя надежды вернуть свои потерянные члены.

III.

Мѣнять партнершъ въ прелестной любовной игрѣ, мѣнять ихъ пять, шесть и семь разъ въ недѣлю: вотъ что привело бы въ восторгъ Сганареля Мольера. Вѣдь этотъ бѣдняга признавался, что «было бы очень пріятно и забавно каждый мѣсяцъ вступать въ бракъ», и что «опъ бы приспособился къ этому, если бы каждое удовольствіе не имѣло своей оборотной стороны». Самъ Донъ-Жуанъ былъ того же мнѣнія, утверждая съ трогательной наивностью, что: «ставъ господиномъ одной ночи, больше нечего желать». Но на самомъ дѣлѣ, если Мольеръ и понималъ «все величіе человѣческаго духа», то совершенно не зналъ его «низости», такой родной, однако, старичку Хризалю. Ставъ «господиномъ одной ночи», человѣкъ какъ бы присѣлъ къ пиршественному столу, но ничего не отвѣдалъ Только Деметріусъ у Пьера Луій отказывается отъ второй ночи, потому что онъ боится разочарованія послѣ утѣхъ первой. Тотъ, кто умѣетъ любить, въ точномъ смыслѣ этого глагола, не удовлетворится однимъ объятіемъ. Онъ захочетъ полностью насладиться бархатомъ кожи, пыломъ поцѣлуя, свѣжестью дыханія, ароматомъ женскаго тѣла и сладостью извѣчныхъ словъ, которыя наслажденіе исторгаетъ изъ замирающаго горла. Эти ощущенія никогда не бываютъ одинаковыми. И тѣмъ, кто видѣлъ, какъ преображается женщина въ его объятіяхъ, не ка-

жутся удивительными картины природы: ни Сѣверное сіяніе, ни вой бури въ вершинахъ пальмъ, ни молнія, ни приливъ и отливъ. Тюрзе былъ любовникомъ, внѣ всякаго сомнѣнія любимымъ ея величествомъ Чешскимъ и Моравскимъ, дамами де Сартэнъ, де Жарнакъ и Фэрмундъ, дѣвицами Ссевола, Эльза и Лорель (ибо малютка Лорель и не думала отказывать Карлу-Эдуарду въ своемъ тѣлѣ, какъ только она замѣтила, что онъ желаетъ его...). Тюрзе, вдобавокъ былъ кандидатомъ на блаженство въ объятіяхъ восьмой, еще неизвѣстной, но поэтому болѣе желанной, уже заранѣе болѣе обожаемой, чѣмъ всѣ упомянутыя вмѣстѣ взятыя, любовницы. Тюрзе, чувствующій себя какъ пѣтухъ въ курятникѣ, не могъ быть несчастливъ. Поэтому вся эта мрачная тоска, о которой говорилось выше, и которая угнетала Карла-Эдуарда, по мнѣнію людей разумныхъ и положительныхъ: радикальныхъ конгрессистовъ, вегетеріанцевъ и сторонниковъ всемірнаго голосованія, была вздоромъ, бѣшенствомъ съ жиру. Эти образчики человѣческой посредственности скорѣе откажутся перечитать Расина, чѣмъ допустятъ, что человѣкъ, даже если онъ богатъ и имѣетъ семь любовницъ, можетъ не быть безраздѣльно счастливъ. И все же, нельзя быть увѣреннымъ, что послѣ смерти Баязета, султанъ Амуратъ, вернувшись въ Сераль, проводилъ бы жизнь въ радости и весельѣ, даже если бы Роксана осталась въ живыхъ. Султанъ — султану рознь, и султанша — султаншѣ также.

И вотъ, почему ни Сганарель, ни его наивный распутникъ-господинъ, узурпировавшій имя себѣ не по плечу, ни александрійскій Деметрій, менѣе ограниченный, конечно, но слишкомъ скульпторъ для того, чтобы понимать толкъ въ статуяхъ розоваго мрамора, — вотъ, почему никто, никогда, не слышалъ и не услышитъ какъ слѣдуетъ потрясающее слово «любовь», которое французскій языкъ благоразумно облекъ въ полную неопредѣленность, и которое только Моцартъ и Мюссэ пытались истолковать или, скорѣе, познать въ мечтахъ...

Любить. — Карлъ-Эдуардъ думалъ, что онъ любилъ. — Два раза. — И онъ думалъ, что больше не способенъ любить, — больше никогда. — Возможно, что онъ и не ошибался, такъ какъ два сильныхъ, глубокихъ чувства, одно за другимъ, заполнили его сердце, потомъ опустошили его, оставивъ его изсохшимъ и смятымъ. — Такъ налетаютъ и уходятъ два прилива и Сахара заступаетъ ихъ мѣсто. — И правда, заглядывая иногда въ свою душу, человѣкъ съ семью любовницами находилъ тамъ лишь кладбище, такое голое, что кипарисъ остерегся бы пустить на немъ корни. Но, тѣмъ не менѣе, и это было почти патологично: этотъ человѣкъ, который больше не любилъ и все же страдалъ отъ своей умершей любви, временами вздрагивалъ, какъ обожженный горячимъ огнемъ и вонзалъ тогда ногти въ свою грудь: это бывало, когда онъ думалъ о Фіаммѣ Вогнера и о Стеллѣ де Спангеймъ в м ѣ с т ѣ. Это святотатство смущало его. Какъ! То же слово, чтобы возстановить въ памяти и чистую и сіяющую нѣжность, которая смягчала его душу въ тѣ времена, когда для него цвѣла эта лилія долинъ — Стелла, — и дикую страсть, которая сжигала его въ тѣ времена, когда онъ обѣими руками держалъ это знойное пламя — Фіамму, и когда она старалась жечь еще жарче?.. О! смѣшно было бы утверждать, что тубероза не достойна эдельвейса. — Но соединять ихъ, нѣтъ... нѣтъ! И несмотря ни на что, его память бѣсновалась и ожесточенно старалась слить воедино эту алую умершую и бѣлоснѣжную живую... Любить. — Но что это означаетъ? Любятъ душой, головой, сердцемъ, кожей, нервами — и остальнымъ... да! — Покопайтесь-ка немного въ этомъ! Любовникъ не найдетъ своей любовницы... Бергсомъ и Буржэ, размышляя въ тиши своихъ кабинетовъ, всегда чистосердечно признавались, что не могутъ ничего понять во всемъ этомъ. И вы бы хотѣли, чтобы самый обыкновенный смертный, искромсанный живьемъ, отдавалъ себѣ отчетъ, что въ немъ происходитъ? Бросьте, бросьте...

— Любить — это философскій глаголъ. — Любить.

значитъ искать Бога. — Никто не имѣетъ права найти его.

Въ тотъ день, когда Карлъ-Эдуардъ окончательно удостовѣрился, что онъ никогда не поймет, онъ закончилъ свои разсужденія:

— Монашенки, колѣнопреклоненныя въ своихъ кельяхъ въ глубинѣ холоднаго монастыря, скорѣе найдутъ рѣшеніе чѣмъ я. Онѣ правы. Я не правъ.

IV.

Между тѣмъ въ курятникѣ, среди семи куръ, все шло своимъ чередомъ.

Запряжка, какъ обычно, сейчасъ-же послѣ внушенія понесла. Въ первыя же недѣли октября вспыхнула неминуемая стычка между мадамъ Фэрмундъ и де Жарнакъ. Эксъ-подруги, ставшія ярыми соперницами, сперва потеряли всякую мѣру, а затѣмъ и хладнокровіе. Сама Симона, которая обычно контролировала малѣйшее движеніе своихъ изогнутыхъ рѣсницъ, забылась до того, что поставила Карлу-Эдуарду ультиматумъ: она, или другая! Карлъ-Эдуардъ разсмѣялся имъ обѣимъ въ лицо. Послѣ чего, бросивъ на произволъ судьбы, доставлявшую слишкомъ много затрудненій пару, онъ пошелъ посмѣяться къ жизнерадостной Ссеволѣ, которая какъ разъ мѣняла устарѣвшій дадаизмъ на кубизмъ. Мадемуазель Ссевола, которая не была лишена, ни знаній, ни таланта, что она старательно скрывала, уже успѣла извлечь изъ вышеуказанныхъ перемѣнъ, довольно значительныя коммерческія выгоды. Она была въ восторгѣ отъ создавшагося положенія — львицы, даже стриженыя, не довольствуются водой, — такъ что мадемуазель Ссевола, очень довольная, приняла съ распростертыми объятіями гостя — вѣстника радости. Онъ пожелалъ, для ознаменованія своего прихода купить много полотенъ. Все болѣе приходя въ восторгъ, мадемуазель Ссевола безъ конца смѣялась надъ злоключеніями пары

Фэрмундъ—Жарнакъ. Ея измазанный охрой и кобальтомъ пальчикъ еще никогда не попадалъ между молотомъ и наковальней.

Иначе отнеслась къ происшествію умная и недовѣрчивая Лорель, съ которой Карлъ-Эдуардъ любилъ встрѣчаться въ ея уютномъ маленькомъ гнѣздышкѣ, на авеню Ніэль, гдѣ она занимала антресоль большого мрачнаго дома. Она забезпокоилась, предвидя непріятныя осложненія:

— Чарли!.. главное, не сердитесь!.. Вы знаете, что я васъ очень люблю... Но поэтому-то... Эти Жарнакъ, Фэрмундъ, это чесотка, желчь, холера... вы дождетесь, что васъ убьютъ, я очень боюсь... И потомъ, и потомъ... Чарли, когда дѣло будетъ касаться другихъ созданій, такихъ, которыя имѣютъ сердце, уязвимое сердце, — развѣ вы не боитесь, что играя вотъ такъ, — выпустивъ когти, — развѣ не боитесь причинить какъ-нибудь боль вашему собственному сердцу? или другому сердцу:.. сердцу такой бѣдной маленькой подруги, — вродѣ меня, напримѣръ?...

Вскорѣ, дѣйствительно, не одно сердце пострадало...

Королева Нора отдалась своему кузену изъ дружбы и не придавала этому факту особаго значенія. Съ того момента, какъ ея тронъ оказался въ царствѣ Молодой Луны, Нора Гогенштауфенская могла спокойно слѣдовать своимъ капризамъ, лишь бы они были достойны ея. Королева больше не существовала. Женщина, которая была королевой, продолжала жить. Эта женщина не имѣла желанія опуститься. Но Карлъ-Эдуардъ былъ достойнымъ партнеромъ. Итакъ, — она была красива и онъ ей нравился: никакихъ осложненій не приходилось опасаться... Все же въ первый вечеръ ихъ близости Нора повторила Карлу-Эдуарду почти дословно то, что ему сказала Лорель. Обѣ, — и маленькая дѣвочка и большая принцесса сошлись на одномъ: обѣ совѣтовали своему другу быть благоразумнѣе:

— Чарли, дорогой, будь остороженъ!

— Опять! Но въ чемъ?

— Во многомъ. Постой-ка: я замѣтила, что ты не любишь постоянства въ любви. Ну, а представь себѣ, что есть женщины, которыя желаютъ, чтобы имъ были вѣрны.

— Какая странная идея! И какъ это пошло!

— Совершенно вѣрно! — Ты правъ, какъ нельзя болѣе правъ. — Но чего ты хочешь! пошлое — пошло, и такіе люди, какъ ты да я лишь исключенія. — Но, непріятно то, что пуля браунинга не дѣлаетъ разницы между пошлымъ и исключительнымъ. Постарайся имѣть это въ виду!

Карлъ-Эдуардъ взялъ королеву за руку, закрылъ дверь, которую она отворила, и серьезно посмотрѣлъ въ глаза Норы Гогенштауфенъ.

— Дорогая, ты хочешь что-нибудь сказать? или ты философствуешь?

Ея высочество Моравское и Богемское, расхохотались.

— Не будь невѣжливъ! Философствовать не значитъ ничего не сказать. Но не будемъ спорить... Ты меня прекрасно понялъ. — Нѣтъ, я ничего не знаю о твоихъ дѣлахъ. Но я предполагаю, что твои восемь или десять любовницъ, всѣ поютъ по разному. Да будутъ тебѣ благостны настроенія всѣхъ этихъ дамъ!..

Онъ прощался; она сдѣлала реверансъ:

— До скораго свиданія, я надѣюсь? Знаешь ли ты, что я тебѣ обязана нѣсколькими исключительно возбуждающими секундами? И я совсѣмъ не прочь «вернуть ихъ»... Кромѣ того, шутки въ сторону, мнѣ кажется, что мы должны были бы держаться солидарно... Я говорю это, главнымъ образомъ, для тебя, потому что мнѣ кажется, что ты вступилъ на опасный путь. Разсчитывай же на меня. Это все.

Она начала спускаться по лѣстницѣ. Потомъ, вдругъ взбѣжавъ обратно:

— Какъ это комично! — она весело смѣялась: — въ былыя времена при такихъ обстоятельствахъ, т. е.,

когда твое высочество соблаговолило бы отпустить меня, за нами по пятамъ слѣдовало бы двѣнадцать вельможъ и четырнадцать придворныхъ дамъ... Хорошо, однако, быть лишь карточными королями!... Чарли, да здравствуютъ республики!..

— Особенно веселыя, Нора! — смѣялся Карлъ-Эдуардъ...

И вскорѣ все начало усложняться, какъ бы съ цѣлью доказать правоту словъ королевы Норы.

Были, конечно, и исключенія, какъ бы милостыня судьбы. Два самыхъ дорогихъ сердцу Карла-Эдуарда увлеченія назывались мадамъ де Сартэнъ и Эльза, дочь де Сартэнъ. Мадамъ де Сартэнъ была, безспорно одной изъ опытнѣйшихъ парижскихъ любовницъ. Ея страсть не одного мужчину свела съ ума и довела до изгнанія, или до церковнаго отлученія. Карлъ-Эдуардъ, уже узнавшій толкъ въ объятіяхъ, первый разъ поднявшись изъ объятій прекрасной Иды, чувствовалъ себя какъ выжатый лимонъ. Впослѣдствіи онъ самъ опредѣлилъ свое первое впечатлѣніе:

— Лишь только объятія этой женщины сомкнулись вокругъ меня, мнѣ показалось, что они поглотили меня навсегда и разомкнутся лишь когда я буду мертвъ. Впрочемъ, меня больше ничего не трогало... И, когда объятія раскрылись, въ моемъ мозгу была лишь одна мысль: желаніе немедленно начать сначала...

Эльза де Сартэнъ никогда и не воображала, что мать является ея соперницей. Тамъ и сямъ еще встрѣчается восхитительная почтительность. И отдадимъ должную справедливость: ни Карлъ-Эдуардъ, ни мадамъ де Сартэнъ не жалѣли ничего, чтобы дочь, какъ полагается, оставалась въ невѣдѣніи относительно интимной жизни своей матери. Мать, — даже въ XX столѣтіи, попрежнему, должна оставаться въ глазахъ дочки незапятнаннымъ мраморомъ на недосягаемомъ пьедесталѣ.

И между Идой де Сартэнъ, ея дочерью, и Карлъ-

Эдуардомъ де Тюрзе ничего не произошло... кромѣ нѣсколькихъ затрудненій, — которыя были преодолѣны... Даже сегодня еще, Эльза де Сартэнъ, замужняя, — она вышла замужъ за сына совратителя Женисъ-Лаваля, — со слезами на глазахъ говоритъ о своей нѣжной мамочкѣ, которая за всю ея жизнь причинила ей лишь одно горе: умерла, покинувъ ее..

V

Въ одинъ дождливый ноябрьскій вечеръ, Карлъ-Эдуардъ, вспомнивъ, можетъ быть, опасенія королевы Норы, и, безъ сомнѣнія, начиная чувствовать усталость, если не отъ постоянныхъ стычекъ Симоны съ Фэрмундъ, то, покрайней мѣрѣ, отъ опасности Ида-Эльза и еще многихъ другихъ, смутно предчувствуемыхъ то тутъ, то тамъ; Карлъ-Эдуардъ — однажды вечеромъ, — шелъ сильный дождь, и его мускулы какъ бы размякли, — забылъ всѣ другія пути и угрюмо и тяжело направился къ мирной квартиркѣ на улицѣ Ніэль, гдѣ ютилась нѣжная Лорель.

Его приняли съ такой искренней радостью, съ такой простодушной нѣжностью, такой умной и скромной ласковостью, что онъ въ теченіи цѣлаго часа спрашивалъ себя, чего онъ еще искалъ въ другихъ мѣстахъ. — Развѣ онъ здѣсь не имѣлъ всего, и еще больше, чѣмъ все? — Да! — Но послѣ часа наслажденія ему стало чего то нехватать, неизвѣстно чего... Въ воздухѣ было слишкомъ много ласки, слишкомъ много нѣжности, это тэтъ-а-тэтъ, безъ треній и безъ одного облачка... на одинъ мигъ ему вспомнились старыя почтовыя кареты съ надписями надъ дверцами: «Я обшита мягкимъ». У Лорель точно также было выстлано мягкимъ. — Слишкомъ мягко! — И онъ вздрогнулъ подъ взглядомъ Лорель, снисходительнымъ но проницательнымъ взглядомъ... Она поняла.

Онъ все же смѣло началъ врать:

— Моя малютка, я долженъ вамъ объяснить:

Но кончиками своихъ сильно изогнутыхъ настоящихъ парижскихъ пальцевъ, одухотворенныхъ какъ Фантазіо, Лорель прервала его объясненіе:

— Вы не должны излишне сгущать краски, мой дорогой другъ... Я не ваша жена, неправда-ли?.. И я прекрасно вижу, что вамъ чего-то недостаетъ... я не знаю чего, сказать правду!.. но чего-то, чего я не могу вамъ дать...

Она вдругъ остановилась. Шаловливая улыбка появилась на ея хорошенькихъ губкахъ:

— ...Чего я не могу вамъ дать, и чего другія такъ же не могутъ вамъ дать!.. и одинъ Богъ знаетъ, что многія изъ насъ стараются придумывать для васъ развлеченія!... Но сердце имѣетъ свои доводы, которыхъ ни одинъ разумъ никогда не зналъ. Такъ-что... такъ-что, я васъ очень, очень люблю, знаете ли... очень, а, можетъ быть, еще больше!.. словомъ, настолько, что я хотѣла бы знать, что вы счастливы... или менѣе несчастны: никогда не надо преувеличивать... И я даже не представляю себѣ, какъ мнѣ за это взяться.

Вдругъ она замѣтила, что онъ машинально взглянулъ на дверь.

— А! — продолжала она и забота омрачила ея лицо: — вотъ вы уже скучаете у меня! Да, несмотря на мой настоящій китайскій чай, и мой старый арманьякъ, и мои собственныя прелести, и несмотря на то, что я васъ дѣйствительно люблю... Тсс, тсс!.. не отрицайте ничего, со мной вамъ это не удастся: у васъ даже нѣтъ прекрасной фантазіи мсье Жоржа Онэ, который выдумалъ «Горнозаводчикъ»... Тссъ! Я знаю, что говорю: вы посмотрѣли на дверь. Я, значитъ, окончательно проиграла партію. Вамъ нужно другое, по-лучше бѣдной Лорель. Де профундисъ, и не будемъ больше говорить объ этомъ...

Нѣжность къ ней вспыхнула въ немъ:

— О! нѣтъ, — крикнула она, почти негодующе, — безъ жалости, мой другъ! жалость мужчины къ женщинѣ — это слишкомъ оскорбительно. Жизненная рулет-

ка крутится какъ ей угодно. Десять, черное, четъ, дюжина никогда не составятъ двадцатьтри, красное, нечетъ и края. Такъ что... Молчите!.. и, главное, не шевелитесь.

Онъ больше не шевелился. Онъ смотрѣлъ на нее, довольно почтительно.

— Я знаю! — вдругъ заявила она. — Мой автомобиль внизу, идемте.

— Куда? — возразилъ онъ: — уже послѣ полуночи...

— Куда мнѣ угодно! — она опять смѣялась: — это, конечно, не будутъ ни Елисейскія поля, ни рынокъ...

Онъ послѣдовалъ за ней.

VI.

Автомобиль остановился у входа въ кабарэ-дансингъ, извѣстное въ высшемъ свѣтѣ: «Аэропланъ въ Подвалѣ».

Карлъ-Эдуардъ былъ изумленъ:

— Сюда?..

— Сюда, — спокойно отвѣтила Лорель. — О! я не отрицаю, что до войны я бы нашла для васъ менѣе непріятное злачное мѣсто. Милый старый Максимъ былъ гораздо менѣе уродливъ. Но время идетъ впередъ, и это отнюдь не означаетъ, что завтра будетъ менѣе уродливо, чѣмъ сегодня. — Дорогой мой, мы вмѣстѣ рѣшили, что вамъ чего-то, или кого-то недостаетъ. Здѣсь можно найти почти все, даже неисписанные листы...

— А! еще существуютъ неисписанные листы?

— Очень мало. Но скорѣе здѣсь, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Въ былое время молодыя дѣвушки были бы не къ мѣсту въ ночномъ кабарэ. Но въ настоящее время бары зовутся дансингами, А дансинги, Богъ мой, пожалуй, менѣе неприличны, чѣмъ бывали балы Жозефа Делорма и Виктора Гюго... Такъ что здѣсь бываютъ молодыя дѣвушки, иначе говоря, неисписанные листы.

— Но почему вы хотите, чтобъ я интересовался...

Лорель моментально стала серьезной:

— Почему? Вотъ почему, Чарли: я не утверждаю, что молодая дѣвушка навѣрное спасетъ васъ, но я утверждаю, что если васъ не спасетъ молодая дѣвушка, то вамъ ужъ навѣрное никто не можетъ помочь...

Она оборвала фразу и вглядѣлась съ тѣмъ великолѣпнымъ равнодушіемъ, которое женщины всегда такъ прекрасно аффектируютъ на людяхъ. Они вошли въ странное помѣщеніе, — не то дворецъ, не то грязный подвалъ. Расторопные лакеи сновали взадъ и впередъ. Два важныхъ метръ д'отеля провели ихъ къ лучшему столику въ самой глубинѣ обширной залы съ черезчуръ низкимъ потолкомъ. Но зала была сплошь изукрашена фресками изъ самыхъ модныхъ художниковъ. Стулья были сколочены изъ простыхъ обструганныхъ досокъ. Столы представляли собй еле обструганную доску, положенную на козлы. Такіе столы встрѣчаются въ худшихъ кабачкахъ дальнихъ предмѣстій: «Аэропланъ въ подвалѣ» избралъ этого рода оригинальность. И, можетъ быть, какъ разъ это-то постоянное оскорбленіе, наносимое кліентурѣ изъ высшаго свѣта, вынужденной усаживаться и опираться о некрашенныя доски безъ скатерти и салфетокъ, — это явное презрѣніе эксплуататора къ эксплуатируемымъ — и вызвало тотъ успѣхъ, которымъ пользовалось это учрежденіе.

— Итакъ? — спросилъ Карлъ-Эдуардъ, глядя на Лорель.

— Итакъ?

Лорель спокойно повторила вопросъ, разглядывая публику.

— Это есть ваше «почти все», что здѣсь можно найти?

Она слегка повела своими красивыми плечами; потомъ, глядя на него въ упоръ:

— Чарли, Чарли!.. Не будьте несправедливы... прежде всего ко мнѣ, которая этого навѣрное не заслуживаетъ.... Я дѣлаю все, что могу, чтобы вы нашли... И будьте мнѣ за это благодарны... Потому что, если вы

не найдете, я буду не такъ ужъ... не очень огорчена... Чарли, никогда не надо требовать невозможнаго, даже отъ... даже отъ меня...

Она теряла самообладаніе. Но спохватившись, что на нихъ смотрятъ, и главнымъ образомъ женщины, она быстро овладѣла собой. На нихъ дѣйствительно смотрѣли: Карлъ-Эдуардъ былъ дуренъ собой, но тѣмъ особымъ уродствомъ, которое привлекаетъ и приковываетъ. Если даже и предположить, что ихъ никто еще не узналъ — хотя подвалъ и былъ переполненъ, — все же не могло быть сомнѣнія, что не одна пара глазъ уже замѣтила ихъ. Было такъ рано, что гости еще были въ состояніи разглядывать другъ друга. И хотя уже танцевали, — какъ танцевали еженочно и ежедневно въ теченіи этихъ лѣтъ, начиная съ 1918 года, — центръ паркета еще былъ пустъ и второй джэссъ еще не занялъ своей эстрады. Улыбающаяся Лорель обратила вниманіе Карла-Эдуарда на это. Лѣниво протянувъ руку за первымъ стакаиомъ экстра-дрей, она заявила:

Кромѣ всего, вы видите насколько вы неправы, что жалуетесь; часъ разгара еще не насталъ и божьи коровки еще не легли спать. У васъ еще имѣются серьезные шансы увидѣть ихъ. Алло!.. Смотрите! Что я говорила?

Движеніемъ подбородка она указала на группу входившихъ дамъ: двѣ свѣтскія дамы, слишкомъ намазанныя, очень элегантныя; пожилой господинъ; молодая дѣвушка шатенка, длинная, тонкая, которая смотрѣла на «Аэропланъ въ подвалѣ» большими удивленными глазами.

— Провинція, — произнесъ Карлъ-Эдуардъ, кинувъ бѣглый взглядъ въ ихъ сторону.

— Провинція? — повторила Лорель, смѣясь такъ, что видны были два ряда зубовъ: — О, Чарли, какой вы... шотландецъ!.. Провинція! пальцемъ въ небо! — Скажите, улица Вареннъ или де Гренель. Эта дѣвушка по краней мѣрѣ десять столѣтій парижанка. Пари?

— Нѣтъ. Вы знаете, кто эти люди?

— Чарли, если бы я знала, развѣ я бы предложила

пари? Вы дикарь и заслуживаете прожить свой вѣкъ на необитаемомъ островѣ... Впрочемъ, спросимъ метръ д'отеля...

Но метръ д'отель не зналъ. Управляющій навелъ справку. Черезъ нѣсколько минутъ пиколо съ таинственнымъ видомъ доложилъ:

— Это бывшій посланникъ, мсье де Шагардъ... со своей супругой... а вторая дама его невѣстка, мадамъ Фрэней... съ мадемуазель Фрэней, мадемуазель Изабель.

— Не знакомы, — пробормотала Лорель и слегка развела руками.

— Нѣтъ, не совсѣмъ, — исправилъ Карлъ-Эдуардъ: — мнѣ не знакомы лица, но мнѣ знакомы имена; они мнѣ даже хорошо извѣстны. — И я приношу вамъ десять тысячъ извиненій: у васъ взглядъ ясновидящей! Улица Вареннъ, сказали вы? совершенно точно! — мадамъ Фрэней имѣетъ на ней свой особнякъ — одинъ изъ красивѣйшихъ домовъ Парижа... много милліоновъ: это вдова автомобильнаго Фрэнея... И посланникъ тоже живетъ поблизости. Дамы, кажется, близнецы... Ларошъ-Тулонъ, если я не ошибаюсь... очень старый родъ изъ Пуатье... Одинъ Ларошъ-Тулонъ даже убитъ подъ Куллоденомъ въ 1745 году...

— Знакомыя мѣста! — вставила Лорель, смотрѣвшая на полъ.

Но Карлъ-Эдуардъ взглянулъ на нее. И, внезапно, — такъ какъ въ немъ никогда не было ни мелочности, ни неблагодарности:

— Малютка, — сказалъ онъ, — я чувствую себя усталымъ и мнѣ здѣсь скучно. И вамъ тоже, кажется? Хотите, чтобы я васъ проводилъ до дому и пожелалъ вамъ спокойной ночи — у вашихъ воротъ?

Она покраснѣла отъ удовольствія и согласилась. И они направились къ дверямъ. И казалось, что Карлъ-Эдуардъ, идя отъ стола къ двери, ни разу не замѣтилъ, что въ шести шагахъ отъ него, молодая дѣвушка, шатенка, длинная, тонкая, съ большими широко раскрытыми глазами, вдругъ подняла голову и внимательно смотрѣ-

ла на равнодушнаго страннаго человѣка.

И какъ она ни была благоразумна, и не лелѣяла упорныхъ иллюзій, маленькая Лорель, удаляясь съ этимъ человѣкомъ, испытывала тайное удовлетвореніе. Но мадемуазель Фрэней, едва замѣтившая тоненькую Лорель, продолжала смотрѣть на дверь, которая закрылась за графомъ де Тюрзе.

VII.

Впослѣдствіи между мадемуазель Фрэней и де Тюрзе никогда ничего не произошло, кромѣ вполнѣ корректнаго. Но когда Изабелла Фрэней совершенно случайно встрѣтила Карла-Эдуарда въ обществѣ, въ которомъ онъ обычно не бывалъ, и гдѣ онъ ее, можетъ быть, искалъ, потеряла все свое самообладаніе, узнавъ человѣка, который привлекъ къ себѣ ея вниманіе въ «Аэропланѣ въ подвалѣ». И хотя Карлъ-Эдуардъ, безконечно порядочный человѣкъ, не имѣлъ обыкновенія сводить молодыхъ дѣвушекъ съ пути истиннаго, случилось какъ то такъ, что Изабелла уже съ этой второй встрѣчи знала о тайной квартирѣ Карла-Эдуарда на улицѣ Роганъ и согласилась придти туда.

Она пришла, — немного дней спустя... — И ей было оказано еще большее уваженіе, чѣмъ она ожидала или воображала: воображеніе наиболѣе чистыхъ дѣвушекъ иногда гораздо менѣе чисто, чѣмъ онѣ сами. Тѣмъ не менѣе, Изабелла Фрэней любила Карла-Эдуарда де Тюрзе, и любила его, можетъ быть, глубже, чѣмъ если бы онъ сдѣлалъ все, что надо, чтобы быть любимымъ.

Страннымъ ребенкомъ была эта Изабелла. Совсѣмъ не похожая на тѣхъ американскихъ полудѣвъ, которыя властно диктуютъ мораль старой Европѣ. Мадемуазель Фрэней читала всѣ книги, или, вѣрнѣе, она перелистывала всѣ книги, но многія закрывала не читая. Не по глупости, а изъ чувства стыдливости. Она прекрасно

знала, что дѣтей не находятъ среди капустныхъ грядокъ, но совсѣмъ не любопытствовала узнать подробнѣе способы этой фабрикаціи. Дѣвушка двадцати одного года нормально и тщательно воспитанная, не знаетъ всѣхъ тѣхъ соблазновъ, которые знакомы мальчику даже болѣе юнаго возраста. Отчего иногда и происходятъ недоразумѣнія. Однажды Изабелла на улицѣ де Роганъ напоминая Карлу-Эдуарду о ихъ первой встрѣчѣ въ Аэропланѣ въ подвалѣ», вдругъ спросила почти не думая:

— Мнѣ въ тотъ вечеръ показалось, что вы были въ обществѣ дамы?..

— Да, — отвѣтилъ Карлъ-Эдуардъ, не подумавъ хорошенько: — я былъ въ обществѣ молодой особы по имени Лорель, это самое благородное и самое нѣжное существо, которое я нашелъ въ Парижѣ, исключая васъ, и можетъ быть, мою кузину, королеву Нору...

— О? — поразилась Изабелла Фрэней: — то, что вы нашли самаго благороднаго и самаго?..

Она не окончила. И въ этотъ моментъ они совершенно не поняли другъ друга.

Это былъ въ общемъ необычайный и вполнѣ цѣломудренный флиртъ. Мадемуазель Фрэней и де Тюрзе дѣйствительно влюбились другъ въ друга. Но они остерегались обмолвиться объ этомъ хоть словечкомъ. Она приходила разъ въ недѣлю, заходила, садилась. Онъ цѣловалъ ей кончики ногтей, садился напротивъ нея; и оба перебирали, среди тысячи банальностей, сперва послѣднія новости, потомъ дѣлились своими мнѣніями относительно современной литературы. О нѣжностяхъ, ни звука. О планахъ на будущее, еще того меньше, если это возможно. Мадемуазель Фрэней, зная, что во Франціи происхожденіе матери не дѣлаетъ дѣтей благородными, поняла разъ навсегда, что дочь простого автомобильнаго фабриканта — даже такая богатая, какъ она — не можетъ выйти замужъ за графа де Тюрзе, дѣйствительное происхожденіе котораго зналъ весь Парижъ. Карлъ-Эдуардъ, со своей стороны, не представлялъ себѣ брака,

возможнаго для людей, подобныхъ ему: — людей, которые слишкомъ хорошо знаютъ жизнь, женщинъ, себя самихъ. Но это не значило, что онъ не испытывалъ страннаго трепета, глядя такъ близко на это юное личико, которое съ такой естественной смѣлостью довѣрялось ему, — это личико одновременно такое ясное и таинственное. Не слѣдовало ли послѣднимъ усиліемъ воли заставить себя забыть всѣ эти излишнія познанія, чтобы всю жизнь имѣть подлѣ себя эту тайну, эту ясность?

VIII.

...Только... философы опредѣлили, что свобода воли лишь иллюзія. А еще до нихъ, — или послѣ, почемъ я знаю? — теологамъ было угодно увѣрить насъ, что человѣкъ всегда предполагаетъ, а Богъ одинъ располагаетъ. И вотъ, — декабрь еще не наступилъ, случилось нѣчто неожиданное.

Однажды вечеромъ, — Изабелла Фрэней только что ушла изъ квартиры на улицѣ Роганъ, — Карлъ-Эдуардъ, выйдя слѣдомъ за ней, чтобы немного побродить и потомъ пообѣдать, гдѣ случаю будетъ угодно, купилъ со скуки вечернія газеты, и, переходя черезъ Плацъ Карусель, развернулъ одну изъ нихъ. Его взглядъ былъ привлеченъ замѣткой въ отдѣлѣ «Разное» (онъ обычно этого отдѣла не читалъ):

Купоросное масло. — Двѣ дамы, принадлежащія къ высшему свѣту, графиня Ф... и мадамъ Симона де Ж..., вчера послѣ обѣда въ Булонскомъ Лѣсу облили другъ друга сѣрной кислотой. Мадамъ де Ж... почти не пострадала. Но графиня Ф... буквально обезображена, и теперь опасаются, за ея зрѣніе. Было бы неудобно указать здѣсь причину этой странной дуэли, о которой полиція наводитъ справки.

Карлъ-Эдуардъ разинулъ ротъ отъ изумленія.

Никакого сомнѣнія: иниціалы были слишкомъ прозрачны: графиня Ф... не могла быть никѣмъ другимъ,

какъ только Фредерикой Фэрмундъ, а мадамъ Симона де Ж... не могла не быть Зибелинъ де Жарнакъ. — Но почему эта развязка, которая навѣрное раскроетъ многое изъ жизни, до сихъ поръ бывшей, хорошо ли, дурно ли, скрытой—жизни не слишкомъ праведной всѣхъ Зибелинъ и Фэрмундъ, въ которой Карлъ-Эдуардъ одно время принималъ участіе?... Онъ лично не боялся этихъ справокъ; во-первыхъ, потому, что онъ вообще мало чего боялся, и достаточно уважалъ себя, чтобы презирать людей; во-вторыхъ, потому что ни Фэрмундъ, ни Жарнакъ уже въ теченіи четырехъ недѣль не имѣли о немъ никакихъ извѣстій. Но онъ, однако, не былъ увѣренъ, что не несетъ нѣкоторой отвѣтственности во всей этой исторіи. Онъ хотѣлъ удостовѣриться и сдѣлалъ это очень просто, отправившись прямо къ префекту полиціи — вѣжливому и предупредительному господину, — и открылъ ему все, что можно было, не вызвавъ затрудненій. Префектъ, по всей вѣроятности, понялъ больше, чѣмъ ему сказали; и охотно пополнилъ немного схематическое сообщеніе газетъ. Да, госпожа Фэрмундъ и де Жарнакъ встрѣтились вчера въ Аллеѣ Акацій, и въ ходъ было пущено немного сѣрной кислоты. Но, облили другъ друга, это слишкомъ сильно сказано. Имѣлся всего лишь одинъ флаконъ, — у мадамъ Фэрмундъ, которая безъ всякихъ объясненій, хотѣла оросить его содержимымъ лицо мадамъ де Жарнакъ. Эта, какъ болѣе ловкая, уклонилась отъ ѣдкихъ брызгъ, овладѣла флакономъ, и выплеснула остатокъ «куда попало», какъ она потомъ заявила. Къ несчастью, «куда попало» соотвѣтствовало лбу, носу, вѣкамъ и рту графини Фэрмундъ.

— Нападеніе, безспорно. Законная самозащита... Госпожи де Жарнакъ и Фэрмундъ сходятся въ томъ, что отказываются подать жалобу. Такъ что дѣло останется безъ послѣдствій и я искренне сожалѣю, что чья-то нескромность дала возможность прессѣ опубликовать этотъ пустякъ.

Въ такихъ выраженіяхъ префектъ, невозмутимо играя ножомъ для бумаги, закончилъ свою рѣчь:

— Пустякъ? — живо запротестовалъ Карлъ-Эдуардъ: изуродованная женщина, можетъ быть, ослѣпленная...

— О! мьсе де Тюрзе, — возразилъ префектъ, очень холодно, — въ докладахъ по городу каждый день попадаются аналогичные случаи: всѣ парижскія работницы разрѣшаютъ свои споры какъ мадамъ де Жарнакъ и Фэрмундъ разрѣшили свой... Почему вы хотите, чтобы мы больше значенія придавали этому случаю? Если я сожалѣю о нескромности, то лишь опасаясь скандала. Но я склоненъ думать, что сплетни все же пойдутъ по городу. Я могу только пожать плечами.

Карлъ-Эдуардъ поднялъ голову:

— Господинъ префектъ, я не могу смотрѣть на это дѣло съ вашей точки зрѣнія.

— Увѣряю васъ, графъ, что вы это можете и должны. Простите, что я съ вами такъ откровененъ: но я вдвое старше васъ, а старость имѣетъ свои привилегіи. Вы прекрасно понимаете, что я знаю кто вы, и Франція, которую вы удостоили чести избрать своей второй родиной, оградила бы васъ, отъ непріятностей: вы не могли бы быть затронуты пустяковымъ скандаломъ, за который вы, главное, совершенно не отвѣтственны... Поэтому я не забочусь о вашихъ интересахъ, а думаю только объ имени, которое вы носите, а также объ имени, котораго вы не носите. Вотъ единственная причина, побуждающая меня дать вамъ слѣдующій совѣтъ: постарайтесь, чтобы вамъ не пришлось сожалѣть о чемъ либо, когда вамъ, въ свою очередь, будетъ столько лѣтъ, сколько мнѣ теперь. — Другими словами, не будемъ больше говорить объ этомъ, хотите? Совѣтъ, даже старца, пріемлемъ лишь въ томъ случаѣ, когда его не приходится повторять...

Выйдя изъ префектуры, Карлъ-Эдуардъ пошелъ куда глаза глядятъ.

— Надо будетъ завтра повидать Л'Иль Рода, — подумалъ онъ вслухъ...

Послѣ этого онъ вошелъ въ хорошо знакомый ему ресторанъ, пообѣдалъ, возвратился домой...

Закрывая входную дверь, онъ увидѣлъ на столѣ въ передней телеграмму, адресованную на его имя. Онъ взялъ ее безъ малѣйшаго волненія, вскрылъ, прочелъ, — потомъ долгое время стоялъ неподвижно, держа синій листокъ въ рукѣ.

На синемъ листкѣ стояли слѣдующія слова:

Въ траурѣ. Настоятельно прошу вспомнить прошлое и спѣшно прибыть помочь своимъ присутствіемъ здѣсь замкѣ Спангеймъ, въ Славковѣ близъ Брюнна, Моравія, Чехо-Словакія. Только три дня. Крайняя необходимость. Спасибо. Баронесса Стелла де Спангеймъ.

IX.

У калитки маленькаго домика, шалаша въ Булэнвильѣ, де Тюрзе позвонилъ точно такъ, какъ онъ звонилъ два года тому назадъ. И та же субретка съ напудренной рожицей, подмазанная, надушенная, открыла ему: де Л'Иль Родъ не любилъ мѣнять свои старыя привычки. Моросило какъ и въ прошлый разъ. И тѣ же каштаны впитывали небесную влагу концами своихъ послѣднихъ, мертвыхъ листьевъ. Но на этотъ разъ, въ видѣ исключенія, которымъ Карлъ-Эдуардъ былъ очень удивленъ, Луи-Христофъ де Варадесъ, герцогъ де Л'Иль Родъ е Виль-Паризисъ не вышелъ навстрѣчу своему гостю, — которому онъ все же никогда не относился иначе, какъ къ принцу. И кокетливая служанка сдѣлала озабоченную мину, когда посѣтитель спросилъ:

— Герцогъ боленъ?

— Боленъ, нѣтъ, господинъ графъ... Но...

Она покачала головой. Карлъ-Эдуардъ вошелъ.

Нѣтъ, мсье де Л'Иль Родъ не былъ боленъ. Но, какъ это часто случается съ людьми, которые долго сохранили живость и силу, старость пришла къ нему вдругъ, безъ подготовки, и его 74 года сгибали теперь его спину.

Карлъ-Эдуардъ понялъ съ перваго взгляда: Л'Иль Родъ при входѣ графа попытался подняться съ кресла; и усилія рукъ, положенныхъ на ручки кресла, оказалось недостаточно.

— Я прошу васъ, — воскликнулъ де Тюрзе, — я васъ прошу, мой добрый, старый другъ...

Но на этотъ разъ онъ не осмѣлился прибавить, какъ два года тому назадъ:

— ...Мой добрый старый другъ, все еще такой молодой!

Лучше было не говорить ничего. Де Л'Иль Родъ имѣлъ глаза и зеркала, искреннiе, какъ тѣ, такъ и другiе. И онъ прекрасно самъ себя видѣлъ.

— Монсиньоръ, — улыбаясь произнесъ онъ, — это начало моего конца. Вотъ почему я прошу Ваше Королевское Высочество простить человѣку, готовящемуся лечь въ гробъ, если у него появится фантазія вспомнить, что вы настоящій король, король де юре... Я надѣюсь по крайней мѣрѣ, что причиной вашего появленія въ моемъ скромномъ убѣжищѣ не является непріятное происшествіе?

— Этого я не знаю, — возразилъ Карлъ-Эдуардъ: — мы сейчасъ объ этомъ поговоримъ. Начнемъ съ васъ? У васъ невозможная манера выражаться, и я къ ней никогда не привыкну, я васъ предупреждаю заранѣе: «гробъ», напримѣръ, слово...

Л'Иль Родъ, забывъ, можетъ быть, что короля не перебиваютъ, прервалъ:

— Монсиньоръ, «гробъ» — слово. И слово это опредѣляетъ вещь, которой я не боюсь. Эта вещь скоро будетъ здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, гдѣ я имѣю честь принимать Ваше Высочество. Прежде всего, это совсѣмъ не важно: всѣ люди созданы лишь для того, чтобы стать трупами. Оставимъ это... Къ тому же я вовсе не утверждаю, что моя смерть близка: никто не знаетъ ни дня, ни часа. Я еще не мертвъ: въ настоящій моментъ я только старъ... Три недѣли тому назадъ я еще не былъ старъ. — Правда? и это можетъ быть очень кстати, такъ какъ гово-

рятъ, что старость обладаетъ мудростью. И я, вѣроятно, не ошибусь, если скажу, что Ваше Высочество пришли въ мой бѣдный домъ, въ надеждѣ, что я знаю, то, чего Ваше Высочество не знаете... Оставимъ, монсиньоръ, этотъ старый остовъ и поговоримъ о томъ, что васъ занимаетъ? Объ этомъ случаѣ, о которомъ вы даже не знаете, непріятенъ ли онъ или нѣтъ?

Карлъ-Эдуардъ сѣлъ. Онъ досталъ свой бумажникъ, вынулъ изъ него телеграмму мадамъ де Спангеймъ и подалъ ее старцу.

Л'Иль Родъ прочелъ, потомъ задумался...

— Въ общемъ, — началъ Л'Иль Родъ, когда Карлъ-Эдуардъ ему все разсказалъ, — вы сегодня въ 19 часовъ 50 минутъ выѣзжаете Оріентъ-экспрессомъ... хорошій ли день, по крайней мѣрѣ? да: среда, четвергъ... а сегодня четвергъ. — Прекрасно. — Нѣтъ, ничего проще: вашъ старый другъ зоветъ васъ на помощь, вы прибѣгаете. — Любой дворянинъ, я напримѣръ, не имѣль бы права сдѣлать меньше. Вы, слѣдовательно!.. — Значитъ, это не тотъ пунктъ, относительно котораго Ваше Королевское Высочество считало нужнымъ посовѣтоваться со своимъ старымъ слугой...

— Своимъ старымъ другомъ!

— Пусть такъ, пусть такъ! — Но я почтительно прошу Ваше Высочество, разъяснить мнѣ: разъ, безъ всякихъ колебаній, вопросъ объ отъѣздѣ рѣшенъ, разъ купэ заказано, разъ чемоданы запакованы, и разъ меня извинили, — неправда ли, — за то, что я не могу проводить монсиньора на вокзалъ...

— Л'Иль Родъ, вы шутите?

— Какъ Вашему Высочеству будетъ угодно... Я, во всякомъ случаѣ, продолжаю: разъ все заранѣе рѣшено, смѣю ли я спросить, почему...

— Почему я здѣсь и почему я вамъ докучаю? О! дорогой Л'Иль Родъ... не надо спрашивать слишкомъ много... У меня не было опредѣленной цѣли, когда я шелъ къ вамъ. Я только хотѣлъ приблизиться къ единственному моему другу, который дѣйствительно меня любитъ...

Почти такъ же какъ два года тому назадъ, когда я лишь пріѣхавъ, пришелъ къ вамъ, чтобы найти у васъ цѣль моей жизни...

— А! — отвѣтилъ Л'Иль Родъ, вновь задумавшись.

Карлъ-Эдуардъ разсказывалъ ему въ это время со всѣми подробностями происшествіе Жарнакъ-Фэрмундъ и свой разговоръ съ префектомъ полиціи.

— Гмъ! — проворчалъ герцогъ, уперевъ подбородокъ въ руку, — этотъ полицейскій крючекъ, можетъ быть, правъ... но онъ судитъ съ точки зрѣнія всеобщаго равенства, которая никогда не сможетъ стать ни моею, ни вашей. Какое, чортъ возьми, дѣло Вашему Высочеству до качества дамъ, которыхъ онъ удостоилъ своимъ выборомъ? Людовикъ XV долженъ былъ раскаиваться не въ томъ, что Дюбарри казалась ему желанной, а въ томъ, что онъ забылъ Францію для блудницы... Простите за грубое выраженіе, монсиньоръ! Я сегодня слишкомъ усталъ, чтобы искать евфемизмы... и я теряю почтеніе къ нимъ. — Другими словами, вашъ старый разбойникъ изъ Остроконечной Башни и я самъ, хотя и расходимся во мнѣніи по первому вопросу, согласны относительно необходимости, проистекающей изъ него. Я вижу васъ удивленнымъ, монсиньоръ. Я и самъ вначалѣ былъ удивленъ. Я прекрасно помню, что я, не болѣе двадцатипяти мѣсяцевъ тому назадъ, въ этой же комнатѣ, посовѣтовалъ вамъ волочиться за женщинами, сколько и какъ вамъ будетъ угодно, — такъ какъ любовь осталась единственной карьерой, которую вы въ это время могли бы сдѣлать, не унижаясь. — Хорошо! Я не измѣнилъ своего мнѣнія. Но слово «любовь» измѣнило для меня свое значеніе!

Мсье де Л'Иль Родь остановился, у него не хватило дыханія. Онъ даже закашлялся. И Карлъ-Эдуардъ, все еще молчавшій, слышалъ какъ впалыя легкія старца звучали, точно тонкая коробка изъ тонкихъ сосновыхъ досокъ.

— ...Пардонъ! — сказалъ черезъ нѣкоторое время Л'Иль Родъ.

Онъ продолжалъ:

— «Любовь», монсиньоръ... я долго думалъ, что это слово означаетъ исключительно хорошо извѣстное и, все же, достаточно таинственное влеченіе, которое приводитъ такого то мужчину или женщину, къ такой то другой женщинѣ или другому мужчинѣ, исключенія изъ тысячи случаевъ болѣе обольстительные, но которые Великій Учитель Великой Игры безъ сомнѣнія предназначаетъ для иныхъ партнеровъ. — Будучи такого мнѣнія, я поощрялъ Ваше Высочество и совѣтовалъ вамъ любить. Любить, то есть травить женщинъ, которыхъ любишь, до побѣды, до тѣхъ поръ, пока они сами будутъ желать, чтобы ими овладѣли, — въ этомъ были мотивы для жизни. — И это было бы мотивомъ для жизни, если бы это значило любить. — Но вотъ что: я теперь не вѣрю, что любовь представляетъ собою то, что я думалъ тогда.

— О! — кивнулъ Карлъ-Эдуардъ, — мнѣ казалось, что это должно быть болѣе сложно.

— Монсиньоръ, — говорилъ герцогъ, пытаясь подняться, — да проститъ мнѣ Ваше Высочество! но я убѣжденъ въ противномъ: это не болѣе сложно; наоборотъ, это болѣе просто; безконечно проще!

Въ этотъ моментъ де Л'Иль Родъ вновь закашлялся. Кашель былъ такъ ужасенъ, что Карлъ-Эдуардъ болѣзненно вздрогнулъ.

Но старикъ уже продолжалъ:

— У меня было время подумать объ этомъ, монсиньоръ. Я сдѣлалъ лучше: я размышлялъ. О! ради васъ... потому что мнѣ никогда не приходило на умъ напрягать свои сухіе мозги, когда дѣло касалось моихъ собственныхъ приключеній! Но дѣло касалось вашихъ, и я размышлялъ, сколько могъ. — Вотъ результаты, очень неполные, конечно! Я попытался представить себѣ кратко исторію вашей жизни, — т. е. то, что я знаю, то что вамъ угодно было довѣрить мнѣ два года тому назадъ... Сначала вы были сильно влюблены въ эту бар-су де Спангеймъ, о которой мы только что говорили... сильно влюблены, неправда ли?.. и даже прежде чѣмъ вы, если

смѣю такъ выразиться, отвѣдали!.. Простите слова! но я право не могу больше выбирать слова. — Потомъ, мнѣ казалось, что ваша любовь, вскорѣ удовлетворенная, стала уменьшаться?.. О, нѣтъ ничего болѣе логичнаго: всѣ это утверждаютъ! прежде чѣмъ любить, надо познать... въ библейскомъ смыслѣ этого слова... а вы сперва любили, чтобы познать лишь потомъ. — Ошибка! — Ошибка? Что?.. что знаемъ мы объ этомъ? разъ послѣ баронессы Спангеймъ къ вамъ явилась принцесса Вогера! Принцесса Вогера, монсиньоръ,—ее вы познали сперва, чтобы только потомъ полюбить. — Тѣмъ не менѣе это кончилось не лучше того...

Карлъ-Эдуардъ опустилъ голову. Л'Иль Роду удалось, опираясь о ручки кресла, приподняться:

— Монсиньоръ! — воскликнулъ онъ: — я свидѣтельствую здѣсь, передъ Богомъ, что Ваше Высочество въ этомъ абсолютно не были виноваты! Вы сдѣлали все, что могли. Безъ сомнѣнія, было необходимо, чтобы вы это сдѣлали, потому что также необходимо было, чтобы васъ постигли эти двѣ неизъяснимыя печали: покинуть женщину, которую больше не любишь, но которая еще любитъ тебя; покинуть женщину, которую еще любишь, но которая тебя больше не любитъ...

Карлъ-Эдуардъ молча слушалъ. Л'Иль Родъ перевелъ глаза на окно, прежде чѣмъ продолжать:

— Да, тому, кто слишкомъ страдаетъ, даютъ морфій. Вотъ почему вамъ, монсиньоръ, — по нашемъ возвращеніи изъ Динара, — слѣдовало попытаться оттолкнуть всѣ безумія сердца или тѣла.. И чтобы отвлечься, у васъ было лишь одно средство, — разсѣяться: вмѣсто одного чувства, восемь капризовъ; вмѣсто любви — гигіена и сексуальная гимнастика, разнообразная, какъ всѣ гимнастики.—Правда, что было бы лучше?.. Но и что было бы скучнѣе? По крайней мѣрѣ, вы, не успѣвъ вступить на этотъ путь, уже захотѣли оставить его и чуть было не свернули на самую скверную тропинку: оффиціальнаго и, слѣдовательно, открытаго мезальянса... Богъ мой! Монсиньоръ... я вамъ сказалъ, я взвѣсилъ всѣ за и противъ...

и даже мезальянсъ меня бы не очень испугалъ... Но при условіи, чтобы вы въ немъ нашли счастье! — Думаете вы, что вы бы его нашли?

— Какъ я могу знать?—задумчиво отвѣтилъ Карлъ-Эдуардъ. — Я долго думалъ, что человѣкъ, проживъ мою жизнь, — изолированное воспитаніе, изолирующая война, — и эти послѣдніе годы, — не созданъ ни для какого брака. Но потомъ, недавно, мнѣ кто-то посовѣтовалъ... или почти что...

Онъ умолкъ. Л'Иль Родъ, обождавъ нѣсколько секундъ, опустился въ свое кресло.

— Монсиньоръ! — началъ онъ почти шопотомъ, — никогда не слушайтесь ничьего совѣта!.. и даже моего нѣтъ! — Пожалуй, дѣйствительно лучше будетъ, если я буду молчать; развѣ только Ваше Высочество не прикажетъ мнѣ говорить...

— Говорите!

Карлъ-Эдуардъ дѣйствительно приказалъ. И старый герцогъ не могъ скрыть улыбки радости: графъ де Тюрзе еще помнилъ своихъ предковъ.

Л'Иль Родъ поспѣшилъ начать:

— Мой совѣтъ, лишь совѣтъ... нѣтъ, даже лучше: внушеніе... Монсиньоръ, я вамъ только что сказалъ: любовь это не то, что думали вы и я до этого дня... любовь что-то другое... болѣе простое и большое.—Мы ошиблись: мы спутали цѣль со средствомъ! — Любовь не есть ни волненіе чувствъ, ни волненіе сердца; любовь не кратковременное желаніе, это опустошенная лоза, которую зовутъ капризомъ; и не это желаніе, которое у васъ теперь появилось, желаніе нѣжнаго, спокойнаго отдыха возлѣ нетронутаго ребенка, который, конечно, постарается удержать васъ подлѣ себя. Любовь, которую мы испытываемъ не понимая, и не будучи въ состояніи противостоять ей; мы ошибаемся, ища причину и начало ея въ насъ самихъ. Я скорѣе вижу въ этомъ таинствѣ проявленіе всемогущей, чуждой намъ воли; воли Бога, если хотите, послѣдняго изъ всѣхъ боговъ, единственнаго бога, котораго люди не убьютъ, потому что онъ — сама жизнь, ин-

стинктъ жизни и размноженія. — Это то и есть конецъ! и все, что предшествовало цѣли, все это лишь средства! ничто другое. — Монсиньоръ, соединить въ одной партнершѣ нѣжность, страсть, чистоту, юность и общность всего, — да! сумма этихъ совпаденій, вѣроятно, еще не окажется достаточной, чтобы доставить вамъ длительное счастье. Подумайте ка! Допустимо ли, чтобы богъ для васъ одного расточилъ столько благъ, не требуя ничего взамѣнъ? Берегитесь всегда реванша! Богъ хочетъ лишь создавать жизнь, новую жизнь... А вы пренебрегаете его основными законами: кто знаетъ, не оскорбляете ли вы Бога, не привлекаете ли вы его гнѣвъ, продолжая любить ту, которая васъ больше не любитъ? Желаніе имѣетъ оправданіе лишь въ своемъ осуществленіи. — Хотите умиротворить Бога? — Бросьте клятвы, всегда напрасныя; бросьте романы, всегда безплодные: дѣти, ничего кромѣ дѣтей...

На вокзалѣ въ тотъ же вечеръ Карлъ-Эдуардъ, прежде чѣмъ сѣсть въ вагонъ, прошелся по платформѣ вдоль поѣзда, до паровоза. Рельсы всѣхъ параллельныхъ путей блестѣли въ темнотѣ подъ лучами разноцвѣтныхъ фонарей и сигналовъ. Послѣобѣденный туманъ превратился въ дождь.

Вокругъ разноцвѣтныхъ огней бѣлыхъ, зеленыхъ, красныхъ, синихъ, переливались радужныя кольца...

Глядя въ эту необъятную тьму, простирающуюся передъ дымящимся паровозомъ, Карлъ-Эдуардъ внезапно почувствовалъ холодъ въ костяхъ. Это ощущеніе холода было ему знакомо. Онъ испыталъ его однажды вечеромъ... Онъ сталъ искать въ своей памяти и нашелъ: это было четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ на Іенской улицѣ, въ тотъ вечеръ, когда онъ въ послѣдній разъ видѣлъ Стеллу де Спангеймъ, и когда захлопнулась тяжелая деревянная дверь, обитая желѣзомъ.

Карль-Эдуардъ тяжелыми шагами вернулся къ своему вагону, зашелъ, прошелъ въ свое купэ. Паровозъ свистнулъ. Колеса завертѣлись...

КНИГА ПЯТАЯ.

МОЛИТВА НА АКРОПОЛѢ.

Мы уважаемъ людей, которые до конца послѣдовательны въ обязанностяхъ, страстяхъ и фантазіи.

А. де РЕНЬЕ

I.

Автомобиль ѣхалъ въ ночной темнотѣ по скверному шоссе. Кругомъ простиралась равнина.

— А я то представлялъ себѣ, что Моравія гористая страна!.. — размышлялъ Карлъ-Эдуардъ.

Выйдя изъ вагона на вокзалѣ въ Брюннѣ, онъ засталъ тамъ переводчика и лакея, которые обо всемъ позаботились за него. У входа стоялъ Ройсъ. Лишь только они проѣхали предмѣстья Брюнна, мѣстность оказалась совершенно пустынной.

— А я бы никогда не предположилъ, что близъ такого большого города можетъ быть такая пустыня, — думалъ Карлъ-Эдуардъ.

Отъ Брюнна до Славкова нѣтъ и шести французскихъ миль.

Погода этой ночью была довольно хорошая, хотя уже прошло два дня декабря. Но луна въ своей первой четверти едва серебрила небо. Дождя, однако, не было и отдѣльныя круглыя тучи размѣстились по скромному звѣздному небу. Вдалекѣ, справа и слѣва, мерцали огоньки. Огни хижинъ, вѣроятно.

— Чортъ возьми, если я знаю, въ какой части свѣта я нахожусь! — рѣшилъ, наконецъ, Карлъ-Эдуардъ. Это напоминаетъ все и не похоже ни на что.

Ройсъ, между тѣмъ, свернулъ налѣво, еще задолго до перекрестка у Дома Почты, откуда отходитъ большая дорога, ведущая въ Славковъ.

Карлъ-Эдуардъ, не знавшій о Славковѣ ничего, кромѣ имени, не удивился. Но переводчикъ, почтительно сидѣвшій на одномъ изъ переднихъ сидѣній, повернулъ голову, чтобы объяснить:

— Пусть господинъ графъ не удивляется: Спангеймъ не въ самомъ Славковѣ, а между Блазовицемъ и Юриковицемъ...

— А? — не понимая, отвѣтилъ путешественникъ.

Къ счастью, переводчикъ продолжалъ:

— Господинъ графъ не долженъ безпокоиться: господинъ графъ пріѣдетъ во время!.. похороны состоятся лишь послѣзавтра.

Тюрзе вдругъ понялъ:

— Похороны барона де Спангеймъ?

— Да, господинъ графъ, — торопливо подтвердилъ переводчикъ: — надо было долго ждать изъ-за далекихъ родственниковъ. Но госпожа баронесса желѣзная натура: она каждую ночь бодрствуетъ у гроба!.. Господинъ графъ ее навѣрное и сейчасъ тамъ застанетъ...

Въ этотъ моментъ автомобиль рѣзко завернулъ и въѣхалъ въ барскую аллею большихъ дубовъ...

Ройсъ остановился у подъѣзда. Карлъ-Эдуардъ, выйдя изъ автомобиля, увидѣлъ широкія сводчатыя двери между двумя колоннами, которыя поддерживали терасу съ каменной балюстрадой.

Услужливый переводчикъ началъ объяснять:

— Здѣсь, посерединѣ, средневѣковый стиль... XIV-ое столѣтіе. Тамъ, лѣвое крыло, XVI-ое. Правое крыло, рококо, Людовикъ XV, 1767. Дата надъ маленькой дверью...

Онъ вдругъ оборвалъ. Въ сводчатыхъ дверяхъ появились два лакея въ траурныхъ ливреяхъ, за ними шелъ важнаго вида старикъ съ длинной бѣлой бородой. Онъ спустился съ крыльца навстрѣчу Карлу-Эдуарду.

— Я имѣю честь говорить съ графомъ де Тюрзе? — спросилъ онъ. Онъ говорилъ на хорошемъ французскомъ языкѣ, но говорилъ медленно съ пѣвучимъ акцентомъ.

Карлъ-Эдуардъ молча поклонился.

— Мсье, я графъ Подоль, двоюродный братъ покойнаго барона де Спангеймъ. Баронесса, которая знаетъ, какое долгое утомительное путешествіе вамъ пришлось предпринять, чтобы услужить ей, просила меня привѣтствовать васъ въ Спангеймѣ, несмотря на печальныя обстоятельства, приведшія васъ сюда. Она настаиваетъ, чтобы вы отдохнули, прежде чѣмъ пойти привѣтствовать ее. Баронесса сама пришла бы поблагодарить васъ за то, что вы такъ любезно повиновались ея желанію видѣть васъ здѣсь, если бы не было такъ поздно и если бы она не почитала своимъ священнымъ долгомъ не отходить отъ гроба. Такъ что я, мсье, если вы ничего не имѣете противъ, провожу васъ въ ваши аппартаменты. Вы, я надѣюсь, сможете немного заснуть. Я возьму на себя смѣлость придти туда за вами такъ около полудня. Мы тогда вмѣстѣ повидаемъ баронессу де Спангеймъ. И потомъ я васъ представлю роднымъ и друзьямъ покойнаго барона, прибывшимъ сюда, какъ и вы, на эти торжественные похороны...

Карлъ-Эдуардъ снова поклонился и коротко поблагодарилъ. Вѣжливость графа де Подоль была довольно сквернаго качества. Въ ней чувствовалась дворянская спесь, которую все же сдерживало плохо скрытое, почти робкое, почтеніе. Карлъ-Эдуардъ догадался, что настоящая личность графа де Тюрзе не была тайной въ замкѣ Спангеймъ. Но, несмотря на это, «родные и друзья покойнаго барона», казалось, вовсе не были заинтересованы въ томъ, чтобы состоялся тэт-а-тэт вдовы умершаго съ тѣмъ, кого она вызвала изъ Парижа въ Славковъ «на помощь».

— «На помощь», — стиснувъ зубы, повторилъ про себя Карлъ-Эдуардъ, идя слѣдомъ за мажордомомъ, послѣ того, какъ графъ Подоль съ низкимъ поклономъ, удалился.

Лакеи теперь торопливо распаковывали его вещи. Карлъ-Эдуардъ, бросивъ пальто, широко раскрылъ одно

изъ оконъ своей комнаты и облокотился, глядя въ темноту ночи.

Безъ сомнѣнія, паркъ, если таковой имѣлся, находился по ту сторону замка. Окна комнаты, отведенной графу де Тюрзе, выходили на довольно большую площадку, за которой простирались поля. Поля, луга, до самаго горизонта. И ни одной горы. Одна возвышенность, только на нѣсколько саженей подымавшаяся надъ равниной, нарушала монотонность пейзажа. Карлу-Эдуарду, смотрѣвшему на эту возвышенность, названія которой онъ и не подозрѣвалъ, казалось, что онъ различаетъ нѣсколько деревьевъ и домовъ. Луна, поднявшаяся теперь выше, бросила туда немного свѣта. Карлъ-Эдуардъ, ріентируясь по многочисленнымъ звѣздамъ, среди все болѣе разсѣивавшихся тучъ, замѣтилъ, даже не задумавшись надъ этимъ, что онъ стоялъ спиной къ Полюсу, и, что незнакомая возвышенность «лежала», какъ говорятъ моряки, слегка къ юго-западу отъ замка.

Было почти тепло, хотя былъ декабрь.

Но вдругъ, благодаря утомленію съ дороги, Карлу-Эдуарду стало холодно. Онъ отошелъ отъ окна. Лакеи кончили свою работу. Одинъ изъ нихъ поспѣшилъ закрыть. Второй раздѣлъ гостя. Карлъ-Эдуардъ легъ...

Но сонъ долго не приходилъ.

II.

Въ высокой залѣ съ раскрашенными балками, съ середины поперечныхъ балокъ, сходившихся звѣздообразно, спускалась громадная желѣзная люстра. Когда Карлъ-Эдуардъ вошелъ, слѣдомъ за графомъ Подоль, онъ, первымъ долгомъ, увидѣлъ эту люстру, въ которой скрытое полуденное солнце зажигало грубые отсвѣты. Это былъ лишь мигъ. Тотчасъ же, графъ Подоль отодвинулся, чтобы представить вновь пришедшаго, — Карлъ-Эдуардъ улицезрѣлъ »друзей и родныхъ почившаго ба-

рона», сгруппировавшихся въ глубинѣ обширной залы.

Программа графа Подоль была точно выполнена. Мсье де Тюрзе еще не была дана возможность привѣтствовать мадамъ де Спангеймъ. Лакеи, которымъ онъ позвонилъ, прислуживали ему съ наиболѣе почтительной медлительностью. Второй завтракъ въ Спангеймѣ подавался въ 10 часовъ. Такъ что Карлъ-Эдуардъ долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что ему сервировали у него, чѣмъ программа не была сокращена. Но графъ Подоль по крайней мѣрѣ былъ точенъ. И, Карлъ-Эдуардъ, наконецъ то, увѣрившись, что онъ теперь увидитъ Стеллу, потерялъ свое нетерпѣніе.

Родные и друзья, на поклонъ, поклонились. Ихъ было не менѣе тридцати и они стоили того, чтобы ихъ разглядѣли. Большинство изъ нихъ было въ формѣ, или лучше, въ форменныхъ мундирахъ, очень различныхъ: здѣсь было большое число вельможъ, которые еще помнили свою службу или командованіе подъ старыми австровенгерскими знаменами и которые, безъ сомнѣнія, сожалѣли о томъ времени, несмотря на то, что великая война освободила Прагу, Брюннъ и Козицы. Среди этихъ долмановъ, туникъ, шубъ, рединготовъ и пиджаковъ виднѣлись лишь нѣсколько черныхъ пятенъ. Впрочемъ, трауръ былъ повсюду, на каждомъ мундирѣ былъ крэпъ, какъ на рукавѣ такъ и у шпаги.

И общій видъ, безъ сомнѣнія, подавалъ поводъ къ улыбкѣ, но и къ раздумью.

— А теперь, мьсе де Тюрзе, если вамъ угодно привѣтствовать баронессу...

Въ самомъ концѣ очень длинной галлереи, двухъ очень узкихъ кабинетовъ, убранныхъ только старыми картинами, религіознаго содержанія, настолько черными, что сюжетъ ихъ оставался тайной, — низкая дверь изъ стариннаго чернаго дуба вела въ освѣщенную домовую церковь...

III.

Часовня замка Спангеймъ освѣщалась двумя окнами, пропускавшими очень мало свѣта. Но она была небольшихъ размѣровъ; а изобиліе свѣчей и лампадъ, которыя были зажжены, чтобы воздать должное почтеніе тлѣннымъ останкамъ барона де Спангеймъ, катафалкъ, съ которыми стоялъ здѣсь, пополняло недостаточный свѣтъ, проникавшій снаружи. Карлъ-Эдуардъ, войдя, однимъ взглядомъ окинулъ высѣченный и позолоченый алтарь, гробъ, утопавшій въ волнахъ чернаго бархата, два ряда монахинь, выстроившихся справа и слѣва. И впереди группы колѣнопреклоненныхъ женщинъ въ траурѣ, Стеллу де Спангеймъ подъ длинной вдовьей вуалью, распростертую на налоѣ, такомъ большомъ, что она казалась еще болѣе хрупкой и трагично безпомощной.

Карлъ-Эдуардъ видѣлъ, что она вздрогнула отъ стука двери. Тѣмъ не менѣе, она не поднялась и даже не обернулась до тѣхъ поръ, пока прислужница не подошла къ ней и сказала ей что-то на ухо. Казалось, все было предусмотрѣно и заранѣе подготовлено. Мадамъ де Спангеймъ, не отвѣчая и не подавая знака, окончила свою молитву перекрестилась, и, наконецъ, уступила налой монахинѣ. Тогда она прошла притворъ подошла къ боковой двери, у которой стоялъ Карлъ-Эдуардъ и его проводникъ, и прошла въ первый изъ двухъ прилегающихъ кабинетовъ, который представлялъ собой ризницу.

Одна изъ дамъ въ траурѣ, стоявшая на колѣняхъ позади нея, прошла за нею, какъ прислужница въ трагедіи. И Карлъ-Эдуардъ услышалъ, что его представили графинѣ де Крухъ, полу-уроду, ротъ которой со слишкомъ низкими углами, подъ орлинымъ носомъ, очевидно, презиралъ весь міръ, включая присутствующихъ.

— Какъ? — подумалъ Карлъ-Эдуардъ, ущипнувъ себя, чтобы убѣдиться, что онъ не спитъ: — графиня де Крухъ и графъ Подоль не вообразили ли случайно, что Стелла де Спангеймъ будетъ со мною говорить только въ ихъ присутствіи?

Графиня де Крухъ и графъ Подоль дѣйствительно вообразили это. Что немедленно доказали. Оба, обнаруживая хладнокровіе, которое не протрясъ бы и таранъ, съ первой же благодарности, высказанной мадамъ де Спангеймъ графу Тюрзе, и съ первой же реплики графа Тюрзе мадамъ де Спангеймъ, вмѣшались въ разговоръ. Но они, къ несчастью, напали на человѣка, на котораго наглость не дѣйствовала. Карлъ-Эдуардъ поблѣднѣлъ, лишь только онъ раскусилъ намѣреніе спутниковъ Стеллы.

Онъ нѣкоторое время притворялся, что принимаетъ такое отношеніе. Но затѣмъ, разумно разсудивъ, что гордіевъ узелъ все же надо будетъ разрѣзать, онъ, съ рѣшительностью хирурга, началъ дѣйствовать наудачу:

— Мадамъ, — началъ онъ, безъ всякаго предисловія, послѣ того, какъ онъ наговорилъ достаточно необходимыхъ банальностей,—я покинулъ въ Парижѣ одного изъ самыхъ старыхъ друзей, состояніе здоровья котораго меня очень безпокоитъ: я говорю о герцогѣ деЛ'Иль Родъ е Виль Паризисъ. Узнавъ, что я отправляюсь сюда, въ ваше распоряженіе, де Л'Иль Родъ снабдилъ меня устнымъ завѣщаніемъ, которое я могу передать только вамъ, наединѣ. Я прекрасно понимаю, что выбралъ для этого не особенно подходящій моментъ. Но голосъ умирающихъ имѣетъ право на то, чтобы его выслушали въ любое время и любомъ мѣстѣ. Мсье де Л'Иль Родъ, увы! гораздо старше, чѣмъ былъ мсье де Спангеймъ. Поэтому я осмѣливаюсь настаивать, чтобы вы назначили мнѣ часъ свиданія безъ свидѣтелей, хоть сегодня же, хоть послѣзавтра... потому что завтрашняя печальная церемонія навѣрное потребуетъ напряженія всѣхъ вашихъ силъ. Онъ испытующе смотрѣлъ на Стеллу. Не было ничего болѣе мучительнаго, чѣмъ боязливый взглядъ этихъ прекрасныхъ глазъ полированнаго золота, которые Карлъ-Эдуардъ раньше такъ страстно любилъ. Обѣ изогнутыя брови слегка поднялись, какъ въ минуты наивысшаго волненія, — лѣвая бровь чуть выше правой. — Карлъ-Эдуардъ вспомнилъ и задрожалъ.

Прежде чѣмъ Стелла отвѣтила, графъ Подоль осмѣлился достаточно нескромно, возразить:

— Сегодня, такъ и послѣзавтра баронессѣ будетъ очень трудно найти...

Карлъ-Эдуардъ ледянящимъ тономъ прервалъ его фразу:

— Я надѣюсь, что мадамъ де Спангеймъ все же найдетъ для меня время. Такъ какъ, въ противномъ случаѣ, я буду ждать. И я возвращусь туда, откуда я пріѣхалъ, только выполнивъ порученіе.

Золотыя глаза поблагодарили его взглядомъ. И въ то время, какъ оба исключенныхъ свидѣтеля хранили оскорбленное, но безсильное молчаніе, мадамъ де Спангеймъ заговорила своимъ прежнимъ яснымъ голосомъ и назначила Карлу-Эдуарду часъ:

— Я въ большомъ долгу передъ мсье де Л'Иль Родомъ и не могу слишкомъ рано уплатить его, если я только въ состояніи это сдѣлать. Сегодня лучше, чѣмъ послѣзавтра. Я пришлю за вами скоро, часамъ къ четыремъ, если хотите, мсье де Тюрзе...

IV.

— Итакъ, значитъ, васъ держатъ подъ домашнимъ арестомъ! И если бы я не былъ тѣмъ, кто я есть, вы бы даже не имѣли возможности принять меня наединѣ! Но, ради Бога, почему?

— Мой другъ, потому что в Парижѣ я была баронессой де Спангеймъ, а здѣсь я только вдова главнаго сеньора края. Традиція, предразсудки, почемъ я знаю! Въ общемъ это мнѣ почти что безразлично... Я позвала васъ, это правда, въ первый моментъ. Вы понимаете: страхъ... Пока жилъ мсье де Спангеймъ, какъ бы виноватъ онъ ни былъ когда-то по отношенію ко мнѣ, и какое безуміе имъ бы ни владѣло, — онъ все же помогалъ мнѣ жить и защищалъ меня отъ всѣхъ этихъ родныхъ и друзей, которыхъ вы видѣли, и которые представляютъ собой Традицію, Расу, Прошлое... Я, чѣмъ я была? проти-

воположностью имъ! Капризъ и Фантазія. Не покинула ли я нѣкогда Спангеймъ, оставивъ тамъ моего мужа-маніака? — И я поступила неправильно и раскаиваюсь: мсье де Спангеймъ не былъ лишенъ ни гордости, ни справедливости. Когда я вернулась, онъ меня принялъ. Когда я плакала, онъ умѣлъ не видѣть моихъ слезъ. И меня уважали, пока онъ жилъ. — Пока онъ жилъ... Потому что, съ тѣхъ поръ...

— Съ тѣхъ поръ?..

— Съ тѣхъ поръ никто не имѣетъ права защищать меня.

— Но кто на васъ нападаетъ?

— Всѣ.

— Почему? — Ваше право наслѣдства, я думаю, неоспоримо?

— О! нѣтъ! Рѣчь не о деньгахъ... И я богата. — Но я послдняя изъ Спангеймовъ... у барона нѣтъ дѣтей, теперь... (еще одинъ пунктъ противъ меня!..). И вотъ родные и друзья желаютъ, чтобы послѣдняя изъ Спангеймовъ жила въ Спангеймѣ, жила въ траурѣ и одиночествѣ, пока не умретъ... и всѣ меня осаждаютъ и мучаютъ. — Вы понимаете: это не вопросъ личнаго интереса, это вопросъ религіи, если я могу такъ выразиться. — Ясно, что съ точки зрѣнія закона я могу уйти...

— Почему бы вамъ не возвратиться въ Парижъ? Кто этому воспротивится?

— Никто. — Но въ Парижъ? Я? О, Чарли! вы думаете, что я когда-нибудь вновь увижу Парижъ, хотя бы я прожила тысячу лѣтъ?

Они оба, Карлъ-Эдуардъ и Стелла, были одни въ будуарѣ баронессы де Спангеймъ, куда камеристка проводила графа де Тюрзе.

И Карлъ-Эдуардъ перешелъ въ наступленіе:

— Стелла, Стелла! вы плѣнница... и вы не хотите выйти изъ тюрьмы?.. Однако, вы звали меня, съ тѣхъ поръ еще не прошло трехъ дней! Развѣ вы не звали на помощь?

Мадамъ де Спангеймъ помедлила:

— Нѣтъ, — сказала она, наконецъ: — это было только утѣшеніе. Потому что путь, лежащій впереди меня, мраченъ. Но я все же пойду по нему до конца. — Конечно, я могла бы освободиться изъ этой тюрьмы, какъ вы прекрасно сказали. И тѣ самые, которые стараются удержать меня здѣсь, — графиня де Крухъ, скажемъ, или графъ Подоль, — только поклонятся, если я завтра послѣ похоронъ сяду съ вами въ Брюннѣ въ поѣздъ. Но, если я уѣду, куда я пріѣду? Хотите, чтобы я возобновила тотъ образъ жизни, который я вела до того, какъ встрѣтила васъ, — когда я старалась забыть мою потерянную молодость и погубленную жизнь? Это было возможно тогда, потому что... потому что я не знала всего, чему вы меня научили... Но сегодня, какъ вы можете требовать? — Мой другъ, вы уѣдете одинъ. А я останусь. Имъ нечего бояться, всѣмъ этимъ обезпокоеннымъ людямъ, всѣмъ этимъ друзьямъ, всѣмъ роднымъ: Баронесса де Спангеймъ исполнитъ ихъ желаніе, не для нихъ, не для ихъ идеала, но для себя самой, чтобы имѣть, по крайней мѣрѣ, подобіе цѣли, къ которой направить свои шаги. Это лучше чѣмъ идти назадъ. Если я васъ позвала, Чарли, то потому что я должна была вамъ сказать все это, прежде чѣмъ похоронить себя навсегда въ этомъ замкѣ, похожемъ на могилу, гдѣ, черезъ восемь дней, я буду одна и одна навѣки: моя дверь больше ни для кого не откроется... даже для васъ.

Она говорила такъ рѣшительно, что онъ даже не пытался противорѣчить. Она поднялась. Онъ думалъ, что она хочетъ кончить разговоръ, и почувствовалъ легкій уколъ въ сердцѣ. Но она только подошла къ открытому окну облокотилась о него. Окно было широкое. Карлъ-Эдуардъ тоже могъ облокотиться. И оба молча смотрѣли на обширныя поля, уже потемнѣвшія, такъ какъ солнце только что зашло. Залъ мадамъ де Спангеймъ, какъ и комната Карла-Эдуарда, выходили на южный фасадъ замка. Карлъ-Эдуардъ узналъ поля, луга и возвышенность, которыя онъ скорѣе почувствовалъ, чѣмъ узналъ

ночью. Вблизи два поселка, одинъ справа, другой слѣва, — нѣсколько домовъ среди группы деревьевъ. Третій поселокъ, увѣнчанный деревенской колокольней, украшалъ возвышенность. Хотя онъ былъ дальше, чѣмъ другіе два, его было легче различить. Онъ возвышался надъ равниной, ярко освѣщенный отблесками вечерняго неба. Югъ, юго-западъ, къ югу, — такъ оно и было. Мили на двѣ западнѣе возвышались туманные силуэты большого села, почти города. Силуэты были очень высокіе... колокольня или замокъ.

— Это Славковъ, — прошептала Стелла де Спангеймъ, слѣдившая за его взглядомъ.

Онъ повторилъ:

— Славковъ?

— Славковъ, — объяснила она, — это славянское названіе Аустерлица. Вы не знали? Я думала, что я вамъ это говорила прежде?

— О! — вспомнилъ онъ: — да, я зналъ! но я забылъ... Вы живете на самомъ полѣ битвы?

Она улыбнулась:

— Да.

Мирный пейзажъ на глазахъ у Карла-Эдуарда преобразился.

Онъ объ этомъ никогда не думалъ. Она жила на полѣ битвы, — на самомъ извѣстномъ изъ всѣхъ полей битвъ всей исторіи. Марафонъ, Ватерлоо, Рокруа, Лиценъ, Полтава, Вальми, Седанъ, Фарсали; Саламинъ, даже Іена, что это по сравненію съ Аустерлицомъ? Онъ задумался надъ этимъ, потомъ понялъ, что даже баронесса де Спангеймъ могла доживать свой вѣкъ, созерцая Аустерлицъ, какъ жили отшельники, созерцая распятіе...

Она сама въ четырехъ словахъ подтвердила то, что онъ думалъ.

— И баронъ былъ правъ. Здѣсь можно жить и умереть.

Немного погодя она добавила:

— Здѣсь, не пытаясь видѣть далеко, люди, достойнѣе насъ, умерли въ безвѣстности за дѣло, котораго они

не понимали. И все же изъ нѣмой и безсознательной жертвы родилась огромная слава. Я постараюсь подражать солдатамъ Аустерлица. Цѣль, въ чемъ бы она ни состояла... и стремиться къ ней до достиженія... и умереть, чтобы достичь!.. Въ общемъ на этой бѣдной землѣ достойны уваженія только тѣ, которые идутъ до конца своихъ обязанностей, страстей или фантазіи.

— Всѣ три составляютъ только одно, — произнесъ Карлъ-Эдуардъ: — фантазія ведетъ къ желанію, желаніе заключаетъ въ себѣ обязанность.

— Да, сказала она. — Такъ и мной когда-то овладѣла страсть... Вы, можетъ, знаете, какая?.. Потомъ фантазія... укрыться здѣсь... И моя обязанность явилась результатомъ. Я до конца исполню мою обязанность.

— Надо идти до конца?

Она взглянула на него, потомъ подтвердила:

— Да.

Она, сказавъ это, обернулась къ полю битвы:

— Да, — повторила она, — надо всегда идти до конца. Мы не имѣемъ права сомнѣваться въ этомъ. Если у васъ есть малѣйшее колебаніе, — о! взгляните сюда, взгляните!

Онъ посмотрѣлъ. Она продолжала:

— Это Пратценъ. То-есть настоящій центръ рокового сраженія. Аустерлицъ на самомъ дѣлѣ не тамъ, въ Славковѣ: Аустерлицъ здѣсь. Ну вотъ! а когда облокачиваешься объ это окно и когда видишь Пратценъ, знаете ли вы, что открылось бы за горизонтомъ, если идти дальше?..

— Нѣтъ?..

— Сперва Ваграмъ. — Да: Ваграмъ, который находится въ пяти миляхъ отъ Вѣны. — Ваграмъ, гдѣ прошелъ Наполеонъ четыре года послѣ того, какъ онъ прошелъ черезъ Аустерлицъ.

— Дѣйствительно?

— Да. Все это, впрочемъ, очень просто. Эта прямая линія отъ Аустерлица до Ваграма, навѣрное, встрѣчаетъ на своемъ пути много такихъ замковъ, какъ этотъ. Но

то, что я вамъ скажу, болѣе необычайно: эта же прямая линія, которая соединяетъ плато Пратцена съ Ваграмомъ знаете ли вы, куда она приведетъ насъ, если мы ее продолжимъ на югъ?

— Скажите?

— Сперва къ Адріатическмоу морю; потомъ надъ Италіей, Сициліей, Средиземнымъ моремъ, и Африкой, наконецъ, она пройдетъ отъ Триполи къ Дагомейскому королевству... послѣ чего...

— Послѣ чего, пройдя тысячу пятьсотъ миль надъ Южнымъ Атлантическимъ океаномъ, прямая линія Аустерлицъ—Ваграмъ приведетъ къ затерянному острову, названіе котораго знаютъ всѣ люди, хотя мало, кто его видѣль собственными глазами: Святая Елена.

— Это правда?

— Это правда.

Было почти темно. Карлъ-Эдуардъ и Стелла, все еще стояли рядомъ, облокотившись, ихъ зачаровала тайна этой роковой линіи, — прямой линіи Аустерлицъ—Ваграмъ—Святая Елена... Шорохи засыпающей природы, казалось, еще больше углубляли и дѣлали торжественнѣе воцарившееся между ними молчаніе. Стелла де Спангеймъ тихимъ голосомъ закончила:

— Онъ, Наполеонъ, какъ никто иной достойный названія «Человѣкъ», не ошибся, пройдя отъ Аустерлица къ Ваграму, и, особенно, отъ Ваграма къ Святой Еленѣ. — Онъ поступилъ также правильно, какъ Христосъ, который изъ Генизарета ушелъ въ Іерусалимъ, а изъ Іерусалима въ Гефсиманію. — Надо идти до конца. Особенно, когда прямая линія приводитъ на Голгофу и на Крестъ.

Она ненадолго умолкла. Потомъ, повернувшись лицомъ къ Карлу-Эдуарду, она наклонилась къ нему. И онъ вдругъ почувствовалъ на своихъ истосковавшихся устахъ цѣломудренную ласку прекраснаго лба, который медленно прижался къ нимъ.

— Это причастіе, — сказала она, не двигаясь, и какъ будто не дыша: — оно мнѣ было необходимо, Чарли!

потому что я нашла здѣсь мой пустынный островъ; но до конца еще далеко.

Онъ благоговѣйно поцѣловалъ лобъ. Она выпрямилась:

— Вы тоже, — объявила она, улыбаясь, — вы тоже найдете!..

V.

Можетъ быть, онъ нашелъ...

Но если онъ и нашелъ, Парижъ не былъ увѣдомленъ объ этомъ. Графъ Тюрзе, какъ было предусмотрѣнно и объявлено, покинулъ Спангеймъ вечеромъ того дня, какъ состоялись похороны барона. Онъ сѣлъ въ Брюннѣ въ поѣздъ на Вѣну, на глазахъ стараго графа Подоля, который считалъ нужнымъ лично проводить его. Но, несмотря на это, онъ тридцать шесть часовъ спустя не вышелъ на Восточномъ вокзалѣ изъ Оріентъ-экспресса. И въ Парижѣ не было получено никакихъ извѣстій... И никакія извѣстія не были получены, никогда...

Все же, изъ Вѣны въ Парижъ пять писемъ было отправлено Оріентъ-экспрессомъ, которымъ графъ де Тюрзе самъ не воспользовался. И одно изъ этихъ писемъ, самое длинное, безъ сомнѣнія, многое, многое сообщило герцогу де Л'Иль Родъ е Виль Паризисъ. Но герцогъ, который теперь очень быстро старился, мало кого принималъ и совсѣмъ не выходилъ; внимательно прочитавъ и перечитавъ письмо, разорвалъ на мелкія кусочки двѣнадцать или пятнадцать страницъ, написанныхъ Карломъ-Эдуардомъ. И никогда не проронилъ о нихъ ни слова, до своего послѣдняго дня.

Королева Нора де Гогенштауфенъ тоже получила письмо, и также малютка Лорель и мадемуазель Фрэней. Письма короткія, серьезныя, нѣжныя, меланхоличныя, — одно болѣе серьезное, другое болѣе нѣжное, послѣднее болѣе меланхоличное; — но письма, которыя не говорили ничего, кромѣ одного: прощайте.

VI.

И вотъ, прошли года. Десять, пятнадцать, двадцать... Можетъ, больше...

VII.

Въ это время милліардеръ Артуръ Андрей Поэ, когда то, во время своихъ пребываній въ Парижѣ, бывшій завсегдатаемъ салона Рожере, наканунѣ еще находившійся въ цвѣтущемъ здоровьѣ, внезапно впалъ въ безсильную неподвижность, къ которой медики отнеслись очень серьезно. Вызванные по телеграфу, Серао, неврологъ Рима, Дельфинъ, психіатръ Лозанны, и великій Бревиль, парижскій чудотворецъ, вмѣстѣ вскочили въ первый же аэропланъ Лондонъ—Нью-Іоркъ. И всѣ трое сошлись, рѣдкій случай, предписавъ немедленный отдыхъ. Артуръ Андрей Поэ приближался къ 60-ти годамъ; этотъ мысъ трудно обогнуть «босс'у» жизнь котораго была только переутомленіемъ, лихорадкой и переутомленіемъ. Приказаніе было точно: леченіе уединеніемъ, по крайней мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ, въ кругу очень близкихъ друзей, между водой и небомъ; и никакого радіо. Болѣе того: никакой корреспонденціи, никакихъ газетъ. Предпочти-

тельна парусная яхта: прочь волненія, прочь огорченія, прочь малѣйшее психическое или физическое возбужденіе! И все это сейчасъ же, подъ страхомъ смерти, или хуже. Артуръ Андрей сперва заартачился, потомъ испугался, затѣмъ подчинился: страхъ не всегда плохой совѣтникъ. Въ общемъ, яхта была оснащена, — самая красивая американская шхуна, съ четырьмя одинаковыми мачтами, длинная, широкая и достаточно роскошно обставленная, чтобы принять императора съ дворомъ; — друзья были приглашены: у милліардера въ нихъ никогда нѣтъ недостатка. А Артуръ Андрей имѣлъ ихъ въ большомъ числѣ, такъ какъ онъ всегда былъ хорошимъ человѣкомъ, способнымъ любить ближняго. — Все же друзья, которыхъ увозишь на шесть мѣсяцевъ съ намѣреніемъ пользоваться ими, какъ сидѣлками, не водятся дюжинами. Артуръ Андрей Поэ былъ вынужденъ для пополненія числа своихъ гостей до двѣнадцати, — четыре лэди, восемь джентльменовъ, — искать по ту сторону Соленой Лужи: Соединенные Штаты дали ему лишь половину требуемаго континента. Англія и Франція дали остальное; главнымъ образомъ Франція, потому что Артуръ Андрей былъ влюбленъ въ Парижъ: онъ тамъ жилъ во времена своей юности, и возвращался туда каждую весну на нѣсколько недѣль или нѣсколько дней, въ теченіи добрыхъ двадцати лѣтъ. Такъ что двѣ француженки и два француза согласились взойти на бортъ шхуны незадолго передъ поднятіемъ якоря для волшебной прогулки по океану. Изъ этихъ француженокъ одну звали графиня де Прэль (она была вдовой уже десять лѣтъ). Друзья прозвали ее Лорель. Вторая — мадамъ де Сэнъ-Женисъ-Лаваль, урожденная Эльза де Сартэнъ, вышла замужъ за сына грознаго полемиста, уже давно умершаго; и ея мужъ, разумѣется, сопровождалъ ее. Что касается четвертаго парижанина, котораго Артуръ Андрей пригласилъ и который счелъ за честь быть рыцаремъ графини де Прэль, то это былъ ни болѣе ни менѣе, какъ посолъ Бертранъ Фонтенуа. Тотъ самый, который, при историческихъ обстоятельствахъ, спасъ миръ пла-

неты, почти чудеснымъ образомъ уладивъ, казавшійся неразрѣшимымъ, конфликтъ Тихаго океана...

Въ одинъ изъ вечеровъ путешествія, американская шхуна покинула Фриско болѣе трехъ мѣсяцевъ тому назадъ и посѣтила пятнадцать или двадцать острововъ, нѣкогда прекраснѣе садовъ Магомета, и прекрасныхъ еще теперь, несмотря на гнусныя старнія бѣлыхъ людей, мало-по-малу обезобразить ихъ. Однажды вечеромъ, — солнце стояло еще высоко на небѣ, — капитанъ пришелъ поговорить съ владѣльцемъ. Дѣло въ томъ, что океанъ, насколько хватитъ глазъ пѣнился, такъ сильно восточн. пассатъ бичевалъ длинныя волны и взбивалъ ихъ. Морская болѣзнь, правда, была незнакома на яхтѣ Артура Андрея Поэ. Но порывистая качка не менѣе утомляетъ наиболѣе привычныхъ моряковъ и самъ корабль. Судно быстро двигалось вдоль самаго берега, чтобы добраться до Панеетэ на Таити. Вотъ почему никто не былъ огорченъ, когда капитанъ высказалъ свою просьбу:

— Мсье, — сказалъ онъ, — мы находимся въ виду Монити, Бора-Бора, Тахаа, Раматэа и Хуи-Хинэ. Это значитъ, что Таити находится отъ насъ въ двухстахъ миляхъ противъ вѣтра, и что мы можемъ добраться дотуда только завтра вечеромъ или послѣзавтра. Ночь будетъ трудной... Вмѣсто того, чтобы выйти въ море, почему бы не бросить сейчасъ якорь у Тахаа, напримѣръ? Подъ прикрытіемъ рифа мы будемъ какъ въ гавани. И если вамъ хочется немного размять ноги на пляжѣ, который совсѣмъ не дуренъ, то моторная лодка доставитъ васъ туда въ пять минутъ?..

— Бросьте якорь, гдѣ вы предлагаете... и спустите моторную лодку, — скомандовалъ Артуръ Андрей меланхолически. Онъ помнилъ время, когда никто не осмѣливался подсказывать ему что бы то ни было...

Часъ спустя, когда американское судно остановилось за могучими скалами Тахаи и ея сестры Раматэи, онъ спустился въ лодку, во главѣ половины своихъ пригла-

шенныхъ: остальные, пресыщенные, рѣшили, что достаточно полюбоваться землей на разстояніи. Но мадамъ де Прэль и Сэнъ Женисъ-Лаваль были среди экскурсантовъ, а также и посолъ Фонтенуа. Мсье Сэнъ Женисъ-Лаваль, столь же лѣнивый, какъ его отецъ былъ умственно активенъ, даже не поднялся съ шэзъ-лонга. Моторная лодка тронулась. Тахаа приблизилась.

— Между прочимъ? — спросилъ вдругъ Артуръ Андрей Поэ: — Ли-Куи, скажите этимъ дамамъ, что такое Тахаа?

На другомъ концѣ кабинки моторной лодки появился китаецъ съ узенькими глазами, одѣтый въ клѣтчатый, совсѣмъ европейскій костюмъ. Ли-Куи, на всѣ руки мастеръ, былъ нанятъ мѣсяцемъ раньше на Самойскихъ островахъ, въ качествѣ пилота и проводника одновременно. По своему собственному признанію, неважный морякъ, онъ оказался наиболѣе ловкимъ, наиболѣе прилежнымъ и освѣдомленнымъ факторомъ. Онъ зналъ все, что касалось Полинезіи, и особенно ея рессурсовъ. Мужчинъ, женщинъ, купцовъ, товары, скотъ, съѣстные припасы, жилища, достопримѣчательности, онъ зналъ всѣхъ и все. И если онъ не зналъ наиболѣе краткаго пути и вѣрнаго прохода, онъ всегда умѣлъ найти рыбака или опытнаго жителя, способнаго замѣстить его въ подобныхъ случаяхъ. Притомъ всѣ острова, почти безъ исключенія, были ему хорошо знакомы; онъ могъ разсказать исторію каждаго изъ нихъ и преданіе о немъ; его память была словаремъ фольклора, въ которомъ можно было рыться въ любую минуту. Ли-Куи сперва поклонился со всей вѣжливостью уроженца Небесной Имперіи; потомъ, говоря на безукоризненномъ англійскомъ языкѣ, почти безъ акцента, началъ:

— Тахаа очень плодородный островъ съ множествомъ дичи въ лѣсахъ. Кабаны, конечно, какъ повсюду въ Океаніи. И здѣсь имѣются охотники и покупатели.

Гора почти не обработана, разводятъ только копру. Туземцы очень красивы.

— Есть бѣлые?

— Теперь есть только одинъ. Но прежде было трое. Французы. И одинъ былъ знаменитый художникъ, который нарисовалъ много, много картинъ. Онъ тридцать лѣтъ жилъ здѣсь, и потомъ уѣхалъ обратно.

— Моріо? — спросила мадамъ де Прэль.

— Да, это то самое имя.

— Какъ, — воскликнула мадамъ Сэнъ Женисъ-Лаваль, — это здѣсь Моріо создалъ свою картину? Вотъ это восхитительно и вы это знали, Лорель? Но вы всегда все знаете!..

Моторная лодка въѣхала въ узкую бухту. Бухта была окаймлена пышными лѣсами, а въ концѣ ея, куда причалила лодка, находился отлогій берегъ, покрытый мелкимъ, лимоннаго цвѣта, пескомъ. Шестью метрами дальше привлекала глаза настоящая лужайка, покрытая цвѣтущими орхидеями. За ней начинался лѣсъ. Лѣсъ вовсе не былъ дѣвственнымъ. Деревья его были величественны, но привѣтливы; и тропинки извивались отъ прогалины къ прогалинѣ. Почва подымалась отлого. И, когда оборачивались къ морю, то вдали, вдоль берега, можно было различить три или четыре соломенныхъ хижины съ заостренными крышами, поставленными на сваи; хижины красиво оживляли пейзажъ. Артуръ Андрей Поэ и его гости теперь подвигались по лѣсу и больше не разговаривали, охваченные неизъяснимымъ очарованіемъ полинезійской природы, одновременно тропической и кроткой, роскошной и скромной. Когда они дошли до ручейка, который текъ маленькими водопадами, Бертранъ Фонтенуа, посолъ, вдругъ вспомнилъ одну фразу гида Ли-Куи и, подозвавъ его, спросилъ:

— Ли-Куи, вы только что сказали, что на Тахаа есть еще одинъ бѣлый? Онъ тоже французъ?

Китаецъ заспѣшилъ:

— Да, ваше сіятельство, онъ французъ. И я его видѣлъ, потому что онъ здѣсь давно, давно. Но я съ нимъ никогда не говорилъ.

Почему?

— Потому что онъ не хочетъ, чтобы съ нимъ говорили. Когда онъ пріѣхалъ, оба другихъ француза были еще здѣсь. Онъ сдѣлалъ имъ визитъ обоимъ, повидимому, одинъ только разъ. И потомъ больше никогда. И онъ построилъ свой домъ очень далеко отъ двухъ другихъ домовъ. — какъ разъ съ этой стороны острова: другія дома были тамъ, тамъ...

— Вотъ что, по крайней мѣрѣ, странно...

Посолъ остановился и всѣ окружили китайца.

— Но вы говорите, что вы его видѣли?

— Да, но издали. Какъ только онъ кого нибудь замѣчаетъ, онъ уходитъ.

— Такъ какъ же онъ живетъ?

— Его жены дѣлаютъ все,что на до. Онъ у меня часто многое покупалъ, и онъ хорошо платитъ. Но его жены приносятъ деньги и забираютъ товары, — ружья, дробь, съѣстные припасы, матеріи, все.

— Его жены? Какъ?

— О! его жены туземки. Онъ имѣетъ двухъ, трехъ, четырехъ. Онъ живетъ совершенно по обычаямъ страны. И у него также много дѣтей.

— И онъ живетъ поблизости?

— Да, въ полу-часѣ ходьбы. На холмѣ, вонъ тамъ, среднемъ... Теперь всѣ слушали, раскрывъ рты. Артуръ Андрей Поэ вдругъ высказалъ общее желаніе:

— Пойдемте, — сказалъ онъ.

— О! — сказалъ китаецъ, — вы его, можетъ быть, увидите издали, но вы не будете съ нимъ говорить...

Они начали маленькій подъемъ, когда Бертранъ Фонтенуа поставилъ послѣдній вопросъ:

— Ли-Куи, знаете ли вы имя этого человѣка?

— Да, ваше сіятельство: его зовутъ Тюрзе.

— Тюрзе?

— Тюрзе... Т—ю—р—з—е...

Когда китаецъ сказалъ по складамъ, Артуръ Андрей Поэ закричалъ первымъ, а мадамъ де Прэль и Сэнъ Женисъ-Лаваль за нимъ. Фонтенуа не удержалъ восклицанія...

— Тюрзе! графъ де Тюрзе! Карлъ-Эдуардъ Стюартъ!.. Нѣтъ сомнѣнія, это онъ. — Такъ вотъ какъ онъ исчезъ! — Исчезъ уже давно!..

— Я его прекрасно помню, я была совсѣмъ маленькой дѣвочкой, — подтвердила мадамъ Сэнъ Женисъ-Лаваль, сохраняя все свое хладнокровіе.

— Идемте! — повторилъ Артуръ Андрей.

Они подошли къ площадкѣ, находившейся на вершинѣ перваго холма, похожаго на акрополь. И они увидѣли въ ста шагахъ впереди себя довольно обширный домъ изъ бамбука. Онъ былъ окруженъ немного приподнятой верандой.

Вокругъ играли многочисленныя дѣти. Всѣ были голы и очень красивы. Заходящее солнце блестѣло на ихъ лоснистой кожѣ мѣдно-красными отсвѣтами. Двѣ женщины, одѣтыя въ яркія ткани, вили вѣнки изъ цвѣтовъ пандануса. Одна изъ нихъ, увидя иноземцевъ, вскочила и со всѣхъ ногъ бросилась къ дому. Она вбѣжала внутрь, какъ будто отъ кого то убѣгая.

Черезъ минуту тѣ, которые подходили, увидѣли вышедшаго изъ дому мужчину. Онъ носилъ европейское платье, но упрощенное. Онъ былъ высокъ ростомъ и смуглъ и его гладко выбритое лицо пробудило воспоминанія въ памяти всѣхъ тѣхъ, которые раньше знали графа де Тюрзе. Не было сомнѣній, что это онъ. Его уже хотѣли назвать по имени. Но въ этотъ моментъ онъ скрылся.

— Онъ по верандѣ прошелъ за домъ, — сказалъ Фонтенуа.

— Пойдемъ все-таки, — сказалъ Артуръ Андрей.

Одна изъ женщинъ, та, которая только что бѣжала къ дому, теперь возвращалась. Она пошла навстрѣчу

чужеземцамъ и вѣжливо привѣтствовала ихъ на варварскомъ французскомъ языкѣ.

— Мы бы хотѣли видѣть вашего мужа, — сказалъ посолъ.

— Онъ только что ушелъ, — объяснила она, наполовину жестами, на половину словами.

— Но онъ вернется?

— Нѣтъ. Не сегодня.

Мадамъ де Прэль въ свою очередь спросила:

— Вы его жена? И эта здѣсь?

— Она тоже, какъ и я.

— И всѣ эти дѣти?

— Наши дѣти, ея, мои,и третьей жены, которой здѣсь нѣтъ.

Двое молодыхъ людей показались на верандѣ, выйдя изъ жилища. Женщина указала на нихъ:

— Они тоже дѣти старой жены, умершей.

— Но всѣ дѣти вашего мужа? — Да.

— Сколько же у него дѣтей?

Она начала считать по пальцамъ, ошиблась, начала сначала, снова путалась и разсмѣялась:

— Много! — сказала она: шестнадцать, семнадцать, восемнадцать...

И всегда любезная:

— Хотите видѣть домъ?

Они послѣдовали за ней.

Это была только обширная хижина, одновременно примитивная и уютная. На землѣ японскія цыновки. Нѣсколько перегородокъ раздѣляли ее на комнаты, снабженныя кроватями съ занавѣсками отъ москитовъ. Вода изъ сосѣдняго отведеннаго ручейка медленно текла въ большой водоемъ.

Но посѣтители были внезапно поражены, увидѣвъ въ глубинѣ самой большой комнаты, между двумя маленькими лампами, большого каменнаго идола. Онъ былъ высѣченъ какъ другіе древніе камни, на подобіе гигантскаго Фаллуса.

Конецъ.